
PHILOSOPHY

PHILOSOPHY

Марк ЛЕОНАРД

О ЧЕМ ДУМАЮТ
В КИТАЕ?

УДК 1(510)
ББК 87,3 (5Кит)
Л47

Серия «Philosophy»

Mark Leonard
WHAT DOES CHINA THINK

Originally published in the English language by HarperCollins Publishers Ltd.

Перевод с английского И.В. Кузнецова

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн Н.А. Хафизовой

Печатается с разрешения издательства
HarperCollins Publishers Limited.

Подписано в печать 27.02.09. Формат 84х108¹/₃₂.
Усл. печ. л. 11,76. Тираж 3000 экз. Заказ № 851

Леонард, М.

Л47 О чем думают в Китае? / Марк Леонард, пер. с англ. И.В. Кузнецова. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. — 222, [2] с. — (Philosophy).

ISBN 978-5-17-058109-2 (ООО «Изд-во АСТ»)

ISBN 978-5-403-00984-3 (ООО Изд-во «АСТ МОСКВА»)

Марк Леонард — известный британский политолог, журналист-международник и публицист, которого Би-би-си назвала «одной из самых влиятельных фигур в современной внешней политике». Его книга «О чем думают в Китае» стала международным бестселлером.

Мы знаем о Китае все — и ничего.

Нам известно, что за какие-нибудь тридцать лет Китаю удалось накормить и одеть нищую, отсталую страну и превратить ее в могущественную и богатую державу, вклад которой в глобальную экономику трудно переоценить.

Но при этом многие по-прежнему считают, что в Китае царит жесткая диктатура, и называют его империей, представляющей опасность для Запада.

Так ли это?

Что нам известно о том, как развивается в Китае интеллектуальная мысль, о том, каким видят китайцы свое будущее и как расценивают свое влияние на окружающий мир?

Вот лишь немногие из вопросов, на которые отвечает в своей книге Марк Леонард...

УДК 1(510)
ББК 87,3 (5Кит)

© Mark Leonard, 2008

© ООО Издательство «АСТ МОСКВА», 2009

Посвящается Габриэлле

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	9
<i>Введение. Освобождение мысли.....</i>	<i>15</i>
<i>Глава первая. Капитализм на берегах Желтой реки</i>	<i>37</i>
<i>Глава вторая. Демократия за завесой облаков</i>	<i>85</i>
<i>Глава третья. Всеобъемлющая мощь нации.....</i>	<i>133</i>
<i>Выводы. Китайский мир за Великой стеной</i>	<i>182</i>
Мыслители современного Китая	213

ПРЕДИСЛОВИЕ

События 11 сентября 2001 года придали новый импульс дискуссии о взаимоотношениях Европы и Америки. Западный мир оказался расколотым на два противоположных лагеря, в каждом из которых придерживались различных моделей мирового порядка: американцы действовали так, будто они родом с Марса, а европейцы — с Венеры. Соответственно США проявляли склонность к использованию военной мощи для сохранения своих позиций единственной сверхдержавы, то есть к построению мирового порядка на основах либерализма, в том виде, как они его понимают. Евросоюз, со своей стороны, отстаивал такую систему, в которой безопасность гарантировалась бы политической и экономической взаимозависимостью всех ее участников, а разногласия разрешались бы прежде всего правовыми, а не силовыми методами.

Неустойчивость мировоззренческих позиций в этой области и их неоднозначность вдохновили меня на написание моей первой книги — «Почему Европа будет играть ведущую роль в XXI веке». В ней приводились доводы в пользу того, что создание европейской модели развития имеет большое историческое значение. В этой

книге я изложил свой взгляд на то, как влияние европейской модели может стать определяющим в мировой политике к концу текущего столетия. На данный момент расхождения между Европой и Америкой еще больше осложнились неуступчивым соперничеством в идеологической сфере, приводящим к противопоставлению как Евросоюза, так и США по отношению к альтернативным системам, формирующимся в странах, не относящихся к «западному миру». Так кредо российское «суверенной демократии» и стремление исламского мира к теократическому правлению представляют серьезный вызов, даже если могут оказаться лишь временным явлением. Что же касается Китая, то с учетом огромных ресурсов, экономического динамизма и политического мастерства, проявляемого его руководителями, следует признать в нем в долгосрочной перспективе наиболее серьезного претендента на всемирное лидерство.

Несмотря на то что о «китайском чуде» написаны десятки книг, большинство авторов рассматривают данный феномен с точки зрения экономических, политических или военных аспектов и не воспринимают эту страну как своего рода генератор идей, способных повлиять на остальной мир. Такие авторы мало что могут рассказать о дискуссиях, ведущихся в китайских интеллектуальных кругах, или идеологических доктринах, способных конкурировать с европейскими и американскими взглядами на окружающий мир. В своей работе я попытался обратить внимание на те идеи, о которых необходимо знать европейским политическим деятелям, если они намерены успешно продвигать свои взгляды на мир.

Эта книга, как и предыдущая работа, посвященная проблемам Европы, не появилась бы без поддержки моих

литературных агентов Мэгги Перлстайн и Джеми Кроуфорд. Успешное завершение этого предприятия явилось результатом усилий и моего редактора в «Форз эстейт» — Митси Энджел. Совместно со своим чрезвычайно способным коллегой Робинот Харви она творчески подошла к воплощению моего замысла. С присущими ей интеллектуальным блеском, восприимчивостью к новому и столь необходимым в таких делах терпением она постоянно побуждала меня совершенствовать данную работу.

Я весьма признателен китайским философам, писателям и официальным лицам, нашедшим время для бесед со мной и познакомившим меня со своими публикациями пусть в чем-то спорными идеями во время моих поездок в Китай. Этих людей очень много, так что затруднительно назвать их всех по именам. Я выделяю только некоторых, оказавших наиболее ценную помощь: Чу Шулун, Цуй Чжиюань, Фань Ган, Фан Нин, Фэн Чжунпин, Гань Ян, Хань Дэцян, Хэ Цзэнкэ, ХС Лю, Ху Аньган, Хуан Пин, Цзян Сяоцзюань, Цзинь Цаньжун, Кан Шаобан, Лай Хайжун, Ли Даокуй, Ли Дяньсюнь, Ли Цзинхуа, Ли Цзюньжу, Лю Цзяньфэй, Ма Чжэньган, Пань Вэй, Пань Юэ, Пан Чжун'ин, Цинь Ган, Цинь Хуэй, Цинь Яцин, Жуань Цзунцзэ, Шэнь Динли, Шэнь Дун, Ши Иньхун, Сун Синьнин, Ван Хуэй, Ван Цзисы, Ван Шаогуан, Ван Сяодун, Ван Ивэй, Ван Ичжоу, У Байи, У Цзяньминь, Сянлин Сюй, Янь Сюэту, Ян Цземань, Ян Яо, Юй Цзяфу, Юй Кэпин, Юй Юндин, Чжа Даоцзюнь, Чжан Вэйин, Чжао Тин'ян, Чжэн Бицзянь, Чжоу Хун. Я особенно благодарен моим друзьям в китайской Академии общественных наук за проявленное гостеприимство в ходе моих неоднократных визитов в Пекин и за доброе отношение ко мне во время моего пребывания там в 2006 году в качестве приглашенного лектора.

Я также был воодушевлен работами и поддержкой целого ряда таких авторитетных синологов, таких как Уильям Эрман, Арон Фридберг, Джозеф Фьюсмит, Кристофер Хэм, Род Макфаркьюхар, Лолита и Матей Михалка, Джеймс Майлз, Эберхард Сэндшнайдер, Йен Секингтон и Дэвид Шамбо. Рэм Кулзаас открыл передо мной новый Китай. Волкер Штанзель проявил себя как постоянно готовый помочь, гостеприимный хозяин и мудрый советник. Он прекрасно организовывал деловые обеды и ужины и часто помогал мне анализировать результаты, полученные во время моих поездок по стране. Роберт Кэган и Гэри Шмит были моими партнерами и составляли мне прекрасную компанию во время посещений Пекина, Шанхая и Тайбэя. В различные периоды и разными путями друзья оказывали мне существенную поддержку или делились своими идеями, не всегда предполагая, какое значение их советы имели для меня. Особую благодарность хотелось бы также выразить таким замечательным людям, как Роб Блэкхерст, Ричард Гауэн, Тоби Грин, Фозбе Грифит, Сандер Катвала, Адам Лури, Джеф Мэлган и Шауна Макалистер.

Многие исследования, связанные с написанием данной книги, я проводил в Центре европейских реформ (ЦЕР). Я весьма признателен Чарлзу Гранту — замечательному партнеру и образцовому предпринимателю — за поддержку в создании книги, оказываемую с самого начала моей работы. Мы вместе совершили ряд поездок в Китай, и он предоставил мне годичный творческий отпуск для целенаправленной работы над книгой. Немецкий Фонд Маршалла организовал и профинансировал несколько моих посещений Китая, а также мою работу в ЦЕР. Президент фонда, его научный руководитель и поручитель

Крэг Кеннеди сразу осознал огромный потенциал этого проекта и оказал мне всемерную личную и профессиональную поддержку в целях успешного его завершения. В Институте открытого общества меня с воодушевлением поддержали Мабэль ван Оранже, Эри Нейер и Джордж Сорос, помогавшие своими действиями и советами. Они также проявили терпение и позволили мне завершить работу над первоначальным вариантом книги до того момента, как в Европе был создан Европейский совет по международным делам (ЕСМД). Два превосходных обозревателя внешней политики Китая в ЕСМД — Франсуа Годман и Джон Фокс — прочитали рукопись и дали ценные рекомендации. Необходимо также отметить, что и мой коммерческий агент Кэтрин Паркс действовала весьма активно и энергично, особенно на заключительном этапе выпуска книги в свет.

Чжан Фэн, образцовый научный сотрудник и добросовестный исполнитель, занимался активным поиском материалов, переводом многочисленных статей и книг и держал меня в курсе актуальных идей, имевших хождение в академических и политических кругах Китая.

Отдельного упоминания заслуживают и люди, которые познакомили меня с Китаем в ходе первой поездки в эту страну и с тех пор ставшие моими надежными проводниками. Джошуа Рамо — единомышленник, вдохновитель всех моих начинаний; впервые он привлек мое внимание, когда позволил напечатать свою интереснейшую статью по «Пекинскому соглашению». В то время я руководил работой Центра международной политики. Он не жалел для меня времени, знакомил со своим окружением и щедро делился новыми идеями. Поппи Сибэг-Монтефьер, в свою очередь, придала моим поездкам в Китай занима-

тельность и способствовала дальнейшему развитию интереса к стране. Более, чем кто-либо еще, она помогла мне понять внутреннюю жизнь современного Китая, ввела в круг своих друзей, каждый, из которых представлял собой интереснейшую личность, и позволяла мне пользоваться ее апартаментами в Пекине, когда в этом возникала необходимость. Эндрю Смол проявил себя в сложных ситуациях как надежный друг. Он сопровождал меня в поездках по удаленным и глухим районам китайских провинций, снабжал публикациями по самому широкому кругу тем, читал все варианты моей книги и помогал глубже понять этот огромный новый мир.

Родители зачастую поступались своими интересами, откладывали в сторону свои дела, чтобы оказать мне помощь в преодолении кризисных ситуаций. Я чувствую себя обязанным им за их великодушие, чуткость и понимание. Пример родителей свидетельствовал о том, что в этом мире все возможно. А признание с их стороны моих усилий оправдывало целесообразность их в моих глазах. Моя сестра Мириам и ее муж Фироуз были со мной во все ответственные моменты, оказывая моральную поддержку. Они обеспечили мне доступ к университетским архивам и вдохновляли эрудицией. Но все же особую благодарность я выражаю своей жене Габриэлле, находившейся на самой «передовой линии» моего проекта гораздо больше времени, чем каждый из нас мог когда-либо предположить. Так что эта книга посвящается именно ей. «Без тебя у меня не останется неба, только соберутся дожди. Без твоей любви мне нигде не найти места, без тебя для меня все будет потеряно».

Марк Леонард, ноябрь 2007 года

ВВЕДЕНИЕ

Освобождение мысли

Само существование Китая не вписывается в систему взглядов Запада на ход мировой истории. Так, в Библии ничего не говорится о Китае. Для Гегеля начало мирового исторического процесса символизировалось появлением примитивного Китая, а кульминация его развития — немецкой цивилизации. В тезисе Фукуямы о «конце истории» Германия просто уступает место Америке. И вот неожиданно для себя Запад обнаруживает, что на Востоке существует такая страна, Китай: огромная империя с богатой историей и славным прошлым. Словно из небытия появляется целый новый мир.

*Гань Ян. Три великие традиции новой эры:
слияние трех традиций и возрождение
китайской цивилизации*

Очень немногие события, свидетелем которых я являлся, превратятся в вехи истории после того, как меня не станет. Даже трагедия 11 сентября или война в Ираке,

несомненно, привлечшие всеобщее внимание, унесшие много невинных жизней и оказавшие влияние на результаты выборов, по прошествии будут восприниматься не столь остро, и в конце концов память о них останется на страницах книг по истории. Но возвышение Китая представляет собой событие иного порядка: это знаменательное явление нашей эпохи, и его последствия будут ощущать не одно поколение. Так же, как история подъема и упадка Римской, Османской и Британской империй или пример Советского Союза, получили свое отражение во множестве научных трудов, должное внимание будет уделено описанию нового феномена и связанных с ним событий. Ведь впервые за время, прошедшее после окончания «холодной войны», держава, не относящаяся к западному миру, стала глобальным игроком в первой лиге государств: Китай наравне с Соединенными Штатами и Европой оказывает непосредственное влияние на процесс формирования мирового порядка.

Китайские масштабы просто поражают; статистические данные кажутся невероятными, особенно когда дело касается демографии. Китай, население которого составляет примерно одну пятую численности всех жителей Земли, после выхода на мировой рынок почти удвоил всемирный потенциал трудовых ресурсов. Уже половина произведенной на планете одежды и обуви имеет маркировку «Сделано в Китае». В этой стране выпускается больше компьютеров, чем где-либо еще. Китай потребляет 40 процентов мирового производства цемента, 40 процентов угля, 30 процентов стали и 12 процентов мировой энергетики.

В настоящее время Китай настолько интегрирован в систему мировой экономики, что даже те или иные пер-

спективы его развития оказывают непосредственное влияние на нашу повседневную жизнь: спрос этой страны на энергоносители удваивает цены на нефть, а производство ею огромного количества компьютеров снижает их стоимость наполовину. Китай поддерживает своими действиями экономику США, в то же время подрывает основы некоторых отраслей промышленности Италии, особенно производства обуви.

Скорость этих процессов поражает еще в большей степени. Строительный бум в Шанхае, например, нарастает с такой головокружительной быстротой, что в городские карты каждые две недели необходимо вносить исправления. Ежегодно в дельте реки Жемчужная возникает новый город размером с Лондон. В период подготовки к Олимпиаде Китай занялся строительством новых дорог, общая их протяженность должна в четыре раза превзойти длину экватора. Всего за тридцать лет в стране радикально изменились условия жизни 300 миллионов крестьян из отсталых сельскохозяйственных районов, где были внедрены достижения науки и техники. В Европе же процесс индустриализации длился более двухсот лет. Если современные тенденции роста сохранятся — причем слово «если» здесь имеет особое значение, — КНР сможет обогнать США и стать крупнейшей экономической державой мира задолго до 2050 года.

Однако концентрация внимания на масштабах и скорости перемен, а также на сухих статистических данных отвлекает нас от более глубокого вопроса: «Может ли подъем Китая изменить саму суть нашего мироустройства?» Для нас стало привычным наблюдать растущее влияние Китая на мировую экономику, но способна ли эта страна так же изменить наши представления о глобальной по-

литике и мощи государств? После окончания «холодной войны» Китай остался единственной страной, способной с таким мастерством, столь масштабно и с таким глобальным эффектом воздействовать на окружающий мир и формировать его в соответствии с собственными представлениями. При этом гигантские внутренние проблемы побуждают Китай разрабатывать новую модель глобализации. Другие же экономики и страны, связанные с ним — от Америки до Зимбабве, — будут вынуждены реформировать свои системы, приведя их в определенное соответствие со взглядами растущего гиганта на такие понятия, как экономическое развитие, политические реформы и организация мирового порядка. Китай начал думать о себе. Во всем мире под впечатлением поистине поразительных экономических достижений, одержанных этой страной, стали прислушиваться к ней и копировать действующую в ней модель.

История пробуждения интеллектуальной мысли в Китае гораздо менее широко известна, чем данные, свидетельствующие об экономическом возрождении этой страны. Мы с большим усердием изучаем программы различных фракций американской интеллектуальной элиты — в том числе неоконсерваторов, реалистов-позитивистов, борцов за равноправие различных религиозных конфессий, — однако никогда не предлагали им назвать имена хотя бы нескольких современных китайских писателей или мыслителей. Не предлагали ответить на вопрос, о каком будущем для своей страны они мечтают и какой видят роль Китая в мире? Европейцы и особенно американцы плохо представляют, как можно ответить на эти вопросы. Запад с момента прибытия французских и британских миссионеров на Восток был озабочен главным образом тем, как исполь-

зовать Китай в своих целях и как заставить китайцев воспринять западный образ жизни. И все это время бытовало ошибочное мнение, что чем богаче будет становиться Китай, тем все в большей степени он будет походить на наши страны.

Синолог волей случая

С 90-х годов прошлого века влияние Китая на другие страны неуклонно росло. Однако в этот период особое внимание на него обращали только специалисты, занимавшиеся данным регионом, или фантазеры от бизнеса, мечтавшие несказанно здесь обогатиться, но, как правило, оказывавшиеся в проигрыше. Однако с переходом в новое тысячелетие Китай перестал быть объектом интереса исключительно узких специалистов. Будучи директором находящегося в Лондоне Центра международной политики, я однажды отметил интересное явление: почти в каждом событии мирового масштаба угадывается влияние китайского фактора. Китайская позиция сказывалась на динамике целого ряда проблем — от вопросов развития африканского континента до реформ системы Организации Объединенных Наций, от переговоров в Дохе по глобализации торговли до иранской ядерной программы, от геноцида в Дарфуре до цен на нефть в Венесуэле. Китай перестал быть просто большой страной, партнером по бизнесу или субъектом дипломатических отношений. Стартовал процесс превращения Китая в реальный фактор мировой политики, и с ним мы вынуждены теперь считаться постоянно. По степени политического влияния Китай уже

заметно отличается от других крупных развивающихся стран, таких, например, как Индия или Бразилия. Он постепенно преобразуется в нечто совершенно новое: некое подобие США в уменьшенном масштабе. Я неожиданно понял, что, не разобравшись с ролью Китая в современном мире, невозможно осознать процессы, происходящие в мировой политике.

Никогда не забуду свой первый визит в китайскую Академию общественных наук (КАОН) в Пекине. Я прибыл по приглашению Ван Лоиня — вице-президента Академии (его дед перевел «Капитал» Маркса на китайский язык) и Хуан Пиня (бывшего «красного охранника» — хунвэйбина, в настоящее время являющегося одним из редакторов философского журнала «Душу»). Расположившись в огромных креслах, приставленных спинками к стене, дабы «защитить с тыла хозяев и их почетных гостей от вражеских атак», мы церемонно потягивали чай и вели беседу. «Центр международной политики, — отметил в самом начале я, — существует уже четыре года. У нас работают около двадцати сотрудников, за год мы публикуем двадцать пять политических докладов и проводим около пятидесяти семинаров». Ван Лоинь вежливо кивал и улыбался, прежде чем приступил к ответной речи, столь поразившей меня: «КАОН — академическое научное учреждение, ведущий центр философских и социальных наук. В его состав входят пятьдесят исследовательских институтов, разрабатывающих двести шестьдесят тем и направлений, и в них с полной нагрузкой трудятся четыре тысячи сотрудников». После слов Вана я почувствовал, будто вот-вот утону в своем огромном кресле. Все сообщество «яйцеголовых» Британии исчисляется сотнями; в Европе насчитывается лишь несколько тысяч тако-

го рода ученых. Даже в Соединенных Штатах, наиболее «продвинутых» в области философских исследований, суммарный штат такого рода специалистов не превышает десяти тысяч. Но здесь, в Китае, в одном лишь научном учреждении — а только в Пекине находится около десятка различных организаций подобного профиля — работают четыре тысячи научных сотрудников! Позже, однако, я столкнулся с тем, что многие из них, по мнению руководителей КАОН, не проявляют «должного усердия»; приведенные же ими на первой встрече сухие цифры действительно поразили меня.

Продемонстрированное Ван Лолинем умение добиваться преимущества над собеседником путем использования эффекта сравнения достаточно разноразличных величин оказалось только первым проявлением известной стратегии, направленной на то, чтобы привести в замешательство и привлечь на свою сторону непосвященных лиц. В течение долгих часов мы вели переговоры в необычайно сдержанной форме, обходя конкретные вопросы практического взаимодействия наших организаций.

Такого рода, несомненно, несколько условная манера общения, казалось бы, не затрагивающего сути вопросов или обсуждаемых тем, за столетия была доведена до совершенства и нейтрализовала все переговорно-протокольные уловки Запада. Как правило, иностранцы были вынуждены придерживаться китайских подходов к решению задач, ориентироваться в большей степени на личные отношения, чем на оговоренные в письменных соглашениях условия. В самом начале своего первого визита я питал надежды на то, что без особых проволочек буду надлежащим образом представлен китайским партнерам, получу основополагающее представление обо всем, что меня ин-

тересует в Китае, и быстро вернусь домой. Но уже после ознакомительных встреч и бесед, которые, как мне показалось, длились неделями, — как правило, за чашкой чая и обменом любезностями, — я почувствовал, что меня затягивает эта среда.

Я попал в скрытый от нас мир интеллектуалов, мыслителей и исследователей, увлеченно работавших над темами огромной важности. Довольно скоро я понял: чтобы осознать в полной мере масштабность и амбициозность дискуссий, ведущихся в Китае, нельзя обойтись лишь несколькими поездками в Пекин и Шанхай. Решение было принято — я намеревался посвятить несколько лет жизни тому, чтобы понять коренные проблемы развития Китая и постараться с документальной достоверностью описать реальные исторические процессы, разворачивающиеся передо мной. Став, как говорится, синологом по воле случая, я наведывался в Пекин настолько часто, что постепенно обрел там, можно сказать, второй дом. И с каждым визитом в столицу Китая я все отчетливее осознавал, какую трудную задачу перед собой поставил.

У меня сложились дружеские отношения со многими современными китайскими мыслителями. Я наблюдал за тем, как формировались их теории в течение ряда лет, как развивались их взгляды, неразрывно связанные с захватывающими дух изменениями в стране. Я обращал внимание на то, как они воспринимали западные ценности и идеи и встраивали их в систему взглядов нового китайского подхода к мировым вызовам. По сути, это было погружение в процесс приобщения Китая к мировому интеллектуальному сообществу, начавшееся в XIX веке, когда эта страна впервые столкнулась с западным миром.

Китайская «нулевая отметка»

Старый Летний дворец в Пекине когда-то занимал территорию, вполне пригодную для размещения небольшого города. Очевидцы утверждали, что он был грандиознее пирамид и более совершенен, чем Парфенон и Нотр-Дам. Даже Виктору Гюго, точно описывавшему увиденное, стоило немалых трудов найти подходящие слова для передачи красоты данного места. Он, в частности, писал: «Мечта, воплощенная в мраморе, нефрите, бронзе и фарфоре... украшенная драгоценными камнями, задрапированная шелком, — все это создавало образ неприкосновенного убежища. Словно гарем... — украшайте его, наделяйте разнообразием цвета. Представьте себе зодчих, не способных не быть поэтами, чтобы воссоздать тысячу и одну грезу, словно пришедшую из тысячи и одной ночи. Добавьте ко всему этому великолепию сады, водоемы, настраивающие на романтический лад, журчащие ручейки, плавающих лебедей, ибисов, павлинов. И вот весь этот блистательный грот, пробуждающий людские фантазии, в действительности является храмовым ансамблем и дворцом»*.

Но это величественное сооружение, строительство которого длилось около 150 лет, исчезло в мгновение ока в пожаре, устроенном войсками британских и французских империалистов в 1860 году. Все, что осталось на сегодня, — это несколько не связанных между собой фрагментов комплекса и отдельные картонные макеты, по которым невозможно составить представление о прежнем великолепии

* В. Гюго. Открытое письмо Виктора Гюго с осуждением сожжения Юаньминюаня французскими и британскими войсками в 1860 году. — *Примеч. авт.*

дворца. Эти руины заботливо охраняют сменяющие друг друга правители Китая. Подобно срезу, оставленному на «нулевой точке» в Нью-Йорке, это место сыграло символическую определяющую роль в формировании китайского менталитета. Воспоминания о Летнем дворце — Юаньминюань, как он называется по-китайски, — вызывают неутихающую боль в обществе, мобилизующую граждан на новые свершения, или напоминают о том, как Коммунистическая партия Китая спасла страну от иностранных интервенций. Судьба Юаньминюаня предстает олицетворением «века унижений», начавшегося для Китая в 1840 году с его поражений в опиумных войнах, последующей потерей Тайваня, целого ряда японских вторжений и периодом гражданской войны, вплоть до победы коммунистической революции в 1949 году.

Некоторых интеллектуалов вид руин Юаньминюаня заставляет задуматься о судьбе современного Китая. Их рассуждения касаются не прямого ущерба, нанесенного Китаю колониальными державами, но той деструктивной роли, которую сыграли заимствованные и неправильно примененные в условиях Китая иностранные идеи. В июле 2006 года Чжан Гуантянь, директор авангардистского театра, поставил вызвавшую полемику пьесу под названием «Юаньминюань»; в ней поднимался во всех отношениях драматический вопрос о поисках путей модернизации Китая посредством заимствования зарубежных идей, прослеживалась история отказа от одной идеологии тоталитаризма ради другой. Пьеса Чжан Гуантяня ставила перед соотечественниками провокационно-еретический вопрос: кто на самом деле разрушил Юаньминюань? Помещая в центр внимания события, не связан-

ные напрямую с действиями империалистических держав, Чжан показывал, как сами китайцы участвовали в разрушении своего национального символа, трактуя случившееся как своеобразную метафору устремлений и идеалов всей нации.

События, представленные в пьесе, восходят к 1860 году. Группа празднично шатавшихся по окрестностям крестьян выступила с выражением резкого недовольства китайским императором за его пренебрежение к простому народу. При появлении на сцене британского солдата крестьяне начинают подстрекать его к нападению на императорский дворец, с тем чтобы потом унести с собой остатки добычи. Затем те же действующие лица превращались в образцовых студентов — представляя движение «Четвертого мая», возникшего в 1919 году под лозунгом «Наука и демократия». Они оскверняли руины «феодализма», демонстрируя свою приверженность современности, то есть Западу. В следующей сцене актеры преображались в хунвэйбинов — «красных охранников» времен культурной революции, старавшихся превратить в своем революционном рвении заброшенную территорию в поля для выращивания риса. Охранники, в свою очередь, трансформировались в бюрократов 80-х годов, набивавших карманы путем передачи священных земель под строительство парка развлечений. Затем действие переносится в 2005 год. Те же актеры изображают местных чиновников, закрывавших пруды на территории Юаньминюаня пластмассовыми щитами под предлогом сбережения воды. Возмущение допущенным при этом оказалось произволом столь значительным, что было решено провести (первые за всю историю страны) общественные слушания по вопросам охраны окружающей среды.

Вторая часть пьесы Чжан Гуантяня посвящалась проблемам, вызванным тем, что Китай раскрыл объятия рыночным отношениям: загрязнению окружающей среды, коррупции, увеличению пропасти между богатыми и бедными, ужасным условиям труда в китайских шахтах. Пьеса призывала китайскую аудиторию осознать свою ответственность за положение в стране, а не просто перекладывать вину на иностранных захватчиков. Намек драматурга был понятен: чтобы справиться с проблемами, Китаю не надо вновь отгораживаться от внешнего мира. Что действительно следует делать, так это идти своим путем в будущее, а не просто слепо копировать западные образцы и идеи.

Поставленная Чжаном пьеса облекла в художественную форму важнейший вопрос, стоящий перед его страной: что нужно предпринять Китаю, чтобы стать хозяином своей судьбы?

В тени глобализации

Постоянно растет количество китайских ученых, полагающих, что после того как их страна с трудом выбралась из хаоса культурной революции, призрак маоизма в ней сменился культом Соединенных Штатов Америки. Они сетуют на то, что, когда Дэн Сяопин открыл двери Китая окружающему миру, в них сразу вломились США. Американская философия рыночных отношений стала определять правила экономического развития страны. Американское восприятие демократии легло в основу политических реформ. Американское видение внешней по-

литики предопределяло, какие действия считать допустимыми на международной арене, а какие — нет. США взяли на себя роль всемогущего властителя умов, от настроений которого зависит даже погода. Подобно тому, как китайские крестьяне в прежние времена жили в постоянном страхе перед небесными карами, самой настоятельной задачей Китая теперь стало стремление избегать гнева со стороны американского «гегемона» и, сохраняя смирение, проводить внешнюю политику, скрывающую «яркую неповторимость» своей страны. При этом приходится идти на незначительные уступки по отдельным вопросам, от переговоров по Северной Корее до ситуации в Судане, чтобы учитывать претензии США.

В большом и малом модернизация, проводившаяся в Китае в 80—90-х годах, стала синонимом понятия «американизация». На первый взгляд коммунистический Китай уже тогда скинул свои «красные одеяния» и примерялся к новому имиджу с его неотъемлемыми символами «общества потребления». Так, система кофеен «Старбакс» обосновалась за стенами Запретного города, на оживленных улицах и аллеях засветились вывески «Макдоналдса» и «Кентукки фрайд чикен», а дети стали все чаще употреблять голливудский жаргон — крутые словечки вроде «в натуре» и т.д. По этому поводу Юй Кэпин, ученый-политолог, как-то заметил: «Американская мечта предстала в качестве высшего идеала для молодого поколения, выросшего в период реформ. Все, что касается США, включая людей, общественные институты, экономику, культуру и саму страну, стало выглядеть настолько притягательно, что даже луна в США воспринимается как нечто более круглое, чем в Китае!»

Но при более глубоком анализе происходивших в те десятилетия процессов становится ясно, что Китай просто был вынужден приспособливаться к правилам идущего по пути глобализации мира, сформированного капиталом и военной мощью Америки. В эпоху, названную журналистом Томасом Фридманом «временем плоского мира», все национальные по своему характеру государства утрачивают контроль над своими судьбами: они вытесняются из экономики процессами приватизации, из политики — «третьей волной» демократизации, из области международных отношений — вненациональными силами, связанными с капиталом, международной торговлей или борьбой с терроризмом. Многие китайские исследователи озабочены тем, что, соблазнившись экономическими преимуществами глобализации, Китай рискует стать частью «плоского мира», попав под каток американской идеологии, сопутствующей этому процессу.

Ван Сяодун — один из представителей нового поколения китайских националистов — утверждает, что раскрытие объятий американским идеям происходит из-за существования в обществе ненависти к самому себе. Согласно его взглядам, многие пекинские интеллектуалы 80-х годов рассматривали китайский народ как более низкую по уровню развития нацию, история которой лишь подтверждает ее неполноценность: «По моему мнению, такой подход не очень сильно отличался от расовой теории Гитлера». В развитие темы Ван заявил: «Разница между ними (то есть китайскими интеллектуалами) и Гитлером заключалась только в том, что они направляли ненависть против своей собственной расы. По этой причине я ввел термин “инвертированный расизм”». Хотя аналогии Ван Сяодуна представляются излишне экстремальными и восприни-

маются далеко не однозначно многими китайцами и европейцами, его аргументация отражает признаки распространяющегося в среде интеллектуалов ощущения различного рода угроз, всегда заставлявших Китай метаться от одной экстремистской идеологии к другой.

Либерализация

В 1993 году Цуй Чжиюань, профессор Университета Цинхуа в Пекине, а позже преподаватель Массачусетского технологического института в США, стал известен своей статьей, призывавшей к новому «освобождению мысли». В ней он утверждал, что после освобождения от оков ортодоксального марксизма китайские интеллектуалы не должны впадать в безоговорочное восхищение западным капитализмом.

Таким образом он намеревался разорвать порочный круг, когда каждое новое поколение в Китае боролось за воплощение в жизнь идей очередной идеологии. Он призывал свой народ заняться улучшением условий жизни, существующих на данный момент. Не внемля заклинаниям об отсутствии альтернативы неолиберальному пути развития, Цуй Чжиюань приводил доводы в пользу того, что Китай должен менее предвзято подходить к выбору возможных направлений движения вперед.

Вначале аудитория оставалась глухой к его призывам. Страна еще не оправилась после побоища на площади Тяньаньмэнь. Большинство представителей интеллектуальной элиты были запуганы яростной реакцией властей в отношении протестовавших лиц. В результате одни

ученые пошли на сотрудничество с компартией, другие уехали за границу. Некоторая часть элиты увлеченно занялась зарабатыванием денег. Между тем партийные лидеры вскоре вновь обратили внимание на экономические реформы.

Идеи, высказанные Цуй Чжиюанем, сохранили свое влияние на общество вплоть до настоящего времени, когда результаты экономического развития Китая стали проявляться и в новом росте самосознания нации.

Даже националистически настроенный Ван Сяодун отмечает, что страна перерастает рамки «инвертированного расизма». Недавно он в целях доказательства этого тезиса процитировал слова одного хорошо известного предпринимателя: «В 80-х годах я впервые попал за границу, в Сингапур... Я был просто поражен уровнем культуры, технологическим прогрессом, великолепием городских кварталов, темпом жизни. Оставалось только фантазировать: может ли в нашей стране появиться город, подобный Сингапуру, хотя бы через пятьдесят лет? На этот вопрос мы не могли ответить утвердительно. Но история показала, что мы были не правы. Прошло всего двадцать пять лет. В прошлом году я посетил Сингапур, и, по моему мнению, он уже не может конкурировать с нашими Шэньчжэнем, Далянем, Шанхаем и Пекином».

Уверенность в собственных силах, порожденная китайским экономическим чудом, — парадоксально, но факт! — привела некоторых отечественных исследователей вернуться к обсуждениям основных принципов «рыночной революции», собственно говоря, и обеспечивших результат. Хотя на данном этапе некоторые из них считают неоспоримым фактом головокружительный подъем страны, они все же задаются вопросом: действительно ли удалось

претворить в жизнь все, что было обещано идеологами в 80—90-х годах? Курс Дэн Сяопина, направленный прежде всего на ускоренное экономическое развитие страны, подвергается нападкам со стороны экспертов, отстаивающих необходимость преодоления социального неравенства в Китае и прекращения «издевательств» над окружающей средой. Также по поводу политических реформ у ряда китайских ученых все чаще возникает вопрос: является ли либеральная демократия единственно правильной моделью для развития Китая на долгие годы вперед? А в сфере внешней политики они полемизируют с теми, кто утверждает, что государства-нации будут вытесняться на второй план под воздействием «не имеющих национальности сил глобализации».

Интеллектуальное раскрепощение, которому так способствовал Цуй Чжиюань, вступает в заключительную фазу. Подобно тому, как европейские мыслители в эпоху Просвещения заявляли, что «Бог умер», и пытались сконструировать мир в соответствии с представлениями простых смертных, современные китайские исследователи заявляют о своей независимости от иностранных теорий и рассуждают о будущем, руководствуясь своими собственными соображениями. Согласно мнению политолога Гань Яна, основная задача заключается в том, чтобы использовать исторический опыт Китая, разработать новую идею развития страны в условиях современного мира — а не импортировать «оптом» заграничные теории. Так, в одной из своих работ он, в частности, писал:

«Сегодня в Китае признанием пользуются следующие три традиционных представления. Одно из них сформировалось в течение последних двадцати восьми лет эры реформ... Согласно ему, рыночные отношения занимают

центральные позиции, а наряду с ними и целый ряд концепций, затрагивающих проблемы свобод и прав человека. Другое возникло в период правления Мао Цзэдуна. Его главной отличительной чертой является борьба за равенство и справедливость. Наконец, тысячи лет назад зародилась самая важная традиция, и ее чтут по сей день. Это конфуцианская культура. Раньше мы зачастую считали, будто все эти традиции находятся в конфликте между собой. На самом деле это не так».

Далеко не в первый раз можно наблюдать стремление китайских мыслителей соединить иностранное «ноу-хау» с национальным своеобразием. Так, например, реформаторы конфуцианского стиля в XIX веке намеревались использовать империалистическую систему путем привлечения иностранных «практических знаний» (ян) для сохранения «китайской сущности» (ци). А Дэн Сяопин называл свои рыночные преобразования строительством «социализма с китайской спецификой». Но если предыдущие поколения начинали свой путь в условиях, когда страна была заметно ослабленной, то современные реформаторы действуют, опираясь на возрастающую китайскую мощь. И что еще более примечательно, их действия сопровождаются интенсивными интеллектуальными дебатами, ведущимися вне коридоров власти.

Власть интеллектуалов

Эта книга посвящена развитию новых взглядов китайцев на мир. Она демонстрирует то, как поиски Китаем своей интеллектуальной независимости могут лечь в осно-

ву новой модели глобализации. Она отражает предпринимаемые китайскими мыслителями попытки примирить противоречивые воззрения на мир; исследует вопрос о том, как Китай может закрепиться на мировых рынках и одновременно противостоять разрушительному влиянию созидательных потрясений, способных дестабилизировать политическую и экономическую системы. Делается также попытка спрогнозировать возможные действия Китая против политики создания «плоского мира», то есть глобализации по-американски, путем формирования «мира за Великой стеной» по китайской модели. Материалы дискуссий, проводившихся с более чем двумястами китайскими учеными и официальными деятелями в течение трех с лишним лет, позволили воссоздать процесс становления государственного менталитета современного Китая, его освобождения от влияния западных идей в плане экономики, политики и глобальных взаимосвязей. В этой книге читатель также, может быть, найдет ответ на вопрос о том, как новое мышление Пекина могло бы изменить мировой порядок и таким образом оспорить саму роль Запада в современном мире.

Я не претендую на исчерпывающее отражение многообразных взглядов огромного населения страны — а это 1,4 миллиарда человек — или даже на описание воззрений китайских интеллектуалов: многие из них, находящиеся в тюремных камерах, пребывающие в страхе или сосланные в ссылки, молчат. Ученые, выступающие на страницах этой книги, продолжают работать. Это их выбор — жизнь в континентальном Китае. Они научились приноравливаться к режиму, периодически усиливающему или ослабляющему контроль за общественной жизнью. Они занимаются поисками возможных путей изменений в стране

и стараются не обращать внимания даже на порой выходящие за рамки приличия нападки государственной цензуры.

За те годы, пока я работал над своей книгой, некоторые из героев данного повествования лишились престижных мест в исследовательских центрах или журналах, хотя их идеи получили значительное признание со стороны правительства. Наперекор существующим угрозам репрессий, заключения в тюрьму и несмотря на наличие жесткой цензуры, интеллектуалы в Китае продолжают свою работу, чем, несомненно, заслуживают самой высокой оценки. Многие из них приглашались для оказания консультаций президентам, премьер-министрам и высшим партийным и должностным лицам страны. Фактически они более влиятельны, чем их коллеги во многих западных государствах.

Парадоксально, но степень влияния китайских интеллектуалов усиливается из-за наличия в Китае репрессивной политической системы, в которой отсутствуют оппозиционные партии, нет независимых профсоюзов, нет публичных дебатов между политическими деятелями, а система средств массовой информации построена таким образом, чтобы подчеркивать социальную гармонию, а не взывать к политической ответственности властей. Интеллектуальные дебаты в таких условиях могут превратиться в своего рода суррогат прений по политическим вопросам, хотя бы потому, что при этом преобладают личные отношения, агрессивный подход и эмоции — все то, что едва ли позволяют себе официальные лица. Интеллектуалы могут открыто озвучивать проблемы, беспокоящие широкие социальные слои населения — рабо-

чих, фермеров, предпринимателей, — и призывать к переменам от своего имени.

Китайцы любят поспорить насчет того, являются ли интеллектуалы фактором, оказывающим влияние на принимающих решение деятелей, или, наоборот, различные группировки подобных деятелей используют «ручных» интеллектуалов в качестве неформального рупора для продвижения своих собственных взглядов. Так или иначе, дискуссии между учеными становятся частью политической жизни страны и нередко служат для пробного вбрасывания новых идей с расчетом на то, что впоследствии они будут подхвачены влиятельными политиками. Хотя многие в академических кругах сетуют на то, что интеллектуалы перестали быть «совестью нации», увлеклись сотрудничеством с государственными структурами или стали чересчур узкими специалистами, стычки между различными их лагерями, например, между «Новыми левыми» и «Новыми правыми», привлекают пристальное внимание общественности.

Мыслители, подобные Ван Хуэю и Чжан Вэйину, Юй Кэпину и Пань Вэю, Чжэн Бицзяню и Ень Сюэту, по-прежнему практически неизвестны за пределами Китая. Но нет сомнений: очень скоро мы почувствуем, что наш мир изменяется под влиянием их идей. Каждый из них добился признания со стороны правительства, предложив планы реформ, способных изменить характер китайской экономики, политики и международных отношений. Эти ученые принимают участие в вечной борьбе между «левыми» и «правыми» по таким основополагающим темам, как масштабы государственного регулирования, характер политических реформ и природа власти. В процессе их горячих споров рождается новая философия, и именно ей

суждено сыграть существенную роль в определении пути развития всего мира.

Конечно, основополагающие решения всегда принимаются ведущими лидерами: Китай, возможно, не избрал бы для себя путь рыночной экономики, не будь Дэн Сяопина; тэтчеризм едва ли возник бы без самой Тэтчер; распад Советского Союза не произошел бы без Горбачева; а война в Ираке, вероятно, не началась бы без Джорджа Буша. И все же невозможно осмыслить масштаб исторических перемен, не изучив направления развития общественной мысли, формирующиеся вокруг конкретных идей. Такого рода идеи привлекают внимание лидеров и используются ими. Тэтчер не сама придумала теорию монетаризма, но воспользовалась идеей, носившейся в воздухе уже многие годы. Джордж Буш являлся поклонником идей неоконсерватизма. Дэн Сяопин не сразу пришел к решению открыть китайский рынок — на него произвели должное впечатление перспективы, расписанные китайскими интеллектуалами, находившимися в контакте с Западом. В настоящее же время в китайском обществе зарождаются новые идеи. Они могут сформировать стержень новой китайской философии — идеи «мира за Великой стеной».

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Капитализм на берегах Желтой реки

В 80-х годах мы все были реформаторами. Мы критиковали старомодные идеи и практику маоистов. Мы рассматривали обстановку в стране, соотнося все с идеями западного мира. Но то, что мы видели, оказалось наивным и далеким от реальности, поскольку мы не знали в действительности, что произойдет с Китаем, когда он стартует по пути рыночных отношений. Мы не представляли, что рынок создаст богатых и бедных: мы ожидали, что в выигрыше будут все. И на протяжении ряда лет так и было.

Гань Ян

Первым, что привлекло мое внимание, оказались кубинские сигары. Полдюжины коробок с марками «Кохиба», «Ромео и Джульетта» и «Монтекристо» громоздились на столе Чжан Вэйина, словно причудливый памятник, свидетельствующий об экономических возможностях современного Китая. Эти, почти в духе Фрейда, символы,

стоившие в несколько раз дороже, чем годовой доход среднего китайского крестьянина, выглядели как сувенирные пирамиды и косвенно намекали на тяжелый труд, затраченный на изготовление атрибутов показного богатства. Подобно тремстам небоскрегам в Шанхае или новому Олимпийскому стадиону в Пекине они свидетельствовали о сути новой экономики, в которой труд стал товаром и деньги тратятся почти так же быстро, как зарабатываются.

Но, что касается Чжан Вэйина, для него такие символы означают и своеобразные островки свободы в миниатюре, и реальность построенного рядом с коммунистическим государством «параллельного» мира — Республики Запад, — чья динамика, как он надеется, постепенно затмит и устранил последние остатки маоизма. Подобно другим экономистам либерального толка, или членам движения «Новые правые», как их именуют оппоненты, он полагает, что плановая экономика является платформой для деспотизма в политике, что свобода в Китае не наступит до тех пор, пока государственный сектор экономики не будет демонтирован и распродан, а само государство не сократит свои функции до минимума, оставив главную — защиту прав собственности. Только тогда, как полагают «Новые правые», имущий класс — новое гражданское общество — получит возможность заложить основы для реализации в политике демократических принципов. Таким образом, наличие сигар свидетельствует не просто о том, что богатство — это восхитительно. Данный символ индивидуального благосостояния служит как бы вехой на пути к свободе.

Рядом со столом Чжан Вэйина стояли стеклянные витрины, пестрящие наградами и сувенирами, иллюстрирующими отдельные этапы блестящей карьеры их об-

ладателя: написанные и отредактированные им книги, фотографии, изображающие его рядом с Нобелевскими лауреатами и государственными деятелями, ученые степени от ведущих университетов и премия «Человек года в области китайской экономики», врученная ему Центральным телевидением Китая (Си-си-ти-ви) в 2002 году. Все это свидетельствовало о том высоком уровне, которого достиг авторитет профессора Чжан Вэйина; и о том, что его по праву считают одним из самых известных экономистов Китая. Но современная жизнь ставит новые задачи для экономистов типа Чжана. После тридцати лет пользования своим «ларцом» с идеями, заимствованными у Запада, они начинают ощущать, что Китай постепенно уходит у них из-под ног. Опросы общественного мнения показывают, что их популярность среди населения никогда не была столь низкой, как в настоящее время. Она почти такая же, как у инспекторов дорожного движения и продавцов подержанных автомобилей в Великобритании. Недовольство «западниками» возрастает по мере того, как становится ясно, что за реформы приходится платить. Его усиливают протесты временно уволенных рабочих, выражающих озабоченность широким применением практики незаконных увольнений, разгулом коррупции и невыплатами зарплат и пенсий. Следствием этого является то, что положения классической рыночной экономики становятся объектами критики со стороны представителей течения «Новые левые», призывающих к более «человечным» формам капитализма. Столкновение идей становится все более ожесточенным, что выражается в противопоставлении интересов государства и рынка, приморских регионов и внутренних провинций, городов и сельских районов, богатых граждан и бедных.

Диктатура экономистов

Секрет успеха определяется, в сущности, фактором времени, и это ярко проявилось в карьере Чжан Вэйина. Он окончил институт с дипломом экономиста в 1982 году — как раз в то время, когда Дэн Сяопин приступил к проведению политики «открытости» и реформирования страны. Граждане Запада, привыкшие жить в условиях открытого общества, с трудом воспринимают образ централизованного государства, примером которого был Китай при Дэн Сяопине. Чжан Вэйин часто использовал слово «миссионерский», повествуя о решимости, демонстрируемой Китаем в процессе достижения экономического роста. Подобным же образом Франц Кафка — выдающийся исследователь проблем жизни в закрытом обществе — описывает в одном из своих эссе целеустремленность китайских властей в период возведения Великой китайской стены: «За пятьдесят лет до того, как началось строительство, по всей территории Китая, коей предназначено было оказаться за стеной, провозглашалось, что архитектура вообще и искусство каменной кладки в частности являются наиболее важными отраслями знаний; все остальное признавалось только в той степени, в какой оно имело связь с вышеупомянутым». В 1982 году, когда Чжан Вэйин окончил институт, стала актуальной задача по возведению новой «стены» под названием «китайская рыночная экономика». Коммунистическая партия объявила, что подъем экономики является «центральной задачей», и в тот же момент каждый гражданин захотел стать экономистом. «Экономика, — как выражался Ван Хуэй, — обретает моральную силу». С ростом экономики повышался уровень влияния и благосо-

стояния самих экономистов. По данным Чжан Хун'и, они пополняли специальные правительственные комиссии по изучению различных вопросов, разрабатывали планы приватизации и входили в составы правлений новых приватизированных компаний (в списке независимых директоров предприятий на сегодня 131 человек из 274 является академическим экономистом). В Китае они превратились в новых, высоко котирующихся авторитетов, чьи аргументы все в большей степени привлекали внимание общественности, особенно на фоне снижения популярности последователей маоизма (их иронически называли людьми «фаньшипай», или группировкой «единодушного согласия», поскольку они поддерживали любые политические решения Председателя Мао).

После смерти Мао Цзэдуна его власть унаследовал Хуа Гофэн, провозгласивший лозунг, известный как «политика двух единодушных согласий»: партия должна поддерживать любое политическое решение Председателя Мао и следовать любым его указаниям. После прихода к власти Дэн Сяопина консерваторов, упрямо придерживавшихся маоистской линии, стали называть группировкой «единодушного согласия».

«Диктатура экономистов», как ее называли недовольные политические эксперты, философы и социологи, принесла во времена Дэн Сяопина поразительные результаты. Средний показатель экономического роста, составлявший в течение более трех десятилетий 9 процентов, позволил Китаю к 2007 году занять третье место среди крупнейших экономических держав мира. 300 миллионов людей вырвались из абсолютной нищеты, а 200 миллионов покинули сельскохозяйственные районы и устроились на промышленные предприятия. 100 миллионов граждан страны

вошли в число представителей так называемого среднего класса, а 500 тысяч человек стали миллионерами. Новое поколение китайских компаний, таких, например, как компьютерный гигант «Леново», купивший компанию «Ай-би-эм», и Нанкинская автомобильная компания, приобретшая корпорацию «Эм-джи ровер», вошли в глобальную корпоративную лигу.

Как и личный успех Чжан Вэйина, китайское экономическое «чудо» во многом связано с фактором времени. В отличие от своих «коллег» из России и Латинской Америки, очень быстро осуществивших либерализацию и приватизацию своих экономик в режиме «шоковой терапии», китайский лидер Дэн Сяопин не имел мандата на столь радикальные реформы. Многие руководящие деятели Коммунистической партии Китая, такие, как Чэнь Юнь, Ли Сяньнянь и Дэн Лицзюнь, выступали против рыночных реформ. Они продолжали верить в то, что китайские проблемы могут быть урегулированы путем модернизации плановой экономики и придания ей «более научного» характера по образцу Советского Союза. Таким образом, у Дэн Сяопина и его сторонников не было возможности выработать конкретный план или график для трансформации экономической системы Китая. Вместо этого они предпочли «искать брод, чтобы перейти реку», преобразования осуществляли постепенно, шаг за шагом и даже никогда не говорили о конечном пункте выбранного пути. Значительную и длительную выгоду всему Китаю, видимо, принесло принятие к сведению Дэн Сяопином замечания Бертольда Брехта, согласно которому, «когда появляются преграды, то самым коротким путем между двумя точками может быть кривая линия».

Деревня с зебрами

У Чжан Вэйина есть любимая аллегория для истолкования китайских реформ. Рассказывается история о деревне, жители которой всецело полагались на лошадей при выполнении повседневной работы. Старейшины деревни, без устали доказывавшие, что их лошади гораздо эффективнее, чем зебры из соседней деревни, поносили каждого, кто осмеливался оспаривать их утверждение. Однако с течением времени старейшины убедились в том, что зебры из соседней деревни превосходят ленивых и прожорливых лошадей, хотя они так превозносили их прежде. Поэтому после многих лет словословий в адрес своих лошадей они решили воспользоваться достоинствами зебр. Незадача заключалась только в том, что не удавалось переубедить жителей своей деревни, выросших с чувством почитания лошадей, изменить свое мнение. И вот старейшины разработали хитроумный план. Каждую ночь, когда крестьяне спали, они стали рисовать краской черные полосы на отдельных лошадях. Поутру жители селения испытывали шок при виде «дьявольских» созданий в их привычной среде — старейшины терпеливо убеждали их, что эти животные не настоящие зебры, а те же самые обычные лошади, только слегка украшенные безвредными полосками. Постепенно крестьяне привыкли к присутствию среди них странным образом разукрашенных животных. После длительного периода выжидания старейшины стали заменять покрашенных лошадей на настоящих зебр. Экзотические животные изменили судьбу деревни, повысили продуктивность хозяйства и обеспечили зажиточность для всех жителей. Только через много лет — гораздо

позже того момента, когда все лошади были заменены на зебр, и деревня ощущала все выгоды таких изменений уже в течение длительного периода — старейшины собрали всех жителей деревни и провозгласили, что отныне их селение будет называться «деревней с зебрами, и что зебры — это хорошо, а лошади — плохо».

Аллегория Чжан Вэйина иллюстрирует его самую показательную идею, а именно «параллельное реформирование цен», впервые им сформулированное в 1984 году. Он, в частности, утверждал, что данная теория позволит правительству перейти от одного типа экономики — с ценами на продукцию, устанавливаемыми правительственными чиновниками, к другому — с ценами, определяемыми рынком. При этом предусматривалось, что правительство страны не будет публично отказываться от своих обязательств в отношении социалистических принципов или вставать в оппозицию к региональным администрациям, по-прежнему кровно заинтересованным в центральном планировании. Согласно подходу Чжан Вэйина, отдельные группы товаров и услуг должны по-прежнему реализовываться по контролируемым государством ценам, в то время как стоимость других видов продукции будет определяться рынком. С течением времени доля товаров, продаваемых по рыночным ценам, будет постоянно увеличиваться и к началу 90-х годов она составит 100 процентов. Принципы «параллельного реформирования», основанные на комбинации прагматизма и динамики, позволили китайским реформаторам сконцентрировать свои усилия в большей степени на решении практических задач, чем на межличностном противостоянии. Прежде чем приступили к демонтажу старой системы централизованного планирования, параллельно стали создавать

действенную систему альтернативного характера. А когда дело наладилось, взялись за реформирование старой системы, придав ей лучшие черты новых преобразований.

Капитализм на берегах Жемчужной реки: от перманентной революции к перманентным инновациям

Чжан Вэйин не был единственным ученым, выступившим за «параллельное реформирование цен», но он явился первым, призывавшим к этому публично. Вскоре ему предложили работать в Комиссии по институциональным реформам государства, и в ней он играл ведущую роль с 1984-го по 1990 год. Чжан входил в группу молодых сотрудников, разрабатывавших оптимальные пути распространения рыночных идей среди старой коммунистической элиты. Их целью было «перекрасить как можно больше зебр» — создать, по сути, параллельный рынок в рамках китайской системы социализма.

Экономические реформы в Китае начались в 1979 году с упразднения в сельских районах «народных коммун» и закрытия коллективных хозяйств. В течение почти двадцати лет до этого жизнь крестьян была организована в форме коллективных «рабочих бригад», где они вместе жили, вместе трудились и вместе питались. «Рабочие бригады» были задуманы как замена семьи, первичной ячейкой экономической деятельности и социальной жизни. С приходом эры «открытости и реформ» такие коллективные хозяйства были закрыты и заменены небольшими хозяйствами с приусадебными участками, поступившими

в распоряжение отдельных семей, наделенных правом решать, что они будут выращивать и, что более важно, оставлять у себя доходы, полученные в результате своего труда. Такая политика привела к необычайному росту продуктивности в сельском хозяйстве, что позволило высвободить тысячи и тысячи тружеников, работавших на полях. Вскоре их стали приглашать в возникшие на новой волне и распространившиеся по всей стране сельско-городские предприятия, управлявшиеся частными лицами. Повышение уровня благосостояния, наметившееся в результате крутой перестройки сельского хозяйства, позволило местным властям увеличить свои доходы за счет выручки от частного производства. Однако Чжан Вэйин и его коллеги не могли довольствоваться этими самыми первыми зачатками рыночных отношений. Это было только началом.

В поисках путей создания нового Китая они старались проанализировать не только перемены в удаленных сельских районах, где стартовали экономические реформы, но и сконцентрировать свое внимание на ориентированных на внешний мир приморских провинциях на востоке страны. В начале 80-х годов город Шэньчжэнь представлял собой ничем не примечательную рыбацкую деревушку, в которой влачили бедное существование несколько тысяч ее жителей. За последующие три десятилетия город превратился в эмблему китайского капитализма, созданного усилиями Чжан Вэйина и его коллег. Благодаря близости к Гонконгу Шэньчжэнь был выбран Дэн Сяопином в качестве первой «особой экономической зоны». Руководители ее предлагали предпринимателям налоговые льготы, свободу от государственного регулирования и привилегии в реализации новых передовых рыночных идей. Архитек-

торы реформ в Шэньчжэне не были заинтересованы в проведении индустриальных преобразований на основе устаревших технологий, как то происходило в сельскохозяйственных районах страны в самом начале эры «открытости и реформ». Они намеревались построить там высокотехнологичные, финансово устойчивые предприятия, нацеленные на массовое производство различных видов товаров с высокой добавленной стоимостью, способных составить прямую конкуренцию продукции Запада. Чтобы получить в свои руки технологии и капиталы, необходимые для реализации намеченных планов, власти приступили к привлечению инвестиций из-за рубежа. Один только Шэньчжэнь преуспел в привлечении более чем 30 миллиардов долларов США, направленных на строительство фабрик, дорог и развитие портового хозяйства. Секрет успешного развития Шэньчжэня заключался в расчете на экспорт, а не на реализацию продукции внутри страны. Решение об открытии «особых экономических зон», ориентированных на внешний рынок, обеспечило прорыв в развитии негосударственного сектора экономики, поскольку иностранные инвесторы получили возможность создавать там совместные предприятия и акционерные компании. В результате к 1992 году половина промышленного производства Китая создавалась в негосударственном секторе народного хозяйства.

Такая практика формирования на базе зон, задействованных в радикальных экспериментах, ресурсов для постепенного увеличения производства все более ценных товаров и услуг, явилась залогом китайского успеха. Для обеспечения деятельности этих зон требовались значительные финансовые затраты, и они покрывались в первую очередь заимствованиями из огромных денежных

сбережений страны и доходами от экспорта, а не от внутреннего рынка. Основой развития являлся огромный потенциал трудовых ресурсов, привлекавшихся в приморские регионы из сельских областей. Приток рабочей силы также позволял контролировать размер заработной платы в городах. А политика невмешательства правительства в дела частного бизнеса создавала возможность для органичного перераспределения материальных ценностей от богатых к бедным, в отличие от планируемого раздела доходов. Дэн Сяопин многозначительно заявлял, что «кто-то должен первым стать богатым», убеждая оппонентов в том, что гораздо лучше, когда каждый регион «обедает на собственной кухне», чем складывать все доходы в «общий котел». В итоге реформаторам из восточных провинций разрешили обособиться от бедных внутренних регионов страны и с еще большим энтузиазмом ринуться вперед.

Стремительный подъем приморских районов Китая, казалось, подтвердил мнение, высказывавшееся поколениями китайских реформаторов о том, что развитие страны сдерживается консерватизмом внутренних провинций, затрудняющих конкуренцию с такими полагающимися на морские коммуникации цивилизациями, как Великобритания, Франция, Япония и США, ушедшими далеко вперед в рыночных отношениях, торговле и инновациях. В целом реформы 80-х годов вызвали процесс изменений в обществе, причем гораздо более радикальных, чем экономические преобразования. Китайцы дали ему название «культурная лихорадка». Этот процесс достиг кульминации в июне 1988 года, когда по главному государственному телевизионному каналу в самое привилегированное

время демонстрировался документальный фильм в шести сериях под названием «Речная элегия». Сериал был посвящен истории Желтой реки, часто называемой «рекой матерью», поскольку она считается «колыбелью китайской цивилизации». При этом он был использован и для развертывания полномасштабной атаки на китайские традиции.

Лишь формально отдавая должное романтическим аспектам Желтой реки, этому воплощению величия Китая, авторы сериала характеризуют ее как причину бесчисленных жертв наводнений и засух, как недруга китайского народа, как крайнее выражение иррациональности, непостоянства и приземленного характера китайцев. Каждый эпизод был нацелен на ту или иную национальную традицию, тянущую страну, по мнению авторов, в прошлое. Например, Великая китайская стена интерпретировалась как символ бессмысленного изоляционизма, а династия Мин критиковалась за введение запрета на освоение морских просторов. С самого первого эпизода фильма язвительный голос за кадром настраивал на соответствующее восприятие: «В нашем национальном сознании существует «мертвая зона»: она кроется в смутном убеждении в том, что все позорные события прошлого столетия обусловлены нарушением хода нашей славной истории. Даже после 1840 года находились люди, апеллировавшие к бывшему величию, чтобы прикрыть слабость и отсталость страны в последующие эпохи... Однако факт остается фактом: наша цивилизация клонится к закату». Диктор обращается к китайской общественности с призывом сбросить узы, связывающие с традиционным восприятием мира, мешающим модернизации страны. Ведущие сериала утверж-

дали, что Китай на современном этапе должен отвернуться от сельских равнин и сосредоточить свое внимание не на Желтой реке, а на голубых просторах океана и мире, простирающемся за ним. В заключительных сценах показано, как Желтая река растворяется в могучем море, символизирующем мощь западного мира, олицетворяющего современность. В университетах и колледжах Китая развернулись стихийные обсуждения нового фильма и полемика по каждому из эпизодов «Речной элегии». Было распродано пять миллионов экземпляров сценария, мгновенно ставшего бестселлером. Премьер-министр реформаторского толка Чжао Цзяньраспорядился, чтобы сериал вновь был показан по главному каналу Центрального телевидения Китая.

В 1989 году, менее чем через год после выхода сериала, «культурная лихорадка» дала о себе знать в политических демонстрациях на площади Небесного спокойствия — Тяньаньмэнь. То, что начиналось 15 апреля того года как мемориальное шествие в память бывшего Генерального секретаря коммунистической партии Ху Яобана, вскоре переросло в захвативший многих людей протест против консерваторов и в поддержку политических реформ, имеющих целью обеспечить права трудящихся и искоренить коррупцию среди чиновников. Небывалое проявление силы народных масс, около шести недель наблюдавшееся на улицах Пекина, явило миру демократический Китай. Выступления были жестоко подавлены войсками с использованием танков 4 июня 1989 года. Применение суровых мер привело не только к человеческим трагедиям; итоги тех событий стали определяющим моментом в дальнейшем политическом и экономическом развитии Китая.

Две истории о Тяньаньмэнь

Одним из студентов, не отрывавшихся от телевизора во время трансляции «Речной элегии», был Ван Хуэй. Он работал над диссертацией по китайской литературе, когда в 1989 году вспыхнули студенческие демонстрации. Ван Хуэй присоединился к ним. Подобно большинству молодых интеллектуалов, Ван был сторонником проводимой Дэн Сяопином политики «открытых дверей» и верил в возможности рыночной экономики. Но когда он окончательно покинул ряды демонстрантов, то погрузился в самоанализ, приведший к изменениям в его взглядах на мир. Ранним утром 4 июня 1989 года он вместе с товарищами по учебе ушел с площади Тяньаньмэнь, «не чувствуя ничего, кроме гнева и разочарования». Когда силы правопорядка задерживали и репрессировали организаторов протестов, Ван Хуэй скрывался в горах и два года находился в своем убежище. В результате общения с крестьянами и рабочими у него зародились сомнения в справедливости отношений, возникших в условиях свободного нерегулируемого рынка. Все это привело его к выводу, что государство должно препятствовать возникновению неравенства в обществе.

До 1989 года интеллектуалы реформаторского толка объединялись в своих исследованиях и ориентировались на западные идеи, рассматривая политический и экономический либерализм как единое целое, способное принести пользу всему китайскому народу. Их противниками были «консерваторы», выступавшие за сохранение маоистского статус-кво. После массовой бойни на Тяньаньмэнь реформаторы разделились на два лагеря: «Новые правые», ведомые учеными, подобными Чжан Вэйину,

рассматривали создание свободного рынка в качестве наиболее важной задачи и стремились сочетать это направление с политическим авторитаризмом; «Новые левые» — на которых мы остановимся подробнее позже, — возглавляемые такими учеными, как Ван Хуэй, акцентирующие внимание на укреплении равенства и политической демократии путем ограничения беспредельных свобод рыночных отношений.

Такого рода тенденции проявлялись и в ходе самих демонстраций. На Западе события на площади Тяньаньмэнь обычно рассматривались как противостояние жестокого и не склонного к реформам коммунистического государства и групп студентов, желающих присоединиться к капиталистическому миру с либеральной демократией. Однако в своем примечательном эссе о значении 1989 года для Китая (эту работу он написал ретроспективно в 1997 году, находясь за пределами страны) Ван Хуэй поместил в центр внимания не интеллектуалов и студентов, а более многочисленную группу рабочих, пришедших на площадь с конкретными социальными и экономическими требованиями. Их участие в демонстрациях протеста было обусловлено возрастающим недовольством в отношении радикальных рыночных реформ 1988 года, приведших к галопирующей инфляции и социальному неравенству. Эти рабочие вовсе не испытывали желания присоединиться к Западу. Они просто хотели, чтобы были приняты меры по стабилизации цен, по обеспечению социальной защищенности, искоренению коррупции и спекуляции. Ван Хуэй воспринял выражение подобных взглядов как противодействие неолиберализму. Он считал, что поэтому события на Тяньаньмэнь вполне сравнимы с бур-

ными антиглобалистскими выступлениями, имевшими место в Сиэтле и Генуе.

Как отмечает в своих воспоминаниях Ван Хуэй, на площади собрались сторонники двух разных программ развития страны: одни добивались социального благополучия и защиты от агрессивного рынка, другие требовали демократии и защиты от всемогущего коммунистического государства. Соответственно и последующие репрессии имели двойную направленность. По словам Ван Хуэя, применение суровых мер не только заставило замолчать сторонников демократии, но также привело к свертыванию публичных дебатов на тему неравенства. Как только танки совершили свое дело, процесс распространения рыночных отношений заметно ускорился. Реформа цен, которую во второй половине 1988 года призывали остановить, была проведена в сентябре 1989 года. После того как Дэн Сяопин подтвердил свои лидирующие позиции над консерваторами в 1992 году — в ходе знаменитой «Южной поездки» в прибрежные города Гуанчжоу и Шэньчжэнь он вновь призвал к продолжению реформ, — произошли весьма значительные изменения. Ситуация с коррупцией, контрабандой, несправедливым распределением средств, влиянием лоббистов на внутреннюю политику, гипертрофированным развитием риэлторской деятельности, проблемами в системе социального обеспечения и состоянием окружающей среды, то есть с тем, на что активно призывали обратить внимание участники протестов, неуклонно ухудшалась.

Однако угрозы дальнейших репрессий, способных вызывать общественное неприятие, выражались в приглушенных тонах. Ван Хуэй отмечал: «Как только люди забыли о порожденных социальным расслоением волнах возмущения, особенно проявившихся в волнениях на пло-

щади Тяньаньмэнь, они перестали вспоминать и о том, что эра рыночных реформ, упоминаемая ныне как «период неолиберализма», в определенной степени наступила благодаря тем, кто принимал участие в событиях на площади, и вообще только таким путем было обеспечено отсутствие нового социального протеста против рыночных преобразований». Здесь прежде всего имелось в виду то, что, в недрах как принято считать неповоротливого бюрократического аппарата КПК реализовывалась амбициозная программа внедрения рыночных отношений и приватизации невиданного масштаба. Характеризуя рыночную революцию как формирование «социализма с китайской спецификой», власти умело цитировали Маркса и Мао, адаптируя идеи Милтона Фридмана и Фридриха Хайека. По мнению Ван Хуэя, танки, рассеявшие надежды интеллектуального возрождения 80-х годов, в большей степени сработали на рыночный фундаментализм, чем на маоизм. Вопреки оценкам репрессивных действий как акции, направленной на защиту маоистской идеологии, автократы стремились заткнуть рот рабочим, обеспокоенным возрастанием неравенства в обществе. Вот такая «история с зебрами» в трактовке Ван Хуэя.

По мнению Вана, последние пятнадцать лет жизнь в Китае казалась сплошной галлюцинацией:

«Люди, полагавшие, что их усилия ускоряют демократическое развитие Китая, обнаружили, что их грубо отбросили назад во времена, казалось, уже давно прошедшие: язык, стиль поведения, действующие лица, информационные сообщения, персонажи — все из вчерашнего дня, — те, кто должен был давно сойти со сцены, вновь появились на первом плане. Эти устаревшие модели поведения порождали эффект галлюцинаций, так что почти

никто не мог оценить тот факт, что реальной целью репрессивных мер было именно восстановление связей внутри рыночного механизма, к тому времени начавшего давать сбои».

На первый взгляд все выглядело так, как будто «старая гвардия» неуклонно выступает за коммунистический путь развития, но на самом деле была оказана действенная поддержка именно системе рыночных отношений, вступивших в период бурного развития. Это привело к парадоксальной ситуации, так как экономисты «правого толка», подобные Чжан Вэйину, готовому постоянно полемизировать на тему губительной роли государства, оказались фактически в самом большом выигрыше от однопартийного правления. Коммунисты последовательно реализовывали его реформаторские идеи, игнорируя критические замечания со стороны сторонников «левых взглядов».

Чжан Вэйин на тот момент не знал, как будут развиваться события, а потому уехал из Китая в США в Оксфордский университет для работы над докторской диссертацией под руководством Нобелевского лауреата, профессора Джеймса Мирлиса. Ко времени его возвращения в Китай в 1994 году в стране возобновился головокружительный темп проведения реформ. Значительно увеличился негосударственный сектор экономики, и Китай уже смог преодолеть международную изоляцию, вызванную жестоким подавлением демонстраций в Пекине. Чжан Вэйин немедленно приступил к активной деятельности, распределяя свое время между занятиями бизнесом, академической деятельностью и политикой. Он одновременно участвовал в работе целого ряда специальных правительственных комиссий, возглавлял престижную Школу менеджмента «Гуанхуа» в Пекине и являлся консультантом

десятка крупнейших компаний Китая. С 1995 года Чжан стал наиболее часто цитируемым в отечественных экономических журналах автором.

Для Ван Хуэя и реформаторов «левого крыла» 90-е годы прошлого века представляли более трудные времена. Ошеломленные жестоким подавлением демонстрантов, дезориентированные странным альянсом компартии и новой капиталистической элиты, каждая из которых стремилась использовать сложившуюся ситуацию в своих целях, и опасавшиеся того, что страна движется к неминуемому концу, он и его коллеги ушли в подполье. Они отступили, но помнили о трех составляющих противодействия репрессиям, пропагандировавшихся Джеймсом Джойсом: «молчание, эмиграция и хитрость».

Возвышение «Новых левых» в Китае

Я встретился с Ван Хуэем в светлом и просторном «Кафе мыслителей», где, с комфортом устроившись на диване, можно наслаждаться прекрасным кофе. Располагалось оно на верхнем этаже одного из наиболее крупных книжных магазинов Пекина. Как и в других местах, находившихся недалеко от самых престижных университетов страны — Цинхуа, Бэйда (пекинский университет) и Жэньминь (народный университет), — здесь царила атмосфера искренних интеллектуальных бесед. К тому времени Ван Хуэй уже преодолел состояние безысходности. Худощавый, с короткой стрижкой, в коричневой куртке и черной водолазке, он имел вид типичного публичного интеллектуала. Вану нравилось анализировать

абстрактные понятия, такие, как «просвещение», «телеология» и «современность». И вообще с такой элегантностью, почти как у Ж.П. Сартра, и столь прогрессивными теоретическими рассуждениями его вполне сочли бы за своего на «левом берегу Парижа».

Но Ван Хуэй сохранил свое критическое отношение к состоянию дел в Китае. Он сумел дистанцироваться от основного направления на коммерциализацию жизни в стране. Поскольку Ван не вступил в партию, то не имел и официальных должностей (в отличие от Чжан Вэйина Ван не являлся директором какого-либо института, университета или государственного учреждения). В течение десятилетия он, правда, занимал один влиятельный пост редактора ведущего интеллектуального журнала «Душу», но лишился этой должности перед XVII съездом КПК в 2007 году. Хотя Ван Хуэй и является профессором университета Цинхуа, у него сложились конфликтные отношения с его руководством; в своих отчетах он резко обличает коррупцию на местах и оказывает помощь рабочим в организации борьбы с незаконной приватизацией. Он также часто выступает в средствах массовой информации с критикой правительства.

Ван Хуэй является одним из лидеров движения «Новые левые» — не связанного строгими обязательствами объединения интеллектуалов, оказывающего все большее влияние на настроения общества и задающего тон политическим дебатам. Они называют себя «новыми», потому что в отличие от «Старых левых» поддерживают рыночные реформы. Они считают себя «левыми», поскольку в отличие от «Новых правых» не закрывают глаза на неравенство. Многие из них скрывались в США в 90-х годах, но в настоящее время они вернулись домой и включились

в дискуссии о будущем Китая. В одном из интервью Ван Хуэй излагал их исходные позиции движения следующим образом: «Китай застрял между двумя противоположностями: с одной стороны — неправильно организованный социализм, с другой — основанный на принципах кампанейщины капитализм, а потому страдает от наихудших проявлений каждой из систем... Я в целом поддерживаю курс страны на проведение рыночных реформ, однако развитие Китая должно быть более уравновешенным, более сбалансированным. Мы не должны отдавать приоритет росту валового внутреннего продукта за счет урезания прав рабочих и нанесения ущерба окружающей среде».

Философия «Новых левых» явилась результатом достижения Китаем относительного достатка. В настоящее время, когда рыночные отношения обеспечивают экономический рост, они задумались о том, что надо делать с накопившимися богатствами. Должно ли оно и далее аккумулироваться в руках привилегированной элиты, или будет создана модель развития, способная приносить пользу всем гражданам страны. На протяжении всего периода реформ, продолжающихся уже тридцать лет, они ставят под вопрос концепцию, превозносящую рост производства как некую самоцель развития общества. Вместо того чтобы безоглядно нестись по ухабам в стихийный капитализм образца девятнадцатого века, предлагается развивать отечественный вариант социальной демократии. А пока они подобно старателям по крупицам собирают идеи со всего мира, стараясь приспособить их к местным условиям, и при этом все больше проникаются чувством того, что развитие Китая должно происходить на принципах, формирующихся именно в Пекине. Так, в частности, Ван Хуэй отмечал:

«Мы не можем рассчитывать на создание у нас государства по германской или скандинавской модели. У нас такая огромная страна, что государственный аппарат должен быть чрезвычайно многочисленным, чтобы гарантировать социальное обеспечение. Вот почему нам нужны институциональные нововведения. Ван Шаогуан, экономист-политолог, ведет речь о низкозатратной системе здравоохранения. Цуй Чжюань, политолог, подчеркивает необходимость национализации капитала и реформирования прав собственности для того, чтобы дать трудящимся возможность выражать свое мнение в отношении компаний, на которые они работают. Экономист Ху Аньган обращает внимание на проблемы экологии».

Такой подход противостоит заимствованным идеям развития капитализма на берегах Жемчужной реки и требует замены их новой, собственно китайской философией. «Мы должны найти альтернативный путь. Это величайшая миссия нашего поколения», — так ставится вопрос «Новыми левыми». И поскольку список проблем, возникающих в ходе дальнейшего развития рынка, почти такой же длинный, как и список многих достижений, высшее руководство страны не может игнорировать идеи «левых». Таким образом, представители «левого движения» начинают ощущать, что приходит их время.

Капитализм на берегах Желтой реки

В переводе название провинции Хэнань означает «Южная часть реки», поскольку она расположена по берегам Желтой реки. Эти районы — сердце континентального Китая, духовная противоположность Шэньчжэня. На тер-

ритории этой провинции, традиционно считающейся колыбелью китайской цивилизации, находится и деревня, ставшая образцом для «Новых левых» в 90-х годах — Наньцзе. В ходе хорошо продуманного эксперимента руководители уезда создали комплексную модель, сочетавшую рыночный аспект и коллективистские начала. Согласно их решению, приоритет был отдан индустриальным формам развития в противовес аграрной деятельности. Так, местные власти построили двадцать шесть фабрик различного профиля, производящих разнообразные товары: от растворимой лапши до пластиковой упаковки. Деревенская жизнь в Наньцзе изменилась, словно в результате эксперимента, проводившегося в девятнадцатом веке под руководством Роберта Оуэна в Нью-Ланарке в Англии и получившего условное название «гуманный капитализм». Рабочие там получают заработную плату выше среднего уровня, и при этом каждый из них обеспечивается бесплатным жильем, бесплатным медицинским обслуживанием, ежедневный рацион питания включает мясо, яйца и бутылку пива. Субсидируется начальное образование и даже обучение в колледже. Администрация заботится о поддержании здорового морального климата среди жителей и не посредством религиозных проповедей, как то практиковалось в Нью-Ланарке, а путем обязательного изучения философии Мао Цзэдуна и упражнений в критике и самокритике с участием каждого члена сообщества. В 1996 году название деревни было увековечено в известном пассионарном труде Цуй Чжиюаня — идеолога и вдохновителя «Новых левых».

Согласно его воззрениям, жизнь в деревне олицетворяла «альтернативный путь» развития. Это говорило о том, что возможности рынка могут быть использованы для

финансирования социального благосостояния членов общества; что успешное развитие может иметь место и в отдаленных уголках внутренних провинций страны, а не только на процветающем побережье. Все это свидетельствовало о том, что целенаправленная правительственная политика по обеспечению условий для поддержания здравоохранения и образования на должном уровне может активизировать и развитие экономики. На сегодняшний день достижения деревни Наньцзе несколько померкли, и она все в большей степени воспринимается как своего рода реликвия, нежели модель для подражания. Но даже в 1996 году Цуй Чжиюань не настаивал на том, что опыт Наньцзе имеет универсальное значение. В первую очередь он обращал внимание на то, что Китай может выживать в условиях рынка без резких сокращений заработных плат, ухудшения условий труда и социальной защищенности рабочих. Акцент делался на альтернативной форме капиталистического развития, отличной от практикуемой в процветавшей рыночной экономики дельты Жемчужной реки. Соответственно поэтому я посчитал приемлемым назвать эту форму «капитализм на берегах Желтой реки».

Темы, раскрываемые Ван Хуэем обычно в неспешной и взвешенной манере, вызывали значительное напряжение у Цуй Чжиюаня. Когда он излагал свое мнение, то его сверкающие глаза чуть ли не вылезали из орбит. Он прямо-таки задыхался, произнося свои речи, с жаром, обычно свойственным одержимым ученым, гонимым жаждой познания. Если судить по приводимым им для подтверждения своей позиции цитатам, может сложиться мнение, что он вовлечен в вечную дискуссию с такими выдающимися мыслителями, как Никколо Макиавелли, Жан-Жак Руссо, Джон Стюарт Милл и Джеймс Мед. Сам же Цуй Чжиюань

является одним из самых оптимистически настроенных членов движения «Новые левые». Рассматривая практику как ключ для решения проблем китайской действительности, он утверждает: «Опыт современной России и целого ряда развивающихся стран свидетельствует о том, что они не могли бы достичь благосостояния, мощи и свобод, присущих индустриально развитым демократиям, простым копированием экономических и политических институтов этих государств. Чтобы добиться успеха, они должны создать свои собственные институциональные структуры». Для «Новых левых» основным моментом в понятии «капитализм на берегах Желтой реки» является философия непрерывного новаторства, направленная на создание и развитие новых видов компаний и социальных институтов, способных соединить вместе конкуренцию и партнерство».

Самое слабое государство в мире

«Большое государство — это плохо, маленькое государство — хорошо», — без устали повторяли китайские экономисты в 80—90-х годах. Команда «Новых левых» в лице Ван Шаогуана и Ху Аньгана приложила немало усилий для детальной проработки этой темы. Этой довольно странной паре — а встретились они случайно в Йельском университете — было суждено сыграть такую же роль в формировании экономических взглядов «Новых левых» в Китае, какую сыграли Леннон и Маккартни в музыкальной жизни Запада. В получившем широкую известность докладе, подготовленном в самом на-

чале 90-х годов, они старались доказать, что китайскому государству присущ неправильный подход к власти: так как все надежды возлагаются на деспотию, а не на рациональные методы управления. Способность такого государства ограничивать личные свободы своих граждан остается непревзойденной. Однако, когда руководство страны пытается выстроить эффективную систему управления жизнью общества, Китай оказывается в положении самого слабого государства в мире.

Они обратили внимание на то, что доходы центрального правительства постоянно снижались в процентном отношении к объему валового внутреннего продукта (ВВП) с 31,2 процента в 1978 году до 14,7 процента в 1992 году. В то время как размеры государственного бюджета снижались, доходы местных правительств постоянно возрастали, что породило в провинциях страны всякого рода «красных баронов». Они использовали весьма сомнительного свойства схемы как для личного обогащения, так и для пополнения провинциальной казны, укрепляя таким образом свою власть. К концу 80-х годов «красные бароны» представляли влиятельную силу, сравнимую с центральным правительством. Так, доля «внебюджетных доходов» возросла с 31 процента от бюджетных доходов в 1978 году до 95 процентов в 1989 году.

Согласно мнению «Новых левых», почти все проблемы, препятствующие проведению реформ в Китае: коррупция, перегрев экономики, неиспользуемые инвестиции, неработающие кредиты, низкий уровень внутреннего потребления и ее социальное неравенство — обусловлены тем, что центральное правительство слишком ослабло, а не из-за того, что его позиции усилились.

По оценке Ху Аньгана, общая сумма, включающая взятки, уклонения от налогов, произвольные местные по-

боры и откровенное воровство, ежегодно поражает воображение, достигая 15 процентов китайского ВВП. Ху объясняет, как в условиях отсутствия ответственности перед народными массами или страха перед санкциями сверху провинциальные лидеры соблюдают свои интересы в ущерб простым людям, распределяя основную часть сверхбюджетных доходов на себя и свои семьи — в виде высоких зарплат, дорогих автомобилей, систем воздушного кондиционирования, холодильников и новых офисных зданий. Решение, по мнению Ху Аньгана, заключается в централизации сбора налогов, необходимой для ограничения практики произвольных поборов, и в создании специальных структур центрального подчинения для борьбы с коррупцией.

Представители «Новых левых» также выступили против «дорогих белых слонов», то есть формирования разорительной собственности, не приносящей выгоды, такой как отели класса «люкс», небоскребы, масштабные парки развлечений и гигантские стадионы; причем подобные объекты местные власти строить просто обожали. За такого рода непродуктивными инвестициями, ведущими к перегреву экономики, стояли финансовые ресурсы китайских банков, освобожденных Дэн Сяопином от контроля центральных органов.

Однако, по мнению экспертов МВФ, наиболее весомым аргументом считалось то, что более сильное государство может стимулировать увеличение внутреннего потребления, на тот момент составлявшего менее 40 процентов ВВП — наименьшее значение среди крупных экономических государств. По утверждениям «Новых левых», китайская модель экономического развития является нестабильной по той причине, что количество товаров и услуг, предназначенных для внешнего мира, является ограни-

ченным, и Китай должен активизировать потребление своей внутренней продукции. В будущем Китаю просто придется тратить больше, а экономить меньше. Представители «левых» правильно отмечали, что внутреннее потребление будет возрастать только в том случае, если китайские граждане будут чувствовать себя более защищенными. До тех пор, пока в стране не будет работать эффективная система «государства всеобщего благосостояния», защищающая китайских граждан от проблем, связанных с болезнями, безработицей или старостью, они будут откладывать деньги на будущее, а не тратить их сразу после того, как заработали. «Новые левые» также утверждали, что только получившее должную поддержку центральное правительство сможет обеспечить систему социальной защиты, способную предоставить китайским гражданам уверенность в завтрашнем дне, несмотря на их растущие потребительские расходы. Заявления «левых» находят заметный отклик в обществе. Доля налоговых поступлений в бюджет центрального правительства в 1994 году постепенно увеличивается, и по крайней мере президент Ху Цзиньтао и премьер Вэнь Цзябао обязались восстановить систему «общего благосостояния» в Китае.

Защита общественной собственности

«Собственность — это воровство», — таким является один из самых известных «левацких» постулатов практически с тех пор, как его отчеканил в 1840 году Пьер-Жозеф Прудон. Но в то время, как французский анархист имел в виду в первую очередь концептуальный подход, в Китае

его воспринимают буквально. Представители «Новых левых» обращают внимание на разворачивающееся движение «огораживания», аналогичное процессу отчуждения общинных земель, имевшего место в Англии между XII и XIX веками, когда частные землевладельцы захватывали общинную собственность. В Китае же это подрывает систему социальной защиты и создает массовое неравенство. Каждую неделю газеты и веб-сайты информируют о том, что партийные «шишки» расхищают и присваивают народное имущество, разглагольствуя о приватизации. Собственность, в свое время забранная у богатых и переданная крестьянам, конфискуется у современных фермеров и отдается выгодным застройщикам. Целые деревни вынуждены под нажимом отказываться от своих земель и отдавать их практически даром перекупщикам земли для строительства новых объектов; фабрики продавались по крайне низким ценам, а их фонды были поделены и расхищены. В таких делах замешаны коррумпированные чиновники и нечестные бизнесмены, получающие невероятно высокую прибыль, в то время как рабочим и предыдущим хозяевам, чьи земли были незаконно присвоены, выплачивают смехотворные компенсации.

Наиболее наглые действия по разграблению общественного достояния стали символически обозначать тремя буквами «эм-би-оу», что расшифровывается как «приобретение управленческими структурами контрольных пакетов акций компаний». В 2004 году, тогда малоизвестный академик по имени Лан Сянпин, работавший в Гонконге, стал повсеместно известной в стране фигурой после того, как на местной телевизионной станции в Шанхае он воспользовался шансом и вынес имеющиеся у него фактические данные по таким злоупотреблениям на суд

общественности. По следам этого выступления Гу Чуцзюнь — председатель одной из компаний, обличавшихся Ланом, — подал на последнего в суд за клевету. Демонстрируя свою решимость и боевой настрой, он заявлял: «Я буду сражаться за честь предпринимателей». До того момента, как Гу Чуцзюнь проиграл это дело и был осужден, экономист Чжан Вэйин выступил с осуждением практики «очернения предпринимателей и демонизации их», настаивая на том, что приватизация должна продолжаться в направлении повышения эффективности и твердого соблюдения принципов. Чжан утверждал, что государственные предприятия никогда не пойдут на риск, поскольку их управленцы назначаются бюрократическими структурами; только капиталистические предприниматели могут создавать прибавочную стоимость. Даже если в процессе приватизации могут наблюдаться некоторые нарушения норм, это, по мнению Чжана, просто издержки, поскольку Китай сможет эффективно развиваться, только если государство уйдет из сферы экономики, и все крупнейшие компании страны окажутся в частных руках. Приватизация всем принесет пользу.

«Новые левые» не соглашались с тем, что государственные компании по определению менее эффективны. При этом они утверждают, что эти предприятия также могут приглашать высокопрофессиональных менеджеров из рыночного сектора экономики, и получаемые ими поощрения или взыскания будут зависеть от результатов их деятельности. Что в наибольшей степени заботит представителей «Новых левых», так это социальная цена приватизации. Государственные предприятия так или иначе обеспечивают «миской риса» своих рабочих; наряду с гарантированной заработной платой им предоставляются возможности

для обучения, получения пенсий, поддержания жилищных условий, пользования системой здравоохранения и даже занятия спортом. Приватизация и экономическая реструктуризация привели не только к потере миллионов рабочих мест, но и лишили рабочих социальной защиты, поддерживавшей также и существование их семей. Тот факт, что Китай перешел от полной занятости к ситуации с наличием 40—60 миллионов безработных, — а также десятками миллионов рабочих-мигрантов (по-китайски «миннун»), проживающих в своей стране как бесправные изгнанники, поскольку не имеют свидетельства о месте жительства, — привел к тому, что рабочая сила стала товаром. Китайская политическая элита более десятилетия разделена по отношению к вопросу о введении закона о защите частной собственности. Ван Хуэй, выражая точку зрения многих представителей «Новых левых», заявлял: «Мы не возражаем против защиты частной собственности. Но не должны ли мы также иметь закон и о защите общественной собственности?»

Цуй Чжиюань придерживается даже более радикальной идеи, предусматривающей создание новой схемы распределения доходов государственных предприятий Китая. 169 крупнейших компаний Китая заявили о суммарной чистой прибыли в 2005 году в размере более 600 миллиардов юаней (75 миллиардов долларов США). Но несмотря на свою гигантскую прибыль, китайские государственные компании не платят дивиденды владельцу контрольного пакета акций — государству. Правительство в конце концов проявило решимость потребовать от этих компаний полных и своевременных выплат. Однако Цуй Чжиюань хотел бы видеть прежде всего выплаты по дивидендам гражданам страны, а не правительству. Предлагаемая им модель

основывается не на социалистическом прошлом Китая, а на опыте Аляски. С 1982 года администрация этого сурового приполярного штата стала использовать часть доходов, получаемых от огромных нефтяных ресурсов, для формирования крупных имущественных фондов для своих граждан. Им стали выплачивать «социальные дивиденды», составляющие тысячи долларов ежегодно. Цуй Чжюань настаивал на том, чтобы доходы от государственных китайских предприятий использовались таким же образом, как нефтяные прибыли на Аляске, и направлялись на нужды народных масс страны, а не оседали у зажиточной элиты. Он считал, что такие социальные выплаты помогли бы устранить проявления нестабильности в Китае и позволили бы его гражданам, занятым и на низкооплачиваемой работе, увеличивать потребление товаров внутри страны.

Развитие по пути «зеленого кота»

«Новые левые» в Китае выражают озабоченность не только по поводу социальных последствий негативного характера, вызванных неверным, по их мнению, ходом развития страны; они также озабочены тяжелейшим положением дел в области охраны окружающей среды. Во время моих визитов в Пекин я всегда мог точно определить, когда мой самолет входит в китайское воздушное пространство: загрязнение воздуха становится настолько сильным, что, как правило, ничего не видно. Воздух, вода и земля в Китае стали заложниками неослабевающей гонки за экономическим процветанием. Поскольку процесс развития стартовал в восточных приморских провинциях страны, внутренние райо-

ны стали превращаться в огромные бесплодные, заброшенные пустыри — беднейшим регионам была уготована судьба стать местом для свалок промышленных отходов. По данным китайских экспертов, две трети производимой в стране электроэнергии получают от использования низкосортного угля, при этом ежегодно вводятся в строй новые электростанции, работающие на нем. Китайские фабрики извергают токсичные газы и сваливают отработанные химикаты и мусор в реки и озера. Сельскохозяйственные предприятия страны используют удобрения, запрещенные в других странах. В результате уничтожения лесов уже четверть китайской территории превратилась в пустыни, расширяющиеся со скоростью в 2,460 километров в год. По указанным причинам на 30 процентов территории Китая выпадают кислотные дожди; 75 процентов площади озер загрязнены, а реки отравлены или засыхают; почти 700 миллионов человек употребляют для питья воду, загрязненную отходами жизнедеятельности людей и животных. Ощущается нехватка пахотных земель, поскольку миллионы крестьян лишились своих наделов в результате конфискаций под промышленное строительство или по причине отравления их химическими отходами. Системный подход, стимулирующий проведение курса на «развитие любой ценой», был сформулирован для местных чиновников Дэн Сяопином: «Не важно, какого цвета кошка — черная или белая. Главное, чтобы она ловила мышей». Таким образом, экономический рост преподносился как высший по сравнению с любыми формами идеологии приоритет. «Новые левые», наоборот, утверждают, что цвет кошки имеет значение. Так, Ху Аньган охарактеризовал экономический рост за последние двадцать лет как «рост ВВП по пути “черного кота”». Он выступает за такую оценку показателей роста, который бы учитывал

ущерб, наносимый окружающей среде. Ху назвал такой подход развитием по пути «зеленого кота». Критикуя модель 80-х годов, ориентирующуюся на то, что «в первую очередь надо разбогатеть, прибирать будем потом», Ху Аньган возлагает надежды на экономическую реструктуризацию Китая, благодаря которой можно будет избежать западной схемы обеспечения роста, осуществляющегося за счет высокого уровня потребления материальных ресурсов и соответственно высокого уровня загрязнения окружающей среды. Он считает, что этого можно достичь путем использования соответствующих систем налогообложения, налоговых льгот и введения законодательства, стимулирующего повышение эффективности производства, развития возобновляемых источников энергии и мотивации к созданию нового поколения «экологически чистых» предприятий.

Такого рода идеи получили поддержку со стороны Пань Юэ — энергичного и деятельного молодого руководителя СЕПА (Государственное управление по охране окружающей среды). Пань Юэ, являющийся зятем бывшего генерала НОАК и члена Политбюро КПК Лю Хуацина, дал Ху Аньгану возможность приступить к реализации его планов. В 2006 году он опубликовал первый официальный отчет об «экологическом ВВП» Китая. Доклад Паня свидетельствовал о том, что стоимость ущерба по всему Китаю от загрязнения воздуха и воды, а также вреда от твердых отходов составляла в 2004 году 64 миллиарда долларов США, или 3,05 процента годового ВВП. Система определения «экологического ВВП» Китая была основана на учете стоимости использования пяти видов природных ресурсов — земли, полезных ископаемых, лесов, воды и рыбных запасов, — а также на оценке степени загрязнения окружающей среды и экологического ущерба. Вместе с тем

Пань Юэ отмечал, что система оценки затрагивала только «верхушку айсберга». Деятельность Паня была объявлена чисто символической — руководимое им небольшое агентство не имело достаточно полномочий для противодействия крупным управленческим структурам, вынуждавшим правительственные подразделения на всех уровнях отдавать предпочтение экономическому росту за счет мероприятий по защите экосистем. Но Пань Юэ не сдавался и пытался скомпенсировать недостаток политического влияния обращениями к набирающему силу общественному мнению страны. В частности, он призывал к проведению публичных слушаний по крупным экономическим проектам с тем, чтобы граждане могли непосредственно высказывать свои опасения насчет негативного воздействия последствий на окружающую среду от реализации такого рода планов. И в то время как основная масса должностных лиц стремилась занять позицию «отмалчивания» и избегала представителей западных средств массовой информации и неправительственных китайских организаций, скрываясь от них как от чумы, Пань Юэ редко оказывался в стороне от всеобщего внимания. Одетый в фирменный черный костюм и модную рубашку — без галстука, — он часто обращался к китайским и иностранным средствам массовой информации, а также к организациям, занимавшимся вопросами охраны окружающей среды, такими, как «Гринпис» и Всемирный фонд защиты дикой природы, принимая вызовы от могущественных компаний и локальных «загрязнителей» природной среды. Пань Юэ говорил даже о «самоубийственной экологии в Китае», а в интервью немецкому журналу «Шпигель» (в апреле 2005 года) он предупреждал, что «китайское экономическое чудо может скоро закончиться, поскольку

окружающая среда не сможет больше выдерживать чрезмерную нагрузку».

Такими красноречивыми заявлениями Пань Юэ делал намеки на аспекты побочных результатов ухудшения экологии, способные оказаться наиболее чувствительными для китайских лидеров. Озабоченность руководства прежде всего вызывает масштаб экономического бремени, сопряженного с решением экологических проблем, могущих сказаться на темпах роста; ущерб, наносимый здоровью населения, и угроза для международной репутации страны, которую могут посчитать главным виновником осложнений, связанных с изменениями мирового климата. А самым тревожным для руководства является угроза социальной нестабильности. Согласно заявлению Чжоу Шэнсяня, одного из высших китайских должностных лиц, занимающихся экологическими проблемами, в 2005 году была зарегистрирована 51 тысяча акций протеста против загрязнения окружающей среды. В некоторых из таких выступлений приняли участие десятки тысяч человек. В настоящее время Пекин проводит довольно жесткую политику защиты окружающей среды, разработан ряд амбициозных проектов в этой области. Но, по утверждениям Вана Шаогуана и Ху Аньгана, возможности центрального правительства ограничены. Несмотря на некоторые подающие надежды эксперименты на местном уровне, такие, например, как создание в Дунтане, недалеко от Шанхая, «города, свободного от угля», повсеместная картина остается безрадостной. Когда дело доходит до осуществления экологических проектов, местные чиновники уделяют этой работе гораздо меньше внимания, чем обязательным для выполнения задачам по обеспечению темпов роста. Поэтому в связи с жалобами местных

лидеров доклад Пань Юэ об «экологическом ВВП» был тихо положен на полку. Защитники окружающей среды из числа «Новых левых», возможно, и одержали бы победу в борьбе идей в Пекине, но решение более традиционных задач, например, обеспечение прибыли, в реальной жизни оказалось более актуальным.

Сдвиг влево

У вас может сложиться мнение, что Чжан Вэйин в полной мере пользуется заслуженным признанием. Он принимал активное участие в самом успешном экономическом эксперименте прошлого века. Его работа в качестве директора компании щедро оплачивается. Он также занимает высокий пост в одном из наиболее престижных академических институтов Китая. Но несмотря на всю его знаменитость, материальное благосостояние и профессиональный успех на тот момент, когда я последний раз виделся с Чжан Вэйином, летом 2006 года, он не производил впечатления счастливого человека.

На протяжении двух последних десятилетий в Китае происходил процесс, называемый по-китайски «гайчжи», что означает «преобразование системы»; в ходе его многие государственные предприятия были реструктурированы, и значительная их часть была приватизирована. Десять лет назад в стране насчитывалось 300 тысяч государственных предприятий, в настоящее время их только 150 тысяч. В тот же период число рабочих мест было сокращено на 40 процентов, или, другими словами, было уволено 45 миллионов человек. Но по мнению Чжан Вэйина, дан-

ный процесс не зашел достаточно далеко. Основная причина его недовольства заключалась в том, что решения о назначении руководителей государственных предприятий по-прежнему принимаются в управлении кадров компартии Китая. Партийные чиновники не имеют никаких стимулов для назначения на должности руководителей настоящих предпринимателей. «Бюрократы в отличие от капиталистических бизнесменов, — как отмечал Чжан, — не несут ответа за свой выбор».

На самом деле Чжан Вэйину приходится мириться с главной проблемой, проистекающей из его собственной теоретической конструкции, а именно с тем, что в условиях «параллельного перехода» старая система будет существовать еще длительное время. За прошедшие три десятилетия с момента официального старта реформ в Китае в промышленном базисе страны по-прежнему доминирует государственный сектор (государству принадлежит 60 процентов основных фондов, и 80 процентов исполнительных директоров государственных предприятий назначаются партийными органами). Хотя в стране существуют динамичные фондовые биржи — суммарный объем капиталов бирж в Шанхае и Шэньчжэне занимает восьмую строчку в мировом рейтинге, — проводить операции разрешено лишь с акциями, составляющими только третью часть объема ценных бумаг на китайском рынке. Самые престижные корпорации, например, «Чайна мобайл» (Китайская мобильная связь) или «Синопек» (Нефтехимическая корпорация Китая), контролируются государством. Даже частные компании, торгующие на мировом рынке, например, такие, как «Леново», так или иначе связаны с правительством по теневым схемам.

Согласно взглядам Чжан Вэйина, страна переполнена половинчатыми реформами — «раскрашенных лошадей» больше, чем «настоящих зебр». Он полагает, что после трех десятилетий исключительно высоких темпов роста пришло время признать, что Китай — это «край зебр», и избавиться от остающихся «лошадей».

Чжан опасается, что правительство потеряло напористость в осуществлении процесса преобразований, необходимую для доведения его до логического конца, то есть до самоустранения из экономической жизни страны. Рост производства ныне воспринимается как нечто само собой разумеющееся, а не как самая актуальная цель. Лишь немногие из государственных предприятий в настоящее время работают с убытком, так что мотивация к их приватизации ослабла. А политические лидеры в Пекине стали все больше говорить о том, что следует остановить перегрев экономики, приступить к перераспределению доходов и перейти к темпам «сбалансированного развития». Об ускорении процесса приватизации как о насущной потребности практически не упоминается. Чжан Вэйин и его коллеги из движения «Новые правые» сетуют на то, что президент Ху Цзиньтао и премьер-министр Вэнь Цзябао стали жертвами одной из опасных форм популизма. У них вызывает озабоченность то, что меры по перераспределению доходов приведут к замедлению экономического роста и таким образом поставят под угрозу достижения последних тридцати лет. Они также выражают опасения насчет того, что в тех условиях, в каких многие предприниматели делали свои состояния, причем весьма сомнительными методами, активная борьба против коррупции может подтолкнуть правительство последовать российской модели, связанной с именем Владимира Пу-

тина, предусматривающей, в частности, конфискацию имущества у бизнесменов-олигархов.

Чжан Вэйин страстно желает возвращения времен Дэн Сяопина, Цзян Цзэминя и Чжу Жунцзи, препятствовавших развертыванию дискуссий о неравенстве, следуя лозунгу «сначала надо разбогатеть»: «В процессе реформ вам необходимы лидеры, способные выполнять миссионерскую роль. Наше время значительно отличается от периодов 80—90-х годов. На центральном и провинциальном уровнях лидеры не соответствуют такой роли. Они слишком чувствительны к общественному мнению». Именно общественное мнение и перевернуло весь мир Чжан Вэйина. Дебаты 80-х годов, развернувшиеся тогда между консерваторами и реформаторами, были выиграны сторонниками реформ. Решения о проведении политики открытости и реформирования системы воспринимаются как необратимые. Вместе с тем на этой почве возникают новые дискуссии, в частности: какого вида реформ должен придерживаться Китай? Кто будет в выигрыше от их проведения? Каким образом будут распределяться доходы от экономического роста? Интернетовские веб-сайты, газеты и телевидение больше не полемизируют в отношении того, какими путями следует минимизировать роль государства. Основной темой для них является вопрос о том, как укротить стихию рынка. На таком фоне Чжан Вэйин вынужден констатировать, что внимание к его работам ослабевает. Чжан жалуется на то, что он и его коллеги находятся в осаде, подвергаясь атакам со стороны «левых» на страницах Интернета и осуждению в средствах массовой информации: «Почти невозможно обсуждать серьезные вопросы в такой обстановке. В 80—90-х годах мы вели дискуссии в кругах экономистов. Но сегодня про-

стые люди, поддавшись на риторику «левых», подвергают нас критике. Они подрывают доверие к нам, утверждая, что мы находимся на содержании американского правительства или класса новых капиталистов. Мы ощущаем себя подобно студентам в рядах военных».

«Новый Макиавелли» и гармоничное общество

В современном Китае битвы идей перемежаются с борьбой за власть как таковую. За монолитным фасадом коммунистической иерархии ведется набирающая темпы ожесточенная борьба двух политических группировок, ассоциирующих себя с платформами «Новых левых» и «Новых правых» за единоличное руководство партией.

Активный представитель «Новых левых» Цуй Чжиюань использовал оригинальный подход для объяснения такого рода изменений в политической динамике — он сравнил ситуацию со средневековой Европой. По его словам, многие западные наблюдатели испытывают затруднения при осмысливании событий в Китае, так как рассматривают политику в рамках взаимоотношений между правителем и подчиненными, между государством и гражданским обществом. Но Цуй Чжиюань утверждает, что конфликты интересов в Китае, так сбивающие с толку современных европейских исследователей, были бы однозначно и быстро поняты обитателями средневековой Европы, если бы они смотрели на мир глазами таких ее представителей, как Никколо Макиавелли:

«Ведь, как считал Макиавелли, власть не делится только на два уровня: государство и народ. Флорентийскую

политику определяли три основных фактора: правитель («один»), аристократия («некоторые») и народ («многие»). В современном Китае «один» — это Коммунистическая партия, «некоторые» представляют собой разбогатевшую прослойку, а «многие» олицетворяют собой народ. Макиавелли демонстрирует, как «один» и «некоторые» могут тайно сговариваться за спиной «многих», но также описывает, как правитель может использовать возникающие ситуации для совместных выступлений с народом против аристократии».

По мнению Цуй Чжиюаня, китайская политика в 80-х годах напоминала продолжительный роман между партийной верхушкой и нуворишами. На известный призыв Мао Цзэдуна «служить народу» Дэн Сяопин ссылаясь и при проведении в жизнь лозунга «становиться богатым — это замечательно». Выбранный Дэном продолжателем его линии — бывший лидер шанхайских коммунистов Цзян Цзэминь — пошел даже дальше со своей так называемой теорией «трех представительств», согласно которой в Коммунистическую партию стали приглашать частных предпринимателей. Идейным обоснованием этого служил тезис о том, что партия должна также выражать интересы представителей экономической, социальной и культурной сфер общества. Цзян Цзэминь сплотил вокруг себя группу влиятельных представителей приморских регионов страны, продолжавшую удерживать власть даже после его ухода со своего поста. Поскольку основной центр поддержки деятельности Цзян Цзэминя располагался в Шанхае, местную группировку часто называют «шанхайской элитой», что определенно выражает восхищение наиболее авангардистскими экспериментами по развитию капитализма

в Китае. Как и их единомышленники в академии из числа таких представителей «Новых правых», как Чжан Вэйин, «шанхайская элита» всеми силами поддерживала курс на ускоренный экономический рост, сравнительно высокую степень провинциального самоуправления в экономических делах, ослабление контроля за процессами инвестиций и банковского кредитования, а также укрепление связей между партийными органами и растущим в стране классом частных предпринимателей.

Однако, начиная с 2002 года, обычно единодушно принимаемые предложения «Новых правых» уже ставятся под вопрос со стороны президента Ху Цзиньтао. Он организовал альтернативную платформу на базе Коммунистической лиги молодежи Китая (КЛМК); так называемое движение «туаньпай», прежде всего обращающее свое внимание на менее развитые внутренние провинции страны. Представители КЛМК в большей степени придерживаются принципиальных положений, выдвигаемых «Новыми левыми», они призывают к умеренному и более стабильному экономическому росту, усилению внимания к проблемам неравенства в обществе и загрязнения окружающей среды, а также к расширению государственной поддержки образования, здравоохранения и социальной защищенности граждан. Такие ключевые слова Ху Цзиньтао, как «гармоничное общество» и «научное развитие», означают векторы политики, направленные на восстановление баланса между бурно развивающейся рыночной экономикой и пренебрегаемым социалистическим прошлым страны.

Вместо того чтобы делать реверансы большому бизнесу, президент Ху Цзиньтао вместе с премьер-министром Вэнь Цзябао инициировали примирение власти с рабочи-

ми, крестьянами и лишенными собственности гражданами, намереваясь объединиться с «многими» против «некоторых». Посредством серии эффектных эпизодов, демонстрируемых средствами массовой информации, — таких, как остановки на ночь в крестьянских домах или ходатайства по поручению рабочих, — Ху старался дистанцироваться от «политики в интересах элиты», проводимой ранее Цзян Цзэмином. Наибольшую обеспокоенность у «Новых правых» вызывал отход от определения экономического роста как первостепенной для Китая задачи. На заседании Политбюро в июле 2004 года, проходившем в разгоряченной обстановке, тогдашний партийный руководитель Шанхая Чэнь Лян'юй будто бы прямо указал пальцем на Вэнь Цзябао и предупредил его, что тот будет нести ответственность в случае, если политика, направленная на замедление темпов роста в приморских восточных провинциях страны и перераспределение финансовых средств в пользу внутренних западных провинций, приведет к политическим беспорядкам. Страстный поборник свободного рынка Чэнь Лян'юй поддержал позицию «Новых правых», заявив, что, «когда восходит солнце, оно освещает в первую очередь восточные районы. Оно не светит одновременно на Восток и на Запад... Укрепление баланса не должно означать ограбление богатых в пользу бедных; перераспределение доходов богатых к бедным приведет ко всеобщему равенству в бедности, а не к равенству в богатстве... Исторический опыт нашего партийного государства в сфере экономики давно доказал, что попытки отстаивания равноправия только подавляют развитие».

Китайская политическая система не подразумевает, что победитель «получает все». Каждая из двух конкурирующих фракций нуждается в другой, чтобы определиться

в собственных принципах; власть же в конечном счете балансирует между ними. Можно предположить, что Ху Цзиньтао подтвердил свои властные полномочия, когда инициировал привлечший всеобщее внимание процесс по обвинению в коррупции Чэнь Лян'юя в 2006 году. Но, когда на следующем партийном съезде в октябре 2007 года проводились выборы в Постоянный комитет Политбюро, обе фракции получили примерно по равному количеству голосов, и Ху Цзиньтао не удалось утвердить своего протеже Ли Кэцяна в качестве официально признанного преемника.

Однако в политической области центр власти едва различимо смещается в сторону левых. В конце 2005 года Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао опубликовали «Одиннадцатый пятилетний план, проект развития гармоничного общества». Данный документ, основанный на анализе работы десятков делегаций, состоявших из партийных работников и экспертов, занимавшихся изучением социальной политики в странах Европы, США, Латинской Америки, Восточной Азии и Африки, ясно обозначил определенную смену ориентиров, по которым намеревается следовать в свое экономическое будущее. Впервые с начала эпохи реформ в 1978 году экономический рост не был охарактеризован в качестве первоочередной цели китайского государства. Ему на смену пришло более общее понятие — «развитие», определяемое китайскими лидерами в настоящее время как «уделение первоочередного внимания людям» («ижэнь вэйбэнь»), а также усиление деятельности по защите окружающей среды. Акцент делается на использование скандинавской модели социального обеспечения, предусматривающей ежегодное увеличение размеров фондов на 20 процентов, предназначенных для пенсий, посо-

бий по безработице, медицинского страхования и пособий по декретным отпускам и уходу за детьми. А в отдаленных районах Китая обещают создать новую социалистическую сельскохозяйственную систему, упразднив в ней произвольные налоги и улучшив ситуацию со здравоохранением и образованием. Все это сопровождается обязательствами по сокращению на 20 процентов потребления энергии на единицу ВВП и введения для оценки эффективности работы партийных чиновников новых критериев, акцентирующих внимание на показателях, характеризующих социальную и экологическую обстановку наряду с темпами экономического роста. Смещение политического вектора в китайской политике было в дальнейшем закреплено на партийном съезде 2007 года, когда выдвинутая Ху Цзиньтао левоцентристская «Концепция научного развития» была официально подтверждена в партийных документах на таком же высоком уровне, как «идеи Мао Цзэдуна» и «идеи Дэн Сяопина». Подобного достижения не удалось добиться предшественнику Ху — Цзян Цзэминю во время нахождения последнего у власти.

Хотя детали намеченной работы еще прорабатываются, можно отметить, что в «одиннадцатом пятилетнем плане» четко просматриваются базисные положения концепции «капитализма на берегах Желтой реки». По мнению Чжан Вэйина и ранних реформаторов, этот план следует идее перманентных преобразований — то есть предпочтение отдается постепенным реформам, а не методам «шоковой терапии». В целом он соответствует их представлениям о том, что рынок более эффективно, чем государство, может обеспечивать экономический рост. По мнению «Новых левых», в плане отражена озабоченность существующим в обществе неравенством и проблемами окружающей сре-

ды; в нем также поддерживается создание новых структур, способных сочетать сотрудничество и конкуренцию. Подчеркивая намерение государства разделять доходы от экономического роста и обеспечивать социальную сферу, план ставит под сомнение философию «плоского нивелированного мира», основанную на капиталистическом развитии в условиях невмешательства со стороны государства. Такого рода обязательства по поощрению быстрого экономического роста при сохранении государственного контроля над социальными сферами, несомненно, повышает притягательность системы «капитализма на берегах Желтой реки» для правительств развивающихся стран. Пекин, вероятно, не сможет преодолеть влияние экономик, устроенных по англосаксонскому типу, но если материализуется следующая фаза китайского экономического «чуда», то будет дан новый импульс к изучению планов экономического развития страны, создаваемых в мозговых центрах Китая.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Демократия за завесой облаков

Образ западной демократии может возникнуть при посещении ресторана и при выборе французского, итальянского или немецкого шеф-повара, который по тому, как он понимает ваши предпочтения, предложит вам то или иное блюдо. Что касается китайской демократии, то у нас всегда присутствует один и тот же шеф — Коммунистическая партия. Вместе с тем мы во все более возрастающей степени можем выбирать блюда, которые хотели бы попробовать.

*Фан Нин, Китайская академия
общественных наук*

Город Пинчан прячется в облаках. Он расположен на высоте 600 метров над уровнем моря, в районе горной гряды Даба. До него надо добираться более пяти часов на автомобиле по извилистым горным дорогам, ведущим из столицы провинции Сычуань города Чэнду. Окружающий пейзаж просто восхитителен — все оттенки зеленой

гаммы представлены в лесных зарослях, травах, бамбуковых рощах и полях, засеянных зерновыми культурами. На горных склонах террасами располагаются поля, на которых выращивают рис и другие злаки. Дороги выются в легком тумане, сквозь который проступают контуры города, взгромоздившегося на самый край глубокого ущелья. Однако жестокость форм жилых бетонных блоков быстро выводит приезжающих из состояния идиллической созерцательности, подобно хорошей встряске. Неказистые силуэты города выступают из горной гряды, напоминая диснеевский замок Золушки, сотворенный методом социалистического реализма. Принц Чарльз назвал бы его бесформенным, но меня тронул в чем-то утопический мотив, сопутствующий анахроничному восприятию современности в этом городе. Даже в состоянии упадка город не подавляет амбиций своих жителей по преобразованию окружающей природной среды.

Большинство горожан Пинчана проживают в деревнях, связанных с центром города заляпанными грязью проселочными дорогами. В Наньчао — первой деревне — крестьяне, нагруженные коромыслами и плетеными корзинами, передвигались под большим, красным, шириной во всю улицу транспарантом, призывающим к созданию «новой социалистической сельскохозяйственной системы». Однако Наньчао совсем не производил впечатления нового поселения. Обветшалые здания, заселенные только старыми, слабыми и больными людьми, напоминали мне декорации фильма о зоне боевых действий. Подошедшая ко мне без церемоний пожилая женщина сообщила, что от деревни осталась только видимость, поскольку почти все мужчины трудоспособного возраста уехали на заработки, в основном на неквалифицирован-

ную работу (по ее словам, те, кто остался трудиться на полях, зарабатывают только около 900 китайских юаней — около 65 английских фунтов в год).

Пока мы беседовали, вокруг нас собралась толпа крестьян с уставшими, обветренными лицами; они начали взволнованно рассказывать о своих проблемах: падении доходов от занятия сельскохозяйственным трудом, росте оплат за услуги докторов и обучение, недостатке мужского воспитания для детей, одиночестве из-за разрыва традиционных связей. В течение нескольких минут собрались десятки жителей деревни, их голоса становились все громче и громче, сливаясь в гневный, но бессильный хор. Все они умоляли меня рассказать об их страданиях по возвращении в Пекин. Они не представляли того, что мои друзья в Пекине рекомендовали мне посетить Пинчан, олицетворяющий в их представлении будущее Китая.

«Восходящая демократия»

В настоящее время уезд Пинчан привлекает многих посетителей. Однако последние приезжают не для того, чтобы полюбоваться красотами архитектуры или познакомиться с успехами этого региона в развитии экономических отношений. Основная причина их визитов заключается в том, что Пинчан стал первым уездом в Китае, где членам партии разрешили избирать партийных секретарей районов путем голосования на конкурсной основе. Такого рода эксперимент явился незаурядным событием для партии, в которой служебный рост в значительной степени зависит от лояльности и наличия личных связей с ру-

ководством, а не от выбора рядовых партийцев. В обычных обстоятельствах каждое вышестоящее правительственное подразделение назначает руководителей нижестоящих исполнительных структур. Так, в частности, партийные органы национального масштаба отбирают лидеров провинциального уровня, а те, в свою очередь, утверждают руководителей областных партийных организаций, выбирающих глав уездов. Последние назначают руководителей районов, отвечающих в такой же последовательности за подбор и назначение кандидатов на посты секретарей поселковых организаций. Пинчанский эксперимент угрожает поставить этот процесс с ног на голову. Он представляет собой самый прогрессивный проект, означающий, по мнению китайских политологов, «развитие внутрипартийной демократии». Когда в 2006 году я прибыл в эти места для изучения результатов эксперимента, партийный секретарь уезда Лю Цяньсян гордо заявил, что практика выборов привела к «появлению» Пинчана на карте страны: «У нас не очень развита экономика, но наш эксперимент по продвижению демократии вывел нас на первые места».

Впервые я услышал о феномене Пинчана от своего друга, работающего в Центральном бюро по сбору, обработке и переводу данных. Такое невыразительное и несколько казенное название было дано весьма важной по своей сути организации, созданной в 30-х годах для ознакомления китайского общества с социалистическими идеями. В частности, оно осуществило переводы таких классических произведений, как «Капитал», «Коммунистический манифест» и «Что делать?» на китайский язык. Бюро стало одним из центральных подразделений Коммунистической партии Китая еще до образования самой

Китайской Народной Республики. С началом в 1978 году эры реформ бюро прилагало максимум усилий, чтобы обрести свою новую роль в изменившихся условиях. В отличие от хорошо финансируемых, престижных философских школ, занимающих офисные помещения в новых сверкающих зданиях, эта организация разместилась рядом с бакалейным магазином, овощными и фруктовыми лавками, расположившимися прямо на мостовой, и весьма неопрятными харчевнями, куда в обеденный перерыв сходятся толпами местные рабочие, чтобы отведатьпельменей с фасолью и яйцами. В этих не самых благоприятных условиях бюро сумело найти созвучное времени направление для своей дальнейшей работы. В «обветшалом и непритязательном здании» зарождались новые идеи. Так, одна из них реализовалась в присуждении «Высшей награды местной администрации за инновации».

Заместителя директора бюро Юй Кэпина считают восходящей звездой; как полагают, он является неофициальным советником президента Ху Цзиньтао. После получения степени доктора философии в Пекинском университете он занял должность руководителя нового института в структуре бюро, совмещающего академические, философские и методические функции. В его задачи входила оценка курса по проведению реформ в правительственных структурах. Юй Кэпин прост в общении, придерживается открытого и неформального стиля в беседах. Он хорошо владеет английским языком, который совершенствовал в ходе многочисленных посещений западных стран, включая период работы по приглашению в Университете Дьюка в США. Юй Кэпин напоминает Чжан Вэйина в подходе к политическим реформам — он «раскрашивает политических лошадей» по всей стране, надеясь на то, что

в один прекрасный день подобные эксперименты с развитием народной демократии приведут к сведению на нет диктаторской системы управления в Китае. Расчеты делаются на то, что опыт по развитию народного самоуправления в Пинчане придаст ему такой же авторитет в сфере демократической политики, каким пользуется Шэньчжэнь в экономике.

Магистральным проектом центра, где работает Юй, является программа награждения за внедрение инноваций в сфере развития региональных демократических институтов. Суть ее раскрывается следующим образом: «Многие исследователи и группы экспертов активно ищут пути внутреннего реформирования Коммунистической партии и правительственных структур. Наблюдается большое число местных стихийных инициатив в этой области. Мы пытаемся проанализировать, сравнить и оценить их. Лучшим идеям присуждаются наши награды». Со времени старта программы в 1999 году на премии Центра были номинированы около 800 проектов, из них тридцать проектов получили премии за работы в области рыночных реформ, выборов районных руководителей и проведения опросов населения. Победители становились известными по всей стране. Например, когда уезд Пинчан получил премию 2006 года за проведение выборов, в регион прибыло около восьмидесяти шести групп обозревателей с целью изучения результатов эксперимента. Китайский вице-президент даже попросил доложить ему персонально о результатах выборов в этом регионе.

Юй Кэпин привлек к себе большое внимание в 2006 году, когда он опубликовал в газете Центральной партийной школы статью под названием «Демократия — это полезная вещь»; в ней говорилось о том, что «даже если у людей есть

хорошая пища, одежда, жилье и возможности передвижения, но отсутствуют демократические права, то их человеческое достоинство еще не обеспечено в полной мере». Вместе с тем Юй не стремится заострять внимание на противостоянии различных политических позиций, рассматривая частные, малозначительные проекты. Вместо этого он поднимает масштабную тему, касающуюся свободы и прав человека. Его основная идея выражается в достаточно скромной формулировке — «восходящая демократия». Она подразумевает отказ от «массового спуска» политических реформ сверху, отдавая предпочтение постепенному изменению политического климата под влиянием инициатив снизу. Проводя прямую аналогию с экономической сферой, он утверждает, что скоротечные реформы в политической области так же вредны Китаю, как «шоковая терапия» в экономике. В течение многих лет Юй Кэпин настойчиво проводит идею о необходимости поэтапных демократических преобразований, основанных на планомерной работе по внедрению успешного опыта самоуправления. На первоначальном этапе выборы должны были проводиться в 700 тысячах деревень, а затем на более высоких административно-управленческих уровнях — в 38 тысячах районов, 2,5 тысячах уездов, 330 областях и в 34 провинциях страны. И только после этого можно «покушаться» на прерогативы центрального правительства.

Многообещающую модель Юй Кэпина впервые начали реализовывать в 80-х годах, когда система народных коммун в Китае была упразднена, а вместо нее стали распространять практику избрания деревенских комитетов. К 1994 году в половине всех деревень страны были проведены выборы. В 1998 году выборы в обязательном порядке были проведены во всех китайских деревнях в соответствии с «Основ-

ным законом о деревенских комитетах». В том же году небольшой район Байюнь провинции Сычуань — районы в Китае представляют собой следующий в административной иерархии страны уровень над деревней — вошел в историю в связи с проведением там первых прямых выборов руководителей на конкурсной основе, доступных для всех жителей. В 2001 году выборы главы района были проведены вновь (правды ради надо сказать, что в то время кандидат, поддержанный избирателями, утверждался «народным собранием» района). По мнению Юй Кэпина, выборы оказали глубочайшее влияние на местную жизнь. Когда он номинировал Байюнь на получение премии 2004 года, то отмечал, что «избиратели деревни осознали свои демократические права... руководитель района в большей степени проникся чувством ответственности и необходимости исполнения обязательств перед избирателями. Обещания, звучавшие в ходе предвыборной компании, в значительной степени были осуществлены уже ко дню самих выборов». Юй пояснял, что каждый месяц в Байюне проводится «день приема районным руководителем», и таким образом люди могут напрямую выразить свою обеспокоенность по вопросам местной жизни, а раз в год, в канун Нового года по лунному календарю, руководитель района издает доступный для всех жителей района доклад о том, как решаются те или иные задачи.

Вместе с тем с конца 90-х годов — бурный период экономического бума — последовательный марш демократии застопорился, и только незначительное число других районов последовало опыту Байюня. И кроме того, даже на уровне деревни во многих местах на выборы выдвигался только один кандидат, что исключало какую-либо конкуренцию. Среди китайских интеллектуалов

широко распространен цинизм в отношении важности выборов в деревнях. Они ссылаются на то, что ресурсы деревенских комитетов очень ограничены, они не имеют доступа к общественным финансовым средствам и способны решать только малозначимые вопросы. Юй Кэпин и его коллеги парируют, утверждая, что это — проявление столичного снобизма: хотя избранные на местном уровне чиновники в Пекине оказывают незначительное влияние на жизнь граждан в сельских районах, они все же несут ответственность за кардинальные политические решения, например, касающиеся программы планирования семьи, налоговой системы и вопросов собственности на землю. Аргументация Юй Кэпина была поддержана в исследовании, проведенном экономистом Ян Яо из Пекинского университета. Оно демонстрирует уверенность в том, что выборы могут оказать помощь в борьбе с коррупцией и повышении качества коммунальных услуг. Изучая в своей работе ситуацию в 48 деревнях за период в 16 лет, Ян Яо пришел к выводу, что введение выборной системы увеличило траты на коммунальные услуги на 20 процентов, в то время как сопоставимые расходы на «административные нужды» (бюрократический термин для обозначения представительских расходов и зарплат местным боссам и их семьям) уменьшились на 18 процентов.

Самые большие проблемы упомянутых выборов неотделимы от политической практики Коммунистической партии. В Китае каждый должностной пост связан с партийной системой власти, призванной обеспечивать исполнение линии партии руководящими чиновниками. Согласно мнению критиков, создание параллельной структуры делает прямые выборы в Китае бессмысленными, поскольку деревенские комитеты вынуждены «служить»

двум хозяевам: людям, их избравшим, и партии. В случае возникновения конфликтов интересы партии, как правило, соблюдаются прежде всего. Юй Кэпин признает, что это наиболее веский аргумент критиков. Именно в этом заключается причина того, что он в последнее время стал проявлять огромный интерес к выборам в Пинчане — в стремлении ввести реальные демократические принципы непосредственно в структуры Коммунистической партии. Все вокруг контролируется партией, и в этой связи Юй надеется на то, что, если демократические принципы будут восприняты должным образом, это будет способствовать изменению характера всей страны. Возможно, оценки Юй Кэпина звучат излишне оптимистично, но его идея о развитии «внутрипартийной демократии» захватывает воображение.

Внутрипартийная демократия

Можно сказать, что уезд Пинчан является для Юй Кэпина вариантом «деревни зебр». Весьма примечательным образом его идеи в политической области напоминают теоретические взгляды Чжан Вэйина по вопросам экономических реформ. Юй Кэпин надеется, что, развивая демократические процессы в первую очередь внутри партии, затем будет легче распространить их и на остальное общество. По мнению Юя, подобно тому, как приморские регионы стали первыми, получившими дозволение «разбогатеть раньше других», члены партии должны также в числе первых «освоить демократию» путем проведения выборов внутри самой Коммунистической партии. Об-

ращая внимание на то, как южные приморские регионы пользовались такими своими естественными преимуществами в экономическом плане, как, например, географическая близость к Гонконгу, общий для них кантонский диалект китайского языка и развитые транспортные связи, Юй Кэпин указывает на преимущества членов партии (высокий уровень образования и принадлежность к устойчивой структуре), способные превратить их в демократический авангард естественным образом. По мнению Юя, эксперимент в Пинчане мог бы наметить пути для расширения процесса реформ внутри партийной системы.

Так что же может означать термин «внутрипартийная демократия» на практике? В широком смысле это подразумевает расширение и укрепление прав рядовых членов партии на участие в выборах, избрание полномочных представителей и дальнейшее углубленное изучение избранных лиц в процессе работы. Идея базируется на стремлении к омоложению партии, идущему снизу и предусматривающему проведение выборов кандидатов на все партийные посты на конкурсной основе. Но такого рода голосования стали проводить на провинциальных и общенациональных партийных съездах, где в выборных списках приводилось на 15—30 процентов кандидатов больше, чем было реальных мест. Однако такие съезды больше напоминают собрания, на которых механически штампуют нужные документы, чем центры власти для принятия серьезных решений. По прошествии необходимых этапов принципы «внутрипартийной демократии» могут быть распространены и на верхние эшелоны власти, включая выборы на конкурсной основе претендентов на самые важные посты в партии, в том числе и на пост Генерального секретаря. Анализ идей развития «внутрипартийной демократии» дает

повод для логического вывода о том, что в конце концов такой процесс может привести к внутреннему расколу партии на две фракции, обреченные бороться за поддержку своих собственных идеологических программ. Вполне возможно представить неформальные объединения «Новых левых» и «Новых правых», способные когда-нибудь легализоваться внутри самой партии.

Оживленные дебаты по вопросам «внутрипартийной демократии» наблюдались перед созывом съезда КПК в 2007 году. Они были вызваны прежде всего тем, что Вьетнамская коммунистическая партия, чья структура исторически копировала китайскую модель, несколько ранее в том же году решила ввести систему избрания Генерального секретаря на конкурсной основе. Хотя КПК решила не следовать такому варианту, ее XVII съезд поддержал участие в выборах большего числа кандидатов. Согласно сообщениям газет, на съезде проявилось намерение объявить лидера шанхайских коммунистов Си Цзиньпина наиболее вероятным преемником Ху Цзиньтао. Оно было поддержано на закрытом голосовании. Хотя Ху Цзиньтао планировал выдвинуть на первое место Ли Кэцяна, секретаря партийной организации провинции Ляонин и своего фаворита, тот был недвусмысленно забаллотирован в пользу Си Цзиньпина.

Идеи Юй Кэпина могут оказать глубокое влияние на общественную жизнь в Китае. Ведь если гипотетически сравнить Коммунистическую партию Китая со страной, то ее 70 миллионов членов превышают в численном отношении население всей Великобритании. И в то же время его политические планы пока имеют мало общего с реальностью. Весьма затруднительно представить удаленный, экономически бедный уезд Пинчан в качестве образца для

сверкающих мегаполисов, подобных Шанхаю, Пекину или Шэньчжэню. Следует также отметить, что пока ни один из 2 499 уездов Китая не последовал опыту Пинчана. Еще более существенным является тот факт, что неэффективность усилий реформаторов, подобных Юй Кэпину, направленных на распространение экспериментов по развитию народной демократии в самых укромных уголках сельских районов Китая, демонстрирует то, насколько некомфортной стала обстановка в стране в плане обсуждения политических реформ. Обращая взор на эксперимент в Пинчане и анализируя публичные дискуссии китайских интеллектуалов, трудно представить, что менее чем в двух часах полета от Шанхая существует общество, причем являющееся, по утверждению пекинского правительства, неотъемлемой частью Китая, где практикуется система многопартийных выборов, свобода слова, неуклонно развивается культура соблюдения прав человека, а средний годовой доход на душу населения составляет около 35 тысяч долларов. Однако с учетом позиции, занимаемой официальной пропагандой, и осознавая чувствительность самой темы о независимости Тайваня, для ученых типа Юй Кэпина гораздо более приемлемым является проведение экспериментов на локальном уровне внутри Китая, а не изучение опыта Тайваня.

Технократические взгляды Юй Кэпина олицетворяют собой `вление времени. В 70-х годах студенты создали в Пекине «стену демократии» и вывешивали на ней большие плакаты «дацзыбао» с призывами к свободным выборам. В 80-х годах они вели дискуссии на тему, какой политической системы должен придерживаться Китай и когда он станет переходить на пути демократии. Должна ли страна принять американскую систему президент-

ства со строгим разграничением законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти? Или более подходящей для китайского общества будет Вестминстерская модель демократического устройства страны, предусматривающая избрание правительства парламентом? Некоторые исследователи полагали, что следует ориентироваться на смешанную систему, возможно, построенную на французской политической модели. Такого рода дебаты достигли своего апофеоза в период студенческих демонстраций на площади Тяньаньмэнь в 1989 году. В круг дискуссий попадали многие темы, но после событий на Тяньаньмэне надежды на движение Китая по пути многопартийных выборов полностью развеялись. Управление пропаганды запретило средствам массовой информации использовать такие выражения, как «права человека» и «свобода», а дебаты на темы разделения партийной и правительственной власти были в той или иной степени приостановлены.

Юй Кэпин заявляет, что полемические сражения по поводу политических реформ в 80-х годах, в основном концентрировавшиеся на целесообразности многопартийных выборов, либерализации и разделении ветвей власти, наметили путь к решению новой, гораздо более скромной задачи. В прошлом интеллектуалы расходились во мнениях по поводу последствий реформ. В частности, должна ли экономика следовать в русле политической реформы или здесь возможны другие варианты? Но сегодня они стараются выяснить конечную цель процесса реформ. Это привело к тому, что в настоящее время реформы в меньшей степени рассматриваются через призму соблюдения прав человека и свобод граждан. На первое место вышел вопрос о том, каким образом повышать легитимность на-

хождения у власти самой Коммунистической партии. Вместо того чтобы пытаться развивать свой собственный китайский вариант либеральной демократии, многие интеллектуалы всецело заняты поисками и изучением совершенно различных моделей переустройства политических отношений.

Демократия равнозначна хаосу

«Вы говорите о демократии, как будто это религия, подлежащая распространению по всему миру. Но выборы не могут решить ни одну из проблем, стоящих сегодня перед Китаем». Такими словами восходящая звезда Пекинского университета господин Пань Вэй приветствовал меня во время нашей первой встречи, критикуя мое повышенное внимание к экспериментам в области народной демократии, проводимым в Китае. По мнению Паня, «эксперимент в провинции Сычуань завел в никуда. Местные руководители преследовали свои собственные политические цели: они хотели, чтобы их имена стали известны по всей стране. Но сам эксперимент не увенчался успехом. В действительности в этой провинции наблюдается самый высокий уровень протестных выступлений населения. Очень немногие регионы стремятся копировать их опыт».

К сожалению, с большой долей вероятности можно предположить, что точка зрения Пань Вэя окажется верной. В 80—90-х годах многие ученые считали, что демократия является необходимым условием для ускорения политического и экономического прогресса. В особенности наличие демократии воспринималось многими

в качестве предпосылки для роста экономики. Но в недавнее время — в значительной степени благодаря успехам Китая в экономике — такого рода взаимосвязь все больше ставится под сомнение. Подобный прагматический подход к демократии как к средству достижения процветания или политической стабильности позволяет Пань Вэю критически относиться к ней. Он решительно утверждает, что выборы не могут решить ни одну из наиболее актуальных для Китая проблем: никуда не денутся рост протестных выступлений, пропасть между богатыми и бедными, близкое к развалу состояние экономики в отдаленных сельских районах, недостаток внутреннего потребления или расползание коррупции среди политической элиты. Фактически Пань Вэй считает, что демократия, как ни удивительно, может даже ухудшить положение вещей: «Чем больший контингент избирателей хотят привлечь на свою сторону политики, тем больше им нужно денег. На первых ролях всегда оказываются богатые люди, желающие предоставить денежные средства в обмен на конкретную правительственную поддержку. Следовательно, после своего избрания общественные деятели будут служить не только избирателям, но и лицам, вложившим в них деньги». По мнению Паня, большинство людей прежде всего волнует вопрос не о том, «кто будет управлять правительством», а о том, «как будет управляться само правительство». Он утверждает, что политическая реформа должна проистекать из существующих социальных проблем, а не базироваться на универсальных западных принципах.

Большинство теоретиков в области демократии не поддерживают попытки Пань Вэя разделить вопросы о том, «как управляется правительство» и «каким образом из-

браны его руководители», поскольку считают, что первое в значительной степени определяется вторым. А легитимность, обеспечиваемая в результате выборов, укрепляет любое правительство, занимающееся решением проблем в Китае на внутреннем уровне и на международной арене. Однако антипатия Пань Вэя к демократической системе, по-видимому, имеет более глубокие корни, чем просто аргументация для интеллектуальных дискуссий. Он полагает, что упоминание о демократии сразу заставляет вспомнить три наиболее болезненных для китайской души явления: распад бывшего Советского Союза как следствие политической либерализации, проводимой Горбачевым; так называемая «народная демократия» времен культурной революции в самом Китае; риск появления независимого Тайваня.

Советский Союз оказал помощь Мао Цзэду, когда тот приступил к построению в Китае социалистического государства. Структура правительства, девизы, система ценностей и т.д. почти полностью были скопированы с советской модели и приобрели только незначительную китайскую специфику. В период «холодной войны» Россия, используя свои преимущества над Китаем в промышленности и технологиях, играла и намеревалась дальше играть роль «старшего брата» для соседней страны. Однако в 1991 году ее уже воспринимали как «бумажного тигра». К тому времени, когда Горбачев был отстранен от власти, Советская империя уже стала разваливаться на куски, капитализм мафиозного типа приступил к растаскиванию оставшегося экономического потенциала, а ВВП страны упал вдвое. Китайская правящая элита, без сомнения, представляла, почему это произошло: политические реформы ошибочно проводились до осуществления либерализации в сфере

экономики. Руководители Китая зареклись не допускать подобных ошибок.

Еще более болезненным воспоминанием для китайского общества является период «культурной революции». Начатая Мао Цзэдуном в 1966 году, эта кампания была нацелена на искоренение «буржуазных элементов», однако в результате страна погрузилась во времена невероятного хаоса, подорвавшего ее экономику, разрушившего социальную инфраструктуру и приведшего к гибели по меньшей мере полумиллиона человек. Многие современные интеллектуалы Китая провели те годы в сельских районах — работая в шахтах, на фабриках или деревенских фермах, — заплатив за это годами молодости и возможностью продолжить образование. Недавно мы вместе обедали с одним из ведущих китайских интеллектуалов, занимающихся общественной политикой. Он получил образование на Западе, тяготеет к либеральным ценностям, но при воспоминании о годах «культурной революции» испытывает страх перед возможными последствиями демократии. Его оценка собственного опыта того периода, со всех точек зрения, типична для поколения культурной революции:

«Во времена своей молодости я был идеалистом в высшей степени... Я стремился стать благородным революционером. Я уехал в деревню и десять лет занимался тяжелой работой на местной фабрике. Я, никогда не уклоняясь, выполнял действительно грязную работу, рискуя своим здоровьем. Иногда на моих ладонях появлялись десятки волдырей. Я считал, что крестьяне являются творцами истории, что они благородны и что мы сможем изменить себя в лучшую сторону, стремясь стать подобными им (сам я происходил из семьи интеллектуалов). Но по-

степенно я убедился в том, что они такие же люди, как и все остальные. Я наблюдал целые группы учеников, мучивших своих преподавателей до смерти за то, что те ставят им плохие отметки. Я организовал группу одноклассников для защиты наших учителей от произвола. Если власть ослабляет контроль и допускает вседозволенность, то люди превращаются в неуправляемую толпу. Поэтому надеяться можно только на реформы, идущие сверху вниз. Этот процесс очень сложен, но он реален. В Англии во времена Великой революции и Викторианской эпохи мощно проявились интересы различных общественных групп, но там осознали, что проведение реформ в конечном счете отвечает долгосрочным целям всех».

Пань Вэй также опасается, что проведение выборов, образно говоря, вновь «выпустит джинна из бутылки», сравнит бедное крестьянство с развивающимся средним классом, а это может привести к самоизоляции отдельных частей страны: «Классовая борьба в Китае в 60—70-х годах вылилась в бессмысленную войну всех против всех. Ни одна из участвующих в этих событиях сторон не придерживалась закона и не следовала каким-либо правилам. А проигравшие никогда и никоим образом не признавали свое поражение и всегда сражались до последнего».

Вместе с тем следует отметить, что наиболее колоритные высказывания Пань Вэя касаются Тайваня. Этот остров, который Китай считает своей отделившейся провинцией, развивался под автократическим правлением антикоммунистического правительства Гоминьдана почти в течение пятидесяти лет, пока в 1996 году там не были организованы первые свободные выборы президента. Такой ход событий продемонстрировал, что традиционная китайская культура и демократия являются совместимы-

ми понятиями. Но, несмотря на очевидность этой ситуации, Пань Вэй вновь и вновь преподносит сложившееся на Тайване положение дел как проявление экономической и политической слабости, полагая, что проведение выборов только усугубит ее. В частности, он ссылается на возникший недавно коррупционный скандал, затронувший президента Чэнь Шуй-Бяня и его семью, и приводит доказательства быстрого продвижения Китая к уровню, занимаемому его соседом-сепаратистом в экономической области, и критикует излишне персонифицируемую и показную политику, свойственную довольно молодой демократической системе Тайваня. Пань настаивает на том, что развитие демократии на острове направлено на формирование национальной обособленности Тайваня. Наиболее раздражающим фактором в тайваньской политической системе для китайских руководителей является реальная возможность того, что жители острова могут проголосовать за свою независимость в целях обеспечения условий, при которых они смогли бы жить без «нависшего над ними дамоклова меча» китайской военной угрозы. Кроме того, то, что подходит Тайваню, может подойти и другим национальным меньшинствам, проживающим в Китае. А что, если тибетцы захотят голосовать за свою независимость? А как насчет уйгур в СУАР (в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая)? Китай подобно бывшему Советскому Союзу в большей степени напоминает империю, чем национальное государство. Поэтому, и именно поэтому, события, произошедшие в СССР, воспринимаются как доказательство того, что демократия может привести к развалу многонационального государства. По мнению Пань Вэя, разделяемому многими из китайской элиты, демократия означает хаос: «На Западе

существуют традиции проведения политики с позиции силы. Я не считаю целесообразным поддерживать политическую систему, провоцирующую политическое соперничество различных кланов и групп, преследующих свои собственные интересы. При этом каждая из таких групп стремится к власти. Поскольку в таком соперничестве, естественно, будут и проигравшие, в Китае никогда не примут подобную систему».

Довольно трудно оценить, в какой мере его рассуждения проистекают из собственного инстинкта самосохранения, а какую долю может здесь занимать влияние непрекращающейся правительственной пропаганды по затронутым вопросам. С другой стороны, мне также трудно принять упоминающийся в речах Паня термин «неустойчивость» применительно к молодой демократии на Тайване, поскольку величина местного ВВП на душу населения в десятки раз превосходит подобный показатель в континентальном Китае. На Тайване существует много проблем, но его бурное политическое развитие идет практически по тому же пути, по которому следуют другие молодые демократии, возникшие в ряде стран Центральной и Восточной Европы. Даже громкий коррупционный скандал, бросивший тень на президента и его окружение, весьма красноречиво свидетельствует об улучшении ситуации — в условиях старой авторитарной системы такого рода события неизменно скрывались под завесой секретности. Утверждение верховенства закона, возможно, несколько не поспевает за процессами развития демократии на Тайване, однако сочетание базисных демократических принципов и открытости средств массовой информации является надежной основой для эффективной борьбы против коррупции.

Образованная элита против власти большинства

Пань Вэй критикует западных исследователей за «непонимание» сути своих собственных политических систем. Они, по мнению Паня, полагают, что стабильность и процветание их стран кроются в системе демократии. Однако они смешивают достижения, привнесенные демократией, с результатами, получаемыми от соблюдения правовых норм. Пань Вэй утверждает, что демократия и правовая система не обязательно должны идти вместе — в действительности они, подобно понятиям «ин» (экономическая мощь) и «янь» (военная, политическая и моральная мощь), находятся в непрерывном конфликте между собой. Демократия направлена на облечение властью простого народа, а правовая система налагает конкретные ограничения на эту власть. Правительства выбираются в рамках демократической системы, а их деятельность регулируется нормами действующего законодательства. Демократия обеспечивает «законотворчество», а система закона занимается «проведением их в жизнь». Политической опорой демократии являются избираемые нами государственные деятели — парламентарии, министры, премьер-министры и президенты. Но осуществление правовых норм возлагается на лиц, как правило, не избираемых — государственных гражданских служащих, судей и аудиторов. В то время как демократия законодательно оформляется через волеизъявление народа — путем проведения выборов и избрания парламента, — легитимность правовой системы подтверждается экзаменационными оценками и служебными

характеристиками ее представителей, то есть «первое из упомянутых касается большинства граждан, второе — образованной элиты».

По мнению Пань Вэя, жители Запада имеют возможность выгодно использовать обе эти возможности, поскольку они уже достигли уровня материального благосостояния и общественного прогресса, позволяющего им должным образом сочетать эти возможности и поддерживать их в непрерывном балансе. С другой стороны, развивающиеся страны не располагают такими благоприятными возможностями. Им нужно выбирать между тем или иным вариантом. Многие развивающиеся страны, например, Руанда, Ангола и Ливан, выбрали демократию, но не обеспечили ее правовой системой. В результате это привело к хаосу, поскольку популистские режимы использовали этнические проблемы для захвата власти. По утверждению Пань Вэя, в подобных случаях демократия высаживается на неподготовленную почву, что препятствует соблюдению правовых норм и обновлению общества: это же побуждает лидеров потворствовать хождению популистских лозунгов вместо того, чтобы заниматься осуществлением непопулярных реформ, рассчитанных на длительный период. Наряду с этим, как замечает Пань Вэй, целая группа развивающихся стран, подобно Сингапуру и Гонконгу (в настоящее время Гонконг — особая экономическая зона Китая), строго придерживается собственных правовых норм в условиях минимальной демократии. Они ничего не требуют от демократии, но развиваются весьма успешно: экономика этих стран неуклонно растет, поток инвестиций увеличивается, коррупция истребляется, укрепляется национальная идентичность.

И неудивительно, что коммунистические власти Китая с большим вниманием относятся к идее Пань Вэя о «демифологизации демократии» и отделении ее от правовой системы. Согласно взглядам Паня, нейтральная система государственной службы способна точно и беспристрастно соблюдать правовые нормы общества и предлагать законодательные инициативы. При этом она должна постоянно находиться под контролем судебной системы, призванной обеспечивать соблюдение положений китайской конституции. Хотя подходы Пань Вэя весьма далеки от реальности, он тем не менее старается обосновать создание технократической диктатуры с элементами совещательности, но при отсутствии выборов; принятие решения в такой системе будет осуществляться ответственным правительством, действующим в рамках закона с учетом пожеланий граждан страны.

Постановка демократии западного типа «с ног на голову»

Представитель движения «Новые левые» Ван Шаогуан согласен с Пань Вэем в том, что высшим руководителям Китая следует приступить к созданию новой политической модели, являвшейся бы зеркальным отражением западной системы и базировавшейся бы на правовой системе с участием граждан, а не на прямых выборах. Ван Шаогуан утверждает, что все развитые демократии сталкиваются с политическим кризисом: возрастает число бойкотов выборов, падает вера в политических лидеров, партии теряют своих членов, а популизм набирает все большую силу. В сво-

их попытках восстановить доверие граждан к политическим процессам западные лидеры постоянно используют новые политтехнологии по расширению сферы влияния на избирателей. При этом они зачастую действуют через головы своих политических партий. Референдумы, проходившие на национальном уровне, в частности, во Франции и Голландии, по вопросу о Европейской конституции, объявлялись как меры по возвращению к полной демократии. На уровнях местного самоуправления мэры и городские советы все в большей мере организуют публичные слушания, проводят опросы или созывают «гражданские собрания» для выработки совместных решений по целому ряду вопросов — от выработки основных направлений развития до утверждения автобусных маршрутов. Ван утверждает, что на Западе выборы на многопартийной основе до сих пор составляют сердцевину всего политического процесса, но они дополняются обширным набором новых, тщательно проработанных подходов.

Однако, по мнению Вана, Китаю следует идти другим путем. Правительству во все возрастающей степени необходимо искать новые формы привлечения населения к реализации своих главных политических решений. Совещаниям с гражданскими представителями, встречам с экспертами и опросам общественного мнения предстоит занять центральное место в порядке принятия решений по ключевым вопросам, стоящим перед китайским руководством. Ван Шаогуан отмечает, что «старые дни», когда судьбоносные решения принимались единолично лидерами, подобными Мао Цзэду или Дэн Сяопину, безвозвратно прошли. В будущем понятие «совещательная демократия», или, другими словами, «демократия на консультационных принципах», станет выражать суть китайской

политики, а выборы на первичном уровне будут призваны играть дополнительную, а не определяющую роль.

Еще более детальным образом такого рода идея была мне изложена ученым-политологом Китайской академии общественных наук Фан Нином, использовавшим для иллюстрации пример из кулинарной практики. Он сравнил демократию западного типа с ресторанами, работающими в режиме фиксированного меню, где посетители, руководствуясь своими предпочтениями, выбирают шеф-повара, но не определяют содержание блюд, приготовляемых поваром по своему усмотрению. Китайская демократия, напротив, всегда привержена одному и тому же шеф-повару — Коммунистической партии, — но различные дежурные блюда «политической кухни» могут быть заказаны по выбору.

Фан Нин, впервые получивший известность благодаря своей работе «Китайский путь в тени глобализации», написанной им в соавторстве с диссидентом националистического склада Ван Сяодуном, стал впоследствии чрезвычайно влиятельной фигурой. Он принимал активное участие в работе над правительственным проектом «Белая книга демократии» в 2005 году. Ван разделяет неодобрительные взгляды Пань Вэя в отношении выборов, способные, по его мнению, привести к развалу Китая: «Западные эксперты полагают, что выборы могут распространяться до районного уровня, однако я думаю, что при проведении их на конкурсной основе следует ограничиться уровнем деревни, поскольку эти административные единицы не входят в структуру власти. Однако Ван признает, что подобное намерение по ограничению выборной системы возложит на китайское руководство бремя по поиску других путей для легитимации политических решений: «Наиболее важ-

ным вопросом является не независимое отправление правосудия, а обеспечение прав населения на участие в функционировании правовой системы». Когда я поинтересовался у своего собеседника насчет того, существуют ли какие-либо примеры воплощения его идеи на практике, он обратил мое внимание на еще один политический эксперимент, выигравший награду в организации Юй Кэпина. «Если вы хотите увидеть будущее китайской политики, — заявил Фан Нин, — отправляйтесь в город Чунцин».

Чунцинский эксперимент по совместной работе

Стеклянная волнообразная крыша аэропорта города Чунцина повторяла контуры горной гряды Улун («Черный дракон»). Авангардный дизайн здания демонстрирует растущие возможности и амбиции городских властей. Рекламный плакат на английском и китайском языках жизнерадостно возвещает: «Чунцин уже ощущает аромат шампанского». Мало кто на Западе слышал об этом месте, однако со своими 30 миллионами жителей город Чунцин на сегодня имеет большее население, чем по отдельности двадцать две из двадцати семи стран-участниц Европейского союза. И оно возрастает каждый год на пятьсот тысяч человек. Город расположен среди холмов в месте слияния рек Янцзы и Цзялинь и играет роль символического моста между прошлым и будущим Китая. Сюда приезжают много китайских туристов, чтобы посетить «Чжоу Гун Гуань» — обычный дом, где с 1939-го по 1947 год проживал один из руководителей коммунистов Чжоу Эньлай и его

жена. Здесь они издавали подпольную газету и занимались организацией повстанческих отрядов для борьбы с японскими агрессорами. В то же время всего в нескольких шагах уже виден образ будущего Китая. Вызывая у заинтересованного наблюдателя воспоминания об историческом пути от Рима до Манхэттена, небоскребы Чунцина, словно лес, разрослись по склонам многочисленных холмов. В ночное время они освещаются множеством красных, зеленых и желтых огней, формируя загадочные космические узоры, сходящиеся на площади Независимости, на воздвигнутом в 1950 году в ознаменование победы над Японией монументе.

Чунцин стал современной лабораторией по воплощению в жизнь идей, пропагандируемых Пань Вэем, Ван Шаогуаном и Фан Нином, предусматривающих усиление правовой составляющей гражданского общества и проведение совещаний с населением при принятии решений по главным вопросам развития. Ли Дяньсюнь, директор департамента по законодательству городского правительства, возглавил этот процесс. Он выглядит молодым и динамичным в подобранном со вкусом костюме и модном галстуке. Ли около сорока лет, но он уже двенадцать раз получал повышение по службе за последние четырнадцать лет, поэтапно занимая должности в Государственном Совете, правительстве Шанхая и Центральной партийной школе, прежде чем был назначен на свой нынешний пост (как-то один из старших коллег Ли полушутя обронил, что «если вы вновь приедете для встречи с ним, то он, возможно, уже будет здесь первым лицом»). Ли Дяньсюнь объединил вокруг себя группу талантливых, преисполненных честолюбивыми планами молодых людей: все с учеными степенями в области юриспруденции, некоторые

имели опыт проживания за рубежом и хорошо владели английским языком.

Ли Дяньсюнь с гордостью сообщил мне о своих новых разработках, в частности, ознакомил с «положением о свободе информации» и с «порядком регулирования ответственности», предоставляющими общественности возможность обращаться с запросами и за получением информации к руководителям департаментов местного правительства, если возникают сомнения в целесообразности принимаемых ими решений. И все же наиболее впечатляющим результатом, достигнутым командой Ли Дяньсюня, явилось решение о вынесении всех значительных правительственных постановлений на публичные слушания — в вариантах личного общения, по телевизору или Интернету. К настоящему времени Ли организовал и провел свыше 600 публичных слушаний — в них приняло участие сто тысяч граждан — по целому ряду вопросов, в частности, о компенсациях крестьянам за изъятые земли; об уровне минимальной заработной платы; о регулировании расценок на коммунальные услуги, в том числе воду, электричество, природный газ, а также за пользование дорогами, мостами; о расходах на образование, здравоохранение, общественный транспорт, утилизацию сточных вод и твердых отходов.

Более всего местные власти гордятся проведением публичных слушаний по вопросу о тарифах городской железной дороги, снизившихся в итоге с пятнадцати до двух юаней. В качестве другого примера упоминают публичные слушания, состоявшиеся перед Новым годом по китайскому календарю и касающиеся организации праздничных фейерверков; в результате был отменен полный запрет на их проведение, введенный несколько лет назад после сопряженного с многочисленными жертвами инцидента,

и принято решение о его замене на систему лицензирования. Ли Дяньсюнь утверждает, что «если правительственные инновации в плане общественной жизни не будут соответствовать темпам экономического развития страны, то могут возникнуть проблемы; мы должны предоставить больше прав и выгодных условий всем нашим гражданам, а для этого можно заимствовать часть передового опыта из-за рубежа». Следует подчеркнуть, что Чунцинский эксперимент привлек к себе внимание всей страны. На веб-сайтах ему было посвящено более 60 тысяч статей, вышедших в Китае. Ли Дяньсюнь сообщил мне, что «высшее руководство» (под этим эвфемизмом в Китае подразумевают президента Ху Цзиньтао, премьер-министра Вэнь Цзябао и других членов Политбюро) пригласило его сделать доклад об эксперименте в штаб-квартире центрального правительства в «Чжуннаньхае» (резиденция правительства КНР). Затем подобные эксперименты стали проводиться и в других городах Китая.

Город Чунцин представляет собой мегаполис. Его ошеломляющий масштаб — даже в Китае с его особыми мерками величина населения в тридцать миллионов человек, несомненно, поражает — придает проводимому там эксперименту по развитию диалога между гражданами и властью общенациональное звучание. Однако реальный потенциал такого взаимодействия — в качестве альтернативы выборов — наилучшим образом может быть представлен в рамках экспериментов более скромного масштаба и в менее богатых районах страны. Самым примечательным с этой точки зрения является эксперимент, проходящий в районе Цзего в городе Вэньлин, расположенном в развитой восточной провинции Китая Чжэцзяне.

Уникальность системы опросов жителей Цзего — не только для Китая, но, пожалуй, и для всего мира — заключается в том, что при принятии решений по основным статьям расходов здесь используется оригинальная технология, получившая название «совещательное голосование». Такого рода методика, разработанная ученым-политологом Джеймсом Фишкиным из Стэнфордского университета, направлена на то, чтобы помочь принимающим решения политикам выяснять мнение простых граждан: «система возвращает нас к исходной форме демократии, весьма отличной от современной борьбы различных партий в западном стиле, а именно к древним Афинам. В этом городе небольшие, наделенные правом голоса группы жителей, выбранных по жребию, могли принимать важные, общественно значимые решения, частично выполняя официальные функции действующего правительства».

«Совещательное голосование» призвано разрешать противоречивые ситуации, неизменно возникающие у местных властей в Чунцине или Цзего. С одной стороны, если они организуют свои совещательные мероприятия, как в Чунцине, то внимание к себе смогут привлечь только самые шумные участники. Как правило, последние пытаются отстаивать свои собственные интересы и в целом в недостаточной степени озабочены проблемами жителей данного места. С другой стороны, когда власти Чунцина выясняют мнение населения по тем или иным вопросам непосредственно через опросы, то они сталкиваются с тем, что граждане очень слабо разбираются в особенностях вопросов, связанных с государственной политикой. В результате они зачастую принимают решения наобум, а не ставят отметку в графе «не знаю» опрос-

ного листа. «Совещательное голосование» и призвано найти выход из подобной головоломки — путем случайной выборки групп населения и проведения с ними консультаций с привлечением опытных экспертов и с последующим предложением проголосовать за то или иное решение. В Цзего такая методика применялась для решения вопросов о том, как правильно расходовать коммунальный бюджет района в сорок миллионов юаней. Двести семьдесят пять человек, выбранных наугад, были приглашены принять участие в мероприятии с заманчивым названием «демократические беседы по душам». Участников обеспечили бесплатным проездом на автобусе и выдали по пятьдесят юаней (3,30 фунтов стерлингов). За это они должны были в течение целого дня отвечать на вопросы в формате «за или против», касающиеся тридцати проектов — от завода по утилизации сточных вод до разбивки новых парков, строительства дорог и обустройства новой городской площади. В конце дня их попросили отобрать из одобренных ими проектов только двенадцать, которые местное правительство реально могло освоить. Затем окончательный список был передан в местное Народное собрание, единогласно проголосовавшее в его поддержку.

Пока эксперимент, проводимый в Цзего, сохраняет свой уникальный характер. Однако его авторы в лице господина Фишкина и китайского политолога Хэ Баогана, посоветовавшего властям Цзего ввести вышеупомянутый механизм проведения совещаний с населением, считают, что система «совещательной демократии» может стать образцом для политических реформ в Китае: «Эта система показывает, как правительства в условиях отсутствия партийной конкуренции или традиционных институтов пред-

ставительной демократии, практикуемой на Западе, могут тем не менее реализовать на высоком уровне два фундаментальных демократических принципа практически одновременно — политического равноправия и общественного участия».

Руководящая роль закона или личности?

В политической жизни Китая не так заметен прогресс в отношении целого ряда демократических ценностей, таких, например, как свобода слова, свобода объединений или даже приоритет норм, столь целеустремленно пропагандировавшийся Пань Вэем. В течение столетий традиция обращений непосредственно к власти предрержавшим превратилась в Китае в некую подмену процедуры, являющейся неотъемлемой частью законодательной практики, в образчик того, что напоминает нам об имперских временах. Вместе с тем подобный порядок еще пользуется в Китае достаточной популярностью. Когда в 2006 году я выходил после встречи с Ли Дяньсюнем из здания чунцинской администрации, я встретился с госпожой Ван. Эта женщина была одета, видимо, в свой самый лучший выходной наряд — несомненно, в сшитые на заказ жакет и юбку, завершали ансамбль лакированные туфли; легкий макияж подчеркивал намерение произвести наиболее благоприятное впечатление. Она поведала мне, что встала как обычно очень рано, чтобы суметь перехватить кого-либо из чиновников на их пути в муниципалитет. Ван входила в небольшую инициативную группу. Все участники ее были заметно старше и также аккуратно одеты; они

собрались у ворот как раз напротив входа в здание муниципалитета. Большинство из них составляли бывшие работники радио, отправленные на пенсии, размерами всего в четыре тысячи юаней после тридцатилетней работы на поприще партийной пропаганды. Они просили об увеличении своих пенсий и о более справедливом финансировании из «фонда поддержки престарелых» всех пенсионеров. Эти люди сжимали в руках потрепанные бумаги, демонстрируя мне проставленные на них печати, подтверждающие то, что их прошения уже зарегистрированы. Оказалось, что некоторые из просителей пытаются добиться положительных решений по своим вопросам вот уже в течение четырех лет, регулярно приходя к зданию муниципалитета. Что касается госпожи Ван, то она три раза посещала Пекин и подавала свои петиции в аппарат центрального правительства. Однако никакого ответа на свои просьбы и жалобы ни она, ни другие участники этого мероприятия так и не получили. За стенами своих кабинетов представители власти, по-видимому, невосприимчивы к робкому ропоту протестующих на улицах.

Демонстрация, в которой приняла участие госпожа Ван, была только одной из двухсот пятидесяти демонстраций, состоявшихся по всему Китаю в тот день. Согласно статистическим данным Министерства общественной безопасности, подобные «массовые инциденты», сопровождающиеся акциями протеста, демонстрациями, сидячими забастовками, перекрытием транспортных магистралей и захватом зданий, увеличились с 8 700 случаев, отмеченных в 1993 году, до 87 000 в 2005 году. Массовость этих демонстраций также резко выросла: в среднем с десяти участвующих в одной акции в середине 90-х годов до более чем пятидесяти в настоящее время. В первой половине

2005 года имели место семнадцать крупных выступлений протеста с участием более десяти тысяч человек. Не все из них были настроены мирно и благодушно. Всего в первой половине 2005 года в связи с прошедшими демонстрациями 1 700 человек получили ранения, а сто участников были убиты. Все подобные события были спровоцированы проявлениями несправедливости: участники требовали улучшения условий труда, возмещения невыплаченных заработных плат и пенсий, других компенсаций. В отчете Китайской академии общественных наук говорилось, что у сорока миллионов крестьян в стране были изъяты их земли под строительство аэропортов, дорог, плотин, заводов и в ходе сделок по приватизации участков. Считается, что под предлогом дальнейшего развития инфраструктуры каждый год будут терять свои дома и земли до двух миллионов крестьян (в подобных сделках зачастую просматривается интерес местных партийных руководителей, набивающих свои карманы за счет трудового населения).

В стране, где политическая система подвержена прихотям партийных чиновников, массовые инциденты очень часто выплескиваются на улицы. Опасения по поводу проявлений нестабильности в обществе побуждают теоретиков «коллегиальной диктатуры» «заглядывать» за рамки системы подачи прошений, использовавшейся для выражения недовольств и жалоб со стороны населения еще в имперские времена. В этой связи Пань Вэй призывает Китай поменять коррумпированноемкую и непредсказуемую «руководящую роль личности» на «руководящую роль закона». Он выражает надежду на то, что Китай может этого достичь путем разделения политических и правительственных функций и учреждения действительно независимой государственной службы, а также юридиче-

ских и антикоррупционных агентств. Однако на вопрос, каким образом могут произойти подобные, столь революционные изменения, Пань Вэй отвечает с гораздо меньшей определенностью.

Несомненно, Китаю предстоит пройти длительный путь, прежде чем в нем возобладает «руководящая роль закона», и теория Пань Вэя наверняка не сможет воплотиться в жизнь, пока Коммунистическая партия поставлена над законом. Вместе с тем Пань Вэй уже сейчас может привести ряд примеров, свидетельствующих о прогрессе в данной области. Китай является единственной из стран с однопартийной системой, где гражданам разрешено обращаться с исками против государства в суд. Количество обращений граждан с судебными исками против правительства увеличилось с 10 тысяч случаев, отмеченных пять лет назад, до 100 тысяч в прошлом году. Также значительно возросло число дел, выигранных гражданами против правительства, — с единичных случаев до более чем 40 процентов. По мнению Паня, качество судебных разбирательств также постепенно улучшается: «Пятнадцать лет назад большую часть судейского корпуса составляли чиновники на пенсии или отставные военные. Сегодня все судьи имеют юридическую подготовку».

Правительство постепенно осознает, что развитие институциональной базы может обеспечить более стабильную обстановку в государстве и способствовать минимизации проявлений недовольства со стороны населения. При наличии законной системы разрешения споров граждане могут в большей степени рассчитывать на решение своих проблем и не опасаться наказаний за проявление разногласий. Подобная практика корреспондируется с, как его называют власти, «гибким подходом», допускаю-

шим удовлетворение обоснованных жалоб со стороны населения и наказания главных виновников возникновения проблем. Представители высшего руководства страны также уже несколько раз вмешивались в привлекающие внимание общественности события. Например, в апреле 2005 года премьер-министр Вэнь Цзябао лично предпринял меры для остановки строительства плотины на реке Нуцзян; в провинции Чжэцзян рабочим было разрешено провести коллективные переговоры со своими работодателями; в Иньчуане забастовка таксистов закончилась необычным компромиссом с правительством. Пока протесты ограничиваются локальным уровнем, а президент Ху Цзиньтао и премьер-министр Вэнь Цзябао умело переводят критику на «коррупцированные местные власти», позиционируя себя на стороне «простых людей». Вместе с тем подобные действия могут вызвать более сложные проблемы в перспективе.

Кто правит правом?

Полемика по поводу политической реформы — подобная той, что ведется вокруг экономики, — периодически противопоставляет «Новых левых» и «Новых правых». Хотя ряд представителей «Новых правых» являются убежденными демократами, многие из них концентрируют свое внимание на необходимости укрепления руководящей роли закона, с тем чтобы ограничивать роль государства и сокращать степень его влияния на рынок. «Левые» более определенно поддерживают практику выборов как пути наделения правительства достаточной легитимностью для

того, чтобы обеспечивать законные интересы граждан и проводить перераспределение доходов. Они опасаются, что «коллегиальная диктатура» породит неэффективную модель потворства интересам потребителей.

Один из самых активных сторонников «левых» Ван Хуэй утверждает, что развитие программы «Новых левых» невозможно без широкой политической реформы, поскольку «новые богатые» в Китае держат политику в своих руках. «Демократия нужна для того, чтобы уполномочить государство на изъятие присвоенных ими средств и направление их на общественные нужды. В 90-х годах наблюдалось противопоставление свободного рынка авторитарному государству. Люди думали, что экономические реформы уже начали работать, а реформу государства можно провести потом. Сейчас все увидели, что проблемы, вставшие перед нами, также являются результатом экономических преобразований, поэтому нам нужна политическая реформа, чтобы решать возникающие проблемы».

Пань Вэй, чьи политические симпатии склоняются на сторону «Новых правых», допускает, что его приверженность к соблюдению «норм права» отражает ориентацию на рыночные отношения: «демократия вырастает из веры в возможность избрания «достойных» лидеров, а «нормы права» базируются не на вере в «личности», а в отсутствии доверия к любому из власть предержащих». Поэтому центральное место в теоретической модели Пань Вэя отводится правительству очень небольшого масштаба. Его основная роль должна заключаться главным образом в упрочении действующего законодательства, а не в законотворчестве, поскольку взвешенная система проверок и противовесов сделает процесс принятия любых законов очень непростым делом.

Ван Хуэй, с другой стороны, утверждает, что без демократии «правовая система» вообще не имеет смысла. По его словам, каждый год Собрание народных представителей принимает сотни законов, не играющих никакой роли. «Мы все за надлежащее соблюдение норм права, но какого права мы должны придерживаться? — вопрошает он. — Сравните законы о труде и об интеллектуальной собственности. Оба закона действуют уже в течение десятилетия, но если с реализацией закона о труде нет никаких затруднений, то с законом об интеллектуальной собственности происходит все что угодно. Без участия общественности в законах будут прописаны только интересы капитала». Фактически это очень точная формулировка, поскольку зажиточный средний класс опасается, что его имущество может быть присвоено массами населения, равнодушными к идеям демократии.

Наука и демократия

Многие исследователи описывают китайскую политику так, как будто она находится в «замороженном состоянии» в течение последних тридцати лет, в то время как все вокруг нее изменилось. На самом деле политика в Китае изменилась почти в той же мере, что и экономика, но только не в том направлении, в каком ожидали на Западе. То, что возникло на месте либеральной демократии, на которую раньше делал ставку Запад, больше напоминает изощренный вариант диктатуры.

Ван Шаогуан утверждает, что китайская политика со времен Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина изменилась почти

до неузнаваемости. Эпоха «политики сильных личностей», когда руководители принимали решения по своему собственному усмотрению, эволюционировала в направлении разработки и осуществления политического курса, в значительной мере учитывающего рекомендации экспертов и средств массовой информации и даже признающего общественное мнение (обычно выражаемое через систему опросов населения). Например, премьер-министр Вэнь Цзябао давал поручения более чем ста академическим институтам по проведению исследований отдельных положений XI пятилетнего плана развития страны. При этом были задействованы чиновники из каждого подразделения центрального или местных правительств. Идеологи Коммунистической партии предпочитают обозначать такого рода новый стиль как «научный» и «демократический» подход, однако на Западе мы бы, вероятно, назвали его «технократическим», поскольку он подразумевает в большей мере ориентирование на оценки технических экспертов, чем на мнение общественности или политических лидеров.

Ряд изменений, произошедших в китайской политике, был замечен и западными наблюдателями. Ван Шаогуан в этой связи отмечал: «Аналитические методы оценки, присущие западному авторитаризму, никоим образом не дают возможности понять глубину изменений, произошедших в китайской политике. На протяжении нескольких последних десятилетий Китай в целом ряде случаев удостаивался ярлыка «политической неизменности», распространяемой в том числе и на такие бурные периоды его истории, как последние годы династии Цин и ранний этап возникновения Республики, эпохи милитаристских клик, правлений Чан Кайши, Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина

и Цзян Цзэминя. И хотя китайские политики за это время инициировали целый ряд событий, повлиявших на весь мир, этот ярлык «говорил» о полном отсутствии каких-либо изменений.

Причина того, что лишь отдельные западные исследователи выявляют изменения в китайской политической системе, заключается в том, что реформы идут вперед, не затрагивая однопартийной системы, и страна не открывается полностью либеральным демократическим ценностям. Западные теоретики ссылаются на хорошо «обкатанные» теории, утверждая, что процесс демократизации в Китае неизбежен. Некоторые обозреватели даже утверждают, что демократия воцарится в Китае, когда ВВП на душу населения достигнет 5 тысяч долларов. Другие полагают, что расширение среднего класса сможет повысить притягательность демократических ценностей. Некоторые, например, Уил Хаттон, в свою очередь, заявляют, что условия функционирования передовой современной экономики (в том числе свобода получения данных, свободный обмен информацией, соблюдение норм права) вскоре поставят Китай перед выбором двигаться к банкротству или становиться демократическим государством. Кроме того, согласно неким философским воззрениям, развитие гражданского общества приводит в результате к политической либерализации государственного устройства.

Состоятельность подобных теорий, вероятно, не вызвала сомнений на протяжении длительного периода, однако допущение того факта, что политические изменения могут проходить только в одном известном направлении, не дает многим западным исследователям возможности обратить внимание на значительные политические изменения, уже внедренные в повседневную жизнь Китая.

После трех десятилетий реформ в Китае заметно улучшилась ситуация в области соблюдения правовых норм и повышения уровня профессионализма государственных служб. Вместе с тем в стране действительно сделано немного для укрепления принципов либеральной демократии. С удивительной легкостью китайские власти умудряются использовать проведение каждой политической реформы для укрепления влияния правящей Коммунистической партии.

Нигде так не подтверждается данный тезис, как при посещении Интернета. Международная сеть является одной из составляющих, способных гарантировать процесс изменений в Китае. Однако, когда дело касается Китая, именно его власти пытаются контролировать Интернет, принуждая таких гигантов, как «Гугл», «Майкрософт» и «Йеху!», играть по китайским правилам. Большинство диктатур рассматривают Интернет как явление, схожее, по сути, с погодой. Вы можете накрыть себя в случае дождя, однако вы не можете контролировать сезоны погоды. Например, лидер Зимбабве Роберт Мугабе запрещает местные веб-сайты, когда там присутствует критика правительства — «это напоминает открытие зонтика при дожде», — однако такие грубые методы запугивания не влияют на потоки информации внутри и вне самой страны. Бирма, Иран, Вьетнам и Тунис пытались возвести «стены» вокруг своих стран, но их меры защиты скорее напоминают не заграждения, а решето. Саудовская Аравия в этой области добилась большего успеха — здесь все трафики сосредоточили в руках единственного интернет-провайдера, и он отсеивает все сайты, не устраивающие их духовных лидеров. Подобные каналы попадают под категорию «анти-исламских» и отключаются. Китай по количеству населе-

ния в шестьдесят раз больше Саудовской Аравии, и большинство экспертов считают, что полностью контролировать в одном центре весь объем трафика невозможно. Однако Пекин постарался эффективно справиться с подобным вызовом. Он задействовал ресурсы специалистов, выделил финансовые средства и привлек современные технологии для решения этой проблемы в своих интересах. По слухам, был создан стотысячный корпус «электронной» полиции с огромным бюджетом: ему было поручено «прочесывать» каналы Интернета, блокировать «вредные» сайты и проверять электронную почту клиентов. Число специалистов, возможно, и преувеличено, но аналитики согласны в том, что команды компьютерных экспертов используют в своей работе аппаратно-программные средства межсетевой защиты с наличием фильтров по крайней мере четырех различных видов.

Целый ряд комментариев по поводу существующей цензуры описывают Китай как «бронированное» государство сталинского типа, закрывающееся от глобальных событий «великой китайской межсетевой защитой». Вместе с тем аналогии с Россией и странами Восточной Европы 80-х годов представляются обманчивыми. Правительства стран Советского блока только наблюдали за происходящими событиями, не имея возможности в корне повлиять на ситуацию, когда их бесцветный мир, построенный на пропаганде, еще более потускнел в ярких красках «Техниколора», высветивших то, что жизнь на Западе протекает на весьма высоком уровне. Китай, напротив, уже стал частью капиталистического мира. Он переполнен информацией, товарами и всеми атрибутами общества потребления. С каждым прошедшим годом возрастает количество людей, получающих доступ ко всем этим благам.

Вмешательство государства в значительной степени концентрируется на вопросах, способных негативно влиять на существующий в Китае режим. Отобранные провайдеры Интернета главным образом осуществляют цензуру в отношении тем, традиционно запрещенных к обсуждению, как-то: проблемы Тибета, Тайваня, события на площади Тяньаньмэнь и религиозной секты «Фалунь Гун», а также статей, критикующих правление самой Коммунистической партии. Такого рода цензура не направлена на изоляцию Китая от остального мира, но имеет целью свести к нулю дебаты по «неудобным» вопросам. Так, по оценкам поисковой системы «Гугл», менее 2 процентов запросов в Интернете в Китае подвергается ограничениям цензуры.

Власти в меньшей степени озабочены в отношении информации, приходящей из-за рубежа, чем по поводу бесед самих китайских граждан между собой. Китайский закон о свободе собраний является чрезвычайно суровым. Благотворительные организации, профсоюзы и религиозные группы находятся под строгим контролем и систематически запрещаются. Жестокость, с которой Коммунистическая партия подавила деятельность организации «Фалунь Гун», занимавшейся фитотерапией и отличавшейся умеренностью, озадачила многих зарубежных наблюдателей. Но Пекин не особенно волнуется по поводу содержательной стороны таких собраний; его беспокоит прежде всего сам факт их проведения. В китайской истории много примеров революционных выступлений, организованных «тайными обществами» или религиозными объединениями; и это научило правительство быть бдительным. Наибольшую обеспокоенность у государства вызывает тот факт, что в стране, где политические ми-

тинги запрещены, Интернет может обеспечить «виртуальные площадки» для проведения собраний, позволяющих гражданам при желании планировать совместную деятельность.

Вместе с тем «китайская система защиты» от международной «паутины» не такая уж надежная. Например, когда сайт диссидента Майкла Энти был заблокирован, его содержание копировалось другими пользователями и автономно распределялось по сети. Многие китайцы самостоятельно решают подобные вопросы, посылая с мобильных телефонов цифровые изображения или с устройств, прилагаемых к ним для работы с электронной почтой. Таким образом они избегают фильтрации со стороны цензуры. Другие переписываются между собой, используя кодированный язык и аллегорически описывая истории по каналам электронной почты. Но все же пока правительство всецело уповает на возможности технологий и использует их для воплощения в жизнь собственной программы развития.

Может ли «коллегиальная диктатура» стать реальной альтернативой?

Главный вопрос заключается в том, сможет ли Коммунистическая партия адаптироваться к изменяющимся условиям и способна ли «коллегиальная диктатура» стать реальной альтернативой либеральной демократии. Конечно, власти не прочь поэкспериментировать с различными политическими инновациями. В Пинчане, в частности, они намереваются развивать демократические принципы

внутри партии. В Чунцине они делегировали определенную часть юридических полномочий гражданам и начали прислушиваться к голосу общественности. В Цзэго они испытывают различные формы местного самоуправления — по предложениям, поступившим от выборочных групп. При этом основным условием проведения политических реформ является то, что они никоим образом не поставят под угрозу монопольную власть Коммунистической партии. Вероятно, его можно охарактеризовать так: «Все что угодно, кроме всеобщих выборов».

Может ли более отзывчивая на веление времени форма авторитаризма эволюционировать в сторону законного и стабильного пути формирования правительства? Причина, обусловившая крах советской плановой экономики, заключается в том, что ее структуры оказались не в состоянии собирать достаточно информации для эффективного использования на ее основе имеющихся ресурсов и побуждать граждан плодотворно трудиться ради повышение благосостояния. Принято считать, что когда общество становится более сложным, разделенным на постоянно увеличивающееся количество групп, отстаивающих свои интересы и противоборствующих друг другу, то политическая система, основанная на плановом подходе, также будет претерпевать ущерб от неэффективного механизма. Но смогут ли новые технологии обеспечить лидеров страны всеобъемлющей информацией? Хотя вполне возможно представить, что опросы общественного мнения, консультации по Интернету и публичные слушания позволяют властям в Пекине быть хорошо информированными о настроениях в обществе.

С постепенным усложнением общественной жизни в Китае и возникновением конфликтов интересов между

бедными и новыми богатыми, городскими жителями и сельским населением, владельцами акций и наемными служащими станет невозможным постоянно удовлетворять интересы всех граждан страны одновременно. В таких обстоятельствах одних только правильных решений недостаточно — население должно относиться к правительству как к руководящему органу, принимающему решения только в соответствии с законом, а потому ущемленные в своих интересах жители страны так же соглашались с подобными решениями, как и получающие от них выгоды. Строго говоря, только выборы могут сделать легитимными государственные органы, поскольку каждый гражданин должен принимать в них участие. А вот могут ли считаться законными совещательные социологические опросы общественности, подобные проводимым в Цзэго (в них принимали участие только 275 представителей при общем числе жителей в 120 тысяч человек)?

С большой долей вероятности можно предполагать, что в долгосрочной перспективе китайское государство, основанное на однопартийной системе, потерпит крах. Однако в среднесрочном периоде режим будет во все более возрастающей степени развивать политические технологии для обеспечения дальнейшего выживания своей системы и предотвращения проявлений недовольства. Одной из причин столь гибкого поведения является сочетание прагматизма и способности к реагированию на вызовы. Китайское правительство в определенном смысле является самым строгим критиком собственной деятельности. Оно постоянно анализирует ситуацию и занимается исследованиями своих собственных слабостей. Фактически всякий раз, когда западные ученые готовят доклады о неминуемом коллапсе китайского государства с однопар-

тийной системой, они используют данные, предоставляемые самим этим государством. А когда коммунистический режим ведет поиски механизмов по упрочению своей власти, его представители заимствуют в значительном количестве идеи равно как из практики развитых демократий, так и из поведения автократических режимов. Китай уже привнес изменения в условия дебатов по проблемам глобализации, доказав, что и авторитарные режимы могут добиваться значительного экономического роста. В обозримом будущем китайская модель «коллегиальной диктатуры» имеет возможность доказать, что государство, построенное на однопартийной основе, может также поддерживать стабильность в обществе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Всеобъемлющая мощь нации

Подъем Китая дарован природой. За последние две тысячи лет Китай несколько раз имел статус сверхдержавы... Даже в столь недалекие времена, как 1820 год, ровно за двадцать лет до начала «опиумной войны», ВВП Китая составлял 30 процентов от мирового. С одной стороны, историческая память о статусе сверхдержавы наполняет немалой гордостью сердца китайцев за свою страну; с другой стороны, они испытывают печаль по поводу международного статуса Китая в настоящее время. Китайцы полагают, что упадок Китая явился следствием исторической несправедливости, и ее необходимо исправить.

*Янь Сюэтуан,
«Подъем Китая глазами китайцев»*

В тени по-своему эмблематического Летнего дворца, в северо-западном пригороде Пекина, расположилась Центральная партийная школа Коммунистической партии Китая. В помещениях этого «избранного» учреждения

компартии, возглавлявшегося Ху Цзиньтао до его избрания в качестве президента в 2002 году, работают официальные идеологи партии, строго берегущие чистоту партийных доктрин и передающие знания и опыт будущим лидерам страны.

Перед повышением по службе все кадры должны пройти курс в стенах этой школы. Курс повышения своего идеологического уровня обычно длится сто дней. Школа представляет собой типичное китайское сочетание помпезного и мирского, по своей структуре напоминающее утопическую социалистическую коммуны. На территории школы, пересекаемой тремя широкими аллеями, находятся официальные здания, тянущиеся параллельно многоэтажным жилым блокам. На балконах последних развешана сохнувшая одежда.

В начале 2005 года я находился в одной из аудиторий в окружении целого ряда выдающихся китайских и иностранных ученых-политологов. Мы присутствовали на презентации «ключевых положений» доктрины «китайской мощи», проводимой представителем движения «Новые ультралевые» экономистом Ху Аньганом. По сути, это было рядовое мероприятие, отражающее заинтересованность китайского руководства в организации встреч с интеллектуальной элитой страны для обсуждения важных вопросов политики и стратегии развития. Необычность данного события заключалась в том факте, что организаторы встречи решили, по-видимому, впервые в истории школы пригласить и иностранных политологов. Таким образом, я в составе полудюжины «зарубежных ученых», прошедших строгий отбор, получил возможность посетить Центральную партийную школу. Стоя под огромным синим плакатом с надписью «Китай и мир: мощь, роль и стратегия», Ли Цзюньжу — заместитель

председателя школы и авторитетный партийный идеолог — открыл дискуссию витиеватым выражением: «Центральная партийная школа многим представляется организацией, окутанной тайной, но сегодня она открывает двери всему миру. Это событие будет зафиксировано как важный момент нашей истории».

Огромная мощь нации

Китай, вероятно, как никакая другая возрождающаяся страна в мировой истории, преисполнен чувством национального самосознания. Весьма трудно представить Наполеона, лорда Пальмерстона, Бисмарка или даже Джорджа Буша в окружении многочисленных советников, составляющих программные документы, предусматривающие приведение экономики своих стран, а также политической и военной мощи в соответствие с задачами будущего соперничества на мировой арене. Но именно эту тему попытался развить на нашем семинаре выступавший там Ху Аньган. Он отнюдь не единственный эксперт, работающий в этом направлении. Лозунг Си-эн-пи — сокращение на английском языке выражения «огромная мощь нации» — стал навязчивой идеей нации.

Си-эн-пи представляет собой более чем просто удачный термин для описания стратегии Китая. Еще со времен Сунь Цзы китайцы пришли к выводу, что, только наблюдая за слабостями своих противников, можно понять собственную силу.

Почти каждый из экспертных политологических центров имел собственную схему индексации мощи любого

государства в числовом выражении. Китайская академия общественных наук (КАОН) была первой организацией, начавшей применять подобный подход. Здесь разработали систему индексов с учетом 64 показателей мощи государств еще в 1996 году. Чтобы не отставать в этой сфере, Китайский институт современных международных отношений — крупное научное учреждение, учрежденное в системе Министерства общественной безопасности, в частности, для оценки возможных угроз, — приступил к разработке инструментария для определения уровней соперничества, используя для этого «отчеты экспертов, результаты исследований предыдущих состояний, данные, проходящие по наиболее важным сетям, и кластерные анализы». В 1999 году к этим исследованиям присоединились и военные. Так, Военная академия Китая разработала собственную, можно сказать, научно обоснованную классификационную формулу для оценки национальной мощи на базе важнейших показателей: $P = K \times H \times S$.

В эру глобализации и универсализации норм права поразительным является то, что китайская стратегия самым неприкрытым образом фокусируется на понятии «национальной» мощи. Тезис об обособлении своего суверенитета из-под влияния глобальных экономических сил, компаний или групп частных лиц, куда они включают также террористов, несомненно, является весьма радикальной составляющей китайского взгляда на мир.

Однако вполне возможно, что идея «всеобщего охвата» как раз и является именно китайской отличительной чертой. Все индексы Си-эн-пи учитывают политические и экономические факторы, а также военную мощь. А совсем недавно были отмечены попытки разработать методику оценки довольно абстрактной формы проявления

мощи — культурной привлекательности. Один из ученых объясняет, почему «всеобъемлющий охват» является ключом к понятию мощи. Он делает это путем обращения к событиям прошлого. «В связи с чем принято считать, что Советский Союз был гораздо сильнее, чем Япония в 80-х годах?» — вопрошает профессор Янь Сюэтун. Хотя при этом он указывает и на тот факт, что в 1985 году ВВП Советского Союза составлял только 741,9 миллиарда долларов США по сравнению с 1 220 миллиардами долларов у Японии. Но, будучи «львом» в экономике, Япония являлась «мышью» в военной области. А истощенный Советский Союз, с другой стороны, обладал военным потенциалом, сравнимым в то время с мощностью США. «Таким образом, — утверждал Янь Сюэтун, — всеобъемлющая мощь Советского Союза соответствовала уровню сверхдержавы, а Япония оставалась просто крупным субъектом международного права».

Вывод делается однозначный: поскольку сбалансированное развитие является «краеугольным камнем» для реформаторов при проведении внутренней политики, точно так же данный фактор жизненно важен для Китая с целью формирования — по терминологии ученого — «сбалансированного образа мощной страны» и на международной арене. Понятие «инь» в отношении экономической мощи должно уравниваться понятием «ян» в военной, политической и моральной сферах.

Даже свою комплексную методологию по оценке мощи китайские исследователи стараются поддерживать в соответствии с быстрым развитием экономики страны. В списке ведущих стран в период 90-х годов Китай еще оставался позади США, Японии, России и некоторых европейских государств. Однако, согласно последним

расчетам по целому ряду разнообразных индексов, Китай уже превзошел их всех, за исключением США. Любопытным является то, что чем более укрепляется китайское государство, тем более осторожными становятся попытки китайских теоретиков в области международных отношений говорить об этом во всеуслышание.

«Выставляйте напоказ лишь скромность»

В пьесе Бертольда Брехта «Галилей» великий астроном, чьим именем и было названо произведение, не испытывал идеологически обусловленных ограничений в изложении сути всех своих открытий, связанных с небесной сферой, кроме самого важного, заключавшегося в том, что земля вращается вокруг солнца. На протяжении почти целого поколения китайские деятели в области внешней политики испытывали почти такие же затруднения: имелась тема, всячески ими избегаемая, — получение Китаем статуса великой державы. Китайская фраза «цзюэци», означающая «начало возвышения», стала на время виртуальным табу.

Китайские официальные лица испытывали ужас от того, что остальной мир может воспринять подъем Китая как угрозу и вследствие этого ополчиться против него. Они надеялись, что если упоминания о возвышении страны будут изъяты из обращения, то другие страны мира, возможно, не заметят, что происходит на самом деле. Эти деятели предпочитали вместо термина «развитие», употреблять политические эвфемизмы, которые позволяли бы

им, выражаясь языком Оруэлла, «называть вещи, не вызывая в памяти их умозрительные образы».

Неуклонное «развитие» Китая происходит под лозунгом Дэн Сяопина, согласно его указанию «тао гуан ян хуэй», что буквально означает «скрывать яркие успехи, уходить в тень». Когда Дэн Сяопин впервые высказал этот неологизм — официально переведенный как «ждать своего времени и развивать свой потенциал», — он имел в виду, что Китаю, как бедной и слабой стране, нужно избегать конфликтов и концентрироваться на задачах экономического развития. Позднее на основе изложенного была сформулирована стратегия двадцати четырех иероглифов: «спокойно наблюдать; обеспечивать наши интересы; хладнокровно справляться с трудностями; скрывать наши возможности и ждать прихода нашего времени; не выпячивать достоинства; никогда не стремиться к лидирующему положению. Таким же образом, как он отказался от обязательств, установленных еще Мао Цзэдуном в отношении центрального планирования и в вопросах внутренней политики, Дэн незаметно отошел от «революционной линии» во внешней политике Китая, предусматривающей поддержку коммунистически настроенных «пятых колонн» в странах Юго-Восточной Азии, активизацию военных конфликтов с Индией и Вьетнамом и крайне осторожное отношение к многопрофильным международным организациям.

Новая стратегия Дэн Сяопина, вводящая в заблуждение отсутствием четко выраженной внешней политики, означала, что Китай должен оставаться нейтральным в возможных войнах, конфликтах за сферы влияния или жесткой борьбе за обладание природными ресурсами — или, как он образно выразился, «не высовываться». Для

того, чтобы следовать таким путем, Пекину нужно вести себя скромно и «делать уступки по второстепенным вопросам, оставляя главные на перспективу». Китаю также следует отказаться от практики времен «холодной войны» в плане выбора друзей только из числа других социалистических стран. Отныне Китай должен отвечать взаимностью любому государству, способному удовлетворять его запросы по развитию рыночных отношений, обеспечению природными ресурсами и оказанию политической поддержки.

Американских стратегов, подобных Полу Вулфовицу, Роберту Кэгану или Джону Миршеймеру, собирающих доказательства «китайской угрозы», линия поведения правительства КНР может привести в некоторое замешательство. Хотя они и утверждают, что Китай ищет свое «место под солнцем», как и другие державы, находившиеся в прошлом на подъеме. Пекин, в свою очередь, предпринимает попытки для дезавуирования таких заявлений. Китай, как представляется, всячески старается избегать участия в возможных конфликтах в гораздо большей степени, чем подражать агрессивному поведению стран типа Германии во времена кайзера Вильгельма или империалистической Японии.

Побудительные мотивы для такого подхода стары как мир. Еще со времен Сунь Цзы, автора трактата «Искусство войны», китайские мыслители рассматривали войну как свидетельство провала и стратегического просчета, предпочитая так манипулировать ситуацией, чтобы достигать своих целей без единого выстрела. Известные еще с древних времен концепции ныне трансформируются в генеральную стратегию, отвечающую уже современным требованиям Китая. Многие из наиболее передовых идей,

разработанных в западных центрах стратегического планирования, активно изучаются и используются китайскими учеными.

Однако оказалось, что совсем непросто «оставаться в тени», особенно если принять во внимание, что население страны — самое большое в мире, экономика растет на 10 процентов в год, военный бюджет возрастает даже еще быстрее, а китайские компании занимаются инвестициями по всему миру. В китайских университетах и интеллектуальных центрах все более утверждалось убеждение в том, что подход Дэн Сяопина, отвечавший требованиям своего времени, в современных условиях должен быть отвергнут. К концу 2003 года давление в этом направлении стало непреодолимым.

Закат «мирного подъема»

Трудно было бы найти место более привлекательное и более располагающее к нарушению табу в отношении разговоров о подъеме Китая, чем остров Хайнань с его живописным ландшафтом, крестьянами в соломенных шляпах, «водными» буйволами, рисовыми полями и т.д. Он представляет собой своего рода заповедник идиллически пасторальной жизни, отождествляемой Западом с традиционно экзотическим Китаем. Самый фешенебельный курортный комплекс расположен рядом с городом Бо'ао и простирается вдоль берега гирляндой роскошных отелей, окруженных пальмовыми рощами, ландшафтными парками, плавательными бассейнами, искусно замаскированными под естественные природные водоемы площадками

для гольфа; причем все находится в таком идеальном состоянии, что кажется, будто это компьютерная анимация. Именно здесь — перед приглашенной аудиторией, включавшей Джорджа Буша-старшего и целый ряд известных лидеров мировой политики, представлявших высшие эшелоны власти или близкие к ним круги, — впервые прозвучало выражение «мирный подъем Китая», сформулированное в стиле Оруэлла.

Чжэн Бицзянь, являющийся автором этого выражения, с конца 70-х годов выступал в определенном смысле в роли интеллектуального посла китайских лидеров, посещая по указанию Дэн Сяопина с делегациями ученых Запад. В качестве бывшего заместителя председателя элитной Центральной партийной школы (в то время нынешний президент Ху Цзиньтао занимал пост председателя школы) и будучи одно время министром пропаганды, он был известен и в коридорах власти Китая. Но тем не менее почти беспрецедентным явилось то, что ученый, не входивший в состав действующего правительства, выступил от имени последнего с изложением новой основополагающей концепции.

В ходе одной из своих поездок в США Чжэн Бицзянь был поражен тем, как много людей усматривают в подъеме Китая реальную угрозу. По его утверждению, не реагируя на такие мнения, нельзя развеять подобные опасения. Китай должен набраться мужества и объяснить цели своего развития всему миру.

В самом начале форума в Бо'ао Чжэн заявил, что «взлет Китая можно рассматривать как совершенно новый феномен, не встречавшийся еще в мировой истории». Пытаясь смягчить остроту этой темы, он пояснил, что «Китай не собирается вступать на путь Германии времен Первой миро-

вой войны или Германии и Японии времен Второй мировой войны, то есть действовать, применяя насилие и захватывая ресурсы, в стремлении к мировому господству». В отличие от бывшего Советского Союза, чье развитие было изолировано от остального мира, Китай намерен интегрироваться в глобальный экономический процесс, открывая свой рынок, а также предоставляя экономические возможности для всех других государств. Он также подчеркнул, что в отличие от США Китай не стремится стать «гегемоном» в мировых делах, создавая подобные НАТО альянсы, направленные против других стран. Отвечая на недвусмысленные вопросы со стороны Кэгана, Вулфовица и Миршеймера, Чжэн утверждал, что «китайский подъем» создает в мире только «выигрышную» ситуацию для всех, способствует укреплению мира и расширению зон благосостояния для субъектов мировых отношений.

Идеи Чжэн Бицзяня в Китае поддерживаются растущей и усиливающей свое влияние группой «либеральных интернационалистов». Их известные представители — такие, как Цинь Яцин и Ши Ихун, — считают, что Китай должен избавиться от комплекса «пассивности» и приступить к проведению активной политики в международных делах. В основе такого подхода лежит реальное усиление мощи Китая. Но параллельно с признанием этой точки зрения Китай должен придерживаться гармоничной политики, свидетельствующей о том, что страна больше заинтересована в укреплении своих позиций в существующем миропорядке, а не в его разрушении. Представители «интернационалистов» полагают, что Китаю следует стать более настойчивым в отстаивании своих интересов, принимая, однако, соответствующие шаги только в рамках существующей системы. Теория Чжэн Бицзяня была раз-

работана не только им самим. В частности, он сумел убедить своего бывшего коллегу по Центральной партийной школе, нынешнего президента страны Ху Цзиньтао, профинансировать крупный исследовательский проект, выполненный в основном шанхайскими выпускниками с докторскими степенями. Проект предусматривал разработку более сорока научных тем, посвященных «растущей мощи» страны. Получила подтверждение общая точка зрения, заключающаяся в том, что восходящие державы, «становясь на путь агрессии и внешней экспансии», всегда терпят фиаско.

Теория «мирного подъема» практически сразу вызвала контратаки со стороны ультранационалистов из университетских кругов Пекина. Они представляют собой китайских «неоконсерваторов», или, с точки зрения формальной принадлежности, «неокоммунистов». Одним из наиболее активных в их среде является профессор Янь Сюэтун, занимающий пост директора Института международных исследований в университете Цинхуа. В своем пекинском офисе он мне прямо заявил, что «теория мирного подъема является ошибочной, поскольку она может восприниматься Тайванем в качестве намека на то, что если они объявят независимость, то мы их не атакуем». Янь Сюэтун, подобно многим китайским стратегам, утверждает, что в мировой истории не было случая, когда великая нация поднималась бы в условиях отсутствия конфликтов. Анализируя тезис, согласно которому Китай должен делать все возможное для недопущения войны, Янь приходит к неутешительному выводу о практически неизбежном военном конфликте с Тайванем, если Китай не откажется от идеи воссоединения с островом. Его приводит в возмущение степень влияния интернационалистов либерального скла-

да на внешнюю политику Китая. Он, в частности, считает, что «основная разница между их и нашим подходом заключается в том, что они призывают к умиротворению, а мы хотим проводить политику сдерживания». «Это касается отношения к США, Японии и Тайваню. Их основная аргументация строится на том, что, поскольку Китай слаб, мы должны уступать. В отличие от них мы полагаем, что если придерживаться политики уступок, то их аппетиты будут только возрастать. Проблемы, существующие в настоящее время во взаимоотношениях с Японией и Тайванем, являются, по нашему мнению, прямым следствием многолетней политики умиротворения».

Когда я сообщил Яню, что его воспринимают в качестве китайского «неоконсерватора», он не стал возражать: «Я не возмущаюсь, когда меня называют китайским «неоконсерватором», но я предпочитаю, чтобы меня называли «реалистом»». Ярлык же «неокоммуниста» был на него навешен в связи с многочисленными совпадениями в подходах между ним и целым рядом деятелей с похожими взглядами в США. Янь Сюэтун представляет собой почти зеркальную копию Уильяма Кристола, редактора расположенного в Вашингтоне издания «Уикли стандарт» и инициатора «общеобразовательного» проекта «Век новой Америки». Так же, как Кристол одержим наличием «китайской угрозы» и убежден в том, что превосходство США является единственным залогом мира в межгосударственной системе взаимоотношений, так и Янь Сюэтун весьма обеспокоен ролью США. Он убежден, что только модернизация Китая в военной области может быть ключом к стабильности во всем мире. Подобно Кристолу, Янь является страстным поклонником Черчилля. Так же как и Кристол, он считает, что его доводы звучат как «глас вопиющего

в пустыне». Наряду с Кристофом Янь проявляет поразительную находчивость при изложении своих взглядов в средствах массовой информации, пропагандируя свои идеи в таких журналах, как «Уорлд эфзас» и «Глобал таймс», и умело играя на струнах популярного национализма.

Решающим фактором в битве идей является самая большая группа деятелей, принимающих участие в формировании китайской внешней политики, — прагматики. Они в основной своей массе не в восторге от теории «мирного подъема» и указывают на ее недостатки в том, что касается выработки всеобъемлющей базовой стратегии или продвижения «миролюбивых» предложений для внешнего мира. Ван Цзисы, один из самых уважаемых и четко выражающих свои мысли ученых в области китайской внешней политики, заявил, что теория «мирного подъема» еще является, по сути, поверхностной и необходимо значительно ее углубить, прежде чем она может быть взята на вооружение. Он раскритиковал недостатки теории, указывая, в частности, на то, что в ней не говорится о политических реформах в стране или глобальной системе управления в мире. В то же время целый ряд прагматиков отмечает, что теория «мирного подъема» не привнесла успокоительных тенденций в мировые дела. Они предпочитают вообще не упоминать термин «китайский подъем», опасаясь, что подобная активность в большей мере способна раздувать, а не гасить разговоры о «китайской угрозе». По их мнению, лучшей стратегией для Китая стало бы сдержанное отношение к оценке своей возрастающей мощи в целях концентрации усилий страны прежде всего на экономическом росте и социальном развитии. Они полагают, что правительству страны следует отдавать предпочтение таким терминам, как «развитие», так как они «миролюбивы по ха-

рактеру, неагрессивны и в значительной степени менее спорны».

В течение определенного периода теория «мирного подъема» активно использовалась на внешней арене. Так, президент и премьер-министр Китая прибегали к данной формулировке во время своих публичных выступлений, прежде всего в конце 2003 года и начале 2004 года в ходе поездок по странам Азии с изложением своей позиции по международным делам.

Позже начался период заката этой теории. Министерство иностранных дел страны пришло к выводу, что ее следует избегать при разработке концепции развития внешней политики, и таким образом охладило энтузиазм сторонников теории «мирного подъема». А бывший президент Китая Цзян Цзэмин, представляющий «шанхайскую группировку», придерживающуюся более напористой позиции в области внешней политики, даже подвергал ее критике в качестве меры для восстановления своего собственного влияния.

Теория «мирного подъема» не смогла пережить такую целенаправленную критику. Когда армия бюрократов дружно ополчилась на подобный подход, современные руководители страны Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао тихо отказались от ее продвижения и вернулись к терминологической концепции эпохи Дэн Сяопина — «мир и развитие». В свою очередь, Чжэнь Бицзянь в стремлении сохранить жизнеспособность своей теории настолько видоизменил некоторые положения своей концепции, что в значительной мере лишило ее прежнего содержания. В своих более поздних выступлениях он утверждал, что применение силы может быть оправданно для защиты китайского суверенитета, удерживания Тайваня от провозглашения независимости

и даже для обеспечения доступа к промышленно значимым месторождениям нефти и газа. Хотя прежние формулировки уже не вызывают одобрения на официальном уровне, полемика, возникшая после выдвижения концепции мирного подъема, не утихает. Либеральные интернационалисты, стремящиеся присоединиться к Западному миру и отстаивающие свои права внутри сложившейся в стране системы, продолжают борьбу с «неокоммунистами», долгосрочной целью которых является создание альтернативной системы с Китаем в ее центре. Во все эти процессы были вовлечены прагматики, готовые поддерживать любые идеи, способствующие отстаиванию интересов Китая. Эти три лагеря комбинировали западные теории с традиционными китайскими философскими течениями для достижения собственных результатов.

В этих группах должным образом восприняли три наиболее авторитетные западные идеи о процессе глобализации и попытались поставить их себе на службу, трансформируя концепцию, направленную, по сути, на объяснение причин снижения роли национального государства в современном мире, в стратегию, позволяющую мотивировать возрастание национальной мощи Китая. Например, идея «доброй силы», ассоциирующаяся на Западе с привлекательностью компаний подобных «Макдоналдсу» или «Ливайсу», была переиначена в китайском варианте в теорию поиска государством путей обретения утраченных «нравственных оснований», мотивирующих возвышение его роли в международных делах. Претерпела изменения идея «многостороннего сотрудничества», отождествляемая на Западе с ослаблением национального суверенитета государств — участников мирового правопорядка, добровольно согласившихся с выполнением обязательств перед

наднациональными институциональными организациями, подобными Европейскому Союзу или Всемирной торговой организации. В Китае полагают, что она должна представлять собой инструмент для защиты национальных интересов, позволяющий развивать связи с другими государствами Азии, не желающими укрепления отношений с США. Наконец, идея «асимметричного противостояния», используемая в тактике неформальных военизированных формирований типа Вьетконга или Аль-Каиды, была переосмыслена китайскими политологами и адаптирована к индустриальному контексту. Китайские стратеги изучают возможности применения военной силы, финансовых активов и норм международного права главным образом в расчете на возможное противостояние США, а не для поиска путей по достижению с ними паритета в традиционных сферах развития. Как будет показано ниже, китайские либеральные интернационалисты и «неокоммунисты» в целях продвижения идеи «мира за Великой стеной» и для выхода за рамки прежде общепринятых принципов внешней политики, сформулированных в свое время Дэн Сяопином, применяют весьма схожие методы.

«Добрая сила»

Ян И человек военный, у него звание контр-адмирала ВМФ, он является одним из самых ярких представителей ведущих китайских мыслителей в области военной политики. Но его аналитические взгляды выходят далеко за рамки оценок новейших систем вооружений в мире.

Он утверждает, что США создали, по сути, ситуацию «стратегической осады» вокруг Китая, наделив себя «более высоким статусом» в международных делах. Каждый раз, когда КНР пытается отстаивать свои интересы на дипломатической арене, модернизировать свою армию или развивать отношения с другими странами, США трактуют такие действия как угрозу миру. А остальной мир, как с недовольством отмечает Ян И, слишком часто следует в русле подобного великодержавного подхода. По мнению ученого, «Соединенные Штаты оставляют за собой последнее слово при определении или изменении принятых в международной практике правил поведения. Они занимают доминирующие позиции в международных дискуссиях, незаконно присвоив себе “моральное право” выступать от имени мировой общественности и формировать правила поведения в области внешних отношений. В результате, в международных делах все чаще возникает ситуация когда Соединенные Штаты прямо утверждают, что “только они имеют право осуществлять подобные действия, а другие таких прав не имеют”».

Китайские исследователи всеми силами пытаются выбраться из этой «ловушки». Одним из самых популярных выражений среди тех, кто вовлечен в сферу современных международных отношений, стала фраза «жуань цюаньли», что на китайском языке означает «добрая сила». Эта модная концепция была выдвинута американским ученым-политологом Джозэфом Найем в 1990 году, однако в Пекине она получила дальнейшее развитие в гораздо большей степени, чем в Вашингтоне. В отличие от своего более агрессивного антипода — термина «жесткая сила», концепция которого предусматривает подкуп других стран или принуждение их действовать в нужном

вам ключе, понятие «добрая сила» подразумевает способность дать другим возможность воспринять то, что вы хотите. Оно не зависит от экономических подачек или политических трюков, но в значительной мере базируется на привлекательности вашей культуры и идейных представлений в глазах других, на вашей приверженности правовым нормам и на ваших способностях задавать тон в международных организациях.

Китайские ученые, такие, как Ян И и Янь Сюэту, негативно отзываюся о том, что в течение последних двадцати лет концепция «доброй силы» оставалась преимущественно прерогативой Запада: западные государства обладают самыми большими рыночными возможностями; в западной культуре и системе моральных ценностей присутствуют самые возвышенные стремления; международные организации, созданные после Второй мировой войны, были также построены на основе западного подхода. При этом членство в подобных организациях для остальных стран мира предоставлялось только после того, как те могли продемонстрировать соответствие определенным стандартам поведения. И вот теперь они хотят все это изменить. По утверждению Янь Сюэтуна, «в период глобализации в сферу конкуренции попадают уже не столько земли, ресурсы или рынки сбыта продукции, но и в первую очередь законодательная деятельность, установление правил и норм таможенных процедур. После завершения эпохи «холодной войны» подобные показатели претерпевают изменения. Не ограничиваясь ролью просто пассивных наблюдателей происходящих изменений, мы должны принять участие в конкурентной борьбе по выработке правил поведения глобального характера».

Начать пришлось с изучения американского опыта. Китайские исследователи поставили себе задачу понять, почему Дядя Сэм стал символизировать понятия свободы и изобилия, каким образом Статуя Свободы, Билль о правах, торговые брэнды «Кока-колы», «Макдоналдса», Си-эн-эн, кинокорпораций Голливуда стали более эффективными послами США в повсеместном распространении американского мировоззрения, чем штатные сотрудники Государственного департамента. Они анализировали, как американские ценности укоренялись в целом ряде транснациональных институтов, таких, как НАТО, Всемирный банк и Международный валютный фонд, воплощающие и реализующие американский подход к деятельности на международной арене. Китайские исследователи обратили внимание и на то, как через большое число иностранных студентов, обучающихся в американских университетах, вездесущие американские компании, а также мощные американские средства массовой информации усиливают влияние США на решение глобальных вопросов мирового развития.

Китай начал копировать подобные технические приемы. Так, Министерство образования страны приступило к созданию сотен «институтов Конфуция» для обучения китайскому языку и пропаганды китайской культуры в мире, практически используя те же методы, что Британский Совет и Институт Гете применяют для распространения европейской культуры (уже создано тридцать два китайских центра в двадцати трех странах). Международная телевизионная станция Китая, имеющая аббревиатуру Си-си-ти-ви-9, должна вырасти в глобальную информационную станцию, способную соперничать с корпорацией Си-эн-эн в освещении новостей. Пекин увеличил пер-

сонал и поднял профессиональный уровень контролируемого партийными органами информационного агентства Синьхуа в надежде на то, что оно будет восприниматься в мире на таком же уровне, как агентства новостей Рейтер или Ассошиэйтед Пресс. Правительство Китая намерено к 2010 году увеличить в четыре раза число иностранцев, изучающих китайский язык, — до ста миллионов человек. Оно открыло свои университеты для иностранных студентов, ежегодно принимая в два раза больше студентов из Индонезии, чем из США; тринадцать тысяч студентов прибыли из Южной Кореи.

Наиболее интересным аспектом китайской концепции «доброй силы» является тот посыл, который таким образом стараются донести до всего мира. В апреле 2006 года в Пекине была организована конференция с целью провозглашения программы «Китайская мечта». Чжэн Бицзянь вновь вышел на первые роли с новой идеей. Он возглавил большую группу влиятельных докладчиков, состоящую из министров правительства, академиков и дипломатов, пропагандировавших «восстановление культурных традиций» в качестве основного пути обретения большей легитимности в международных делах. Концепция «Китайской мечты», предложенная ими миру, была попыткой увязать образ Китайской Народной Республики с тремя главными целями: экономическим развитием, политическим суверенитетом и международным правом.

Китай стал образцом и одновременно лидером среди наиболее бедных стран мира. В результате его экономического подъема кардинальным образом меняется само понятие развития, трактовавшееся ранее весьма однозначно. В 1989 году Фрэнсис Фукуяма утверждал в своем знаменитом эссе, что «то, чему мы являемся свидетелями в настоя-

щее время, является не просто завершением «холодной войны»... а завершением истории как таковой: мы видим конечный пункт идеологической эволюции человеческой мысли и универсализацию западной либеральной демократии в качестве заключительной формы человеческого правления». Из рассмотрения результатов последующего десятилетия следует, что экономическая и политическая либерализации представляли собой две стороны одного и того же явления. Но китайский подъем и способность сочетать постепенное открытие экономики, огромный государственный сектор и авторитарные методы управления разорвали естественную связь приведенных выше понятий либерализации. В развивающихся странах — в Африке, на Ближнем Востоке и в Центральной Азии — правящие круги утверждают, что они должны следовать китайской модели, то есть проводить в первую очередь экономические реформы и уже затем осуществлять политические преобразования. И немалое число граждан этих стран действительно стали верить подобным высказываниям. Таким образом, больше не является аксиомой тезис о том, что либеральная демократия необходима в качестве фундамента для экономического развития.

Китай стремится подчеркнуть свою убежденность в самоценности суверенитета и права стран на защиту от вмешательства во внутренние дела со стороны Запада, склонного делать это под гуманитарными предлогами. Китай предлагает политическую поддержку, экономическую помощь и вооружение режимам, в других обстоятельствах бывших бы более восприимчивыми к международному давлению. Это такие страны, как Судан, Иран, Бирма, Зимбабве, Северная Корея, Узбекистан, Казахстан и Ангола. «Белая книга по Африке», выпущенная в Китае в де-

кабре 2005 года, свидетельствует о том, что Пекин будет оказывать помощь африканским странам без каких-либо предварительных условий. Правительство Китая сняло все тарифы в торговле с сорока пятью развивающимися странами. Оно не обращает внимания на торговый дефицит в отношениях со своими соседями в Юго-Восточной Азии и значительно увеличило финансирование программы «Помощь другим странам» (в 2004 году на эти цели выделялось 1,5 миллиарда долларов США для Азии и 2,7 миллиарда долларов США для Африки). То, как Пекин распределяет свою помощь и предоставляет политическую поддержку, является основным фактором, определяющим притягательность Китая среди развивающихся стран. В отличие от все возрастающей степени увязки западными донорами вопросов об экономической помощи с требованиями по соблюдению прав человека и проведению политических реформ Пекин однозначно отказывается от вынесения суждений по политическим аспектам, ведя дела со странами третьего мира. Он ориентируется только на один критерий при установлении отношений: служит ли это интересам Китая? Вместе с тем, хотя Пекин приобретает выгоды от поддержки авторитарных режимов, он совсем не хочет стать во главе коалиции так называемых стран-изгоев. Когда отношения с Северной Кореей, Суданом, Зимбабве и Бирмой создают для него затруднения, Пекин побуждает эти страны предпринять шаги с целью стать более восприимчивыми к предложениям международного сообщества и таким образом снижает вероятность проведения Западом силовых акций против них.

В заключении своего исследования китайские ученые также обратили внимание на то, что легальность притязаний США на глобальное лидерство усиливается откры-

тостью их политической системы, предоставляющей другим нациям шанс быть услышанными в ходе полемических баталий между различными ведомствами, включая Государственный департамент, Пентагон и Белый дом. Однако в последние годы многие страны стали выражать недовольство по поводу проявляемой США надменности единственной сверхдержавы при принятии решений. Китай взял данный факт на заметку и, в свою очередь, предложил развивать концепцию «прислушивающейся дипломатии», явно контрастирующей своим многосторонним подходом с односторонностью американского мнения. По утверждению Янь Сюэтуна, «в следующие десять лет гегемонистский курс, проводимый США, будет побуждать их к продолжению внешней политики исключительно с односторонней позиции. Тем временем Китай будет стремиться развивать концепцию «многосторонней дипломатии» и придавать значительно большую гармонию отношениям со своими соседями, Европейским Союзом и развивающимися странами других регионов мира». Он оптимистично добавил, что «в результате может даже сформироваться стратегическая коалиция против Соединенных Штатов».

Западные наблюдатели скептически настроены в отношении реальных рамок концепции, следуя которой Китай обретет приоритет «доброй силы». При этом они указывают на то, что только немногие либеральные демократии согласятся поступиться своей свободой в обмен на привилегии рыночной экономики китайского коммунистического типа. По их мнению, зеленый чай, Джеки Чан и даже Конфуций не сравнятся по степени влияния с «Макдоналдсом», Голливудом и принципами демократии, изложенными в знаменитой «Геттисбергской речи» прези-

дента Линкольна. Вместе с тем Китаю удалось увязать свой образ с целым рядом крупномасштабных идей, потенциально очень привлекательных для среднеразвитых и развивающихся стран, особенно для тех из них, кто был включен в колониальную систему Запада (другими словами, для 90 процентов стран мира). А поскольку Китай представляет собой самую крупную державу, выступающую в защиту подобных идей, он может рассчитывать на серьезную политическую поддержку со стороны этих стран.

Весьма трудно оспорить тот факт, что реализация концепции «доброй силы» в китайском варианте продвигается отнюдь не стремительными темпами. Частично это может объясняться тем, что Пекин приступил к этой программе практически с нуля. Во времена Мао Цзэдуна Китай воспринимался соседними странами как угроза, как страна, провоцирующая революции и порождающая нестабильность в регионе. Для остальной же части мира Китай в течение многих лет представлялся чужаком, одиночкой, во многом не интересным субъектом. Умелое сочетание искусной дипломатии и блестящие результаты экономического роста, выражающиеся в двузначных процентах на протяжении тридцати лет, позволили Китаю радикально изменить впечатление о себе в мире. Недавний опрос, проведенный Всемирной службой Би-би-си, показал, что роль Китая в мировом сообществе рассматривается в качестве позитивного фактора большинством или относительным большинством граждан в четырнадцати из двадцати двух стран, являвшихся объектом данного опроса (в целом 48 процентов опрошенных считают влияние Китая на мировые дела позитивным — что на 10 процентов выше, чем пришлось на США).

По мнению китайских ученых, в течение длительного времени Пекин будет прилагать значительные усилия к достижению глобального легитимного признания без каких-либо существенных изменений внутри страны. В этом плане показательно высказывание Янь Сюэтуна: «Если вы не обладаете достойной политической системой у себя дома, вам не удастся получить поддержку своих соседей. Если Китай собирается увеличить потенциал своей «доброй силы», то ему придется заняться и политическими реформами». Однако в краткосрочной перспективе Китай, вероятно, более других выиграет от снижения роли США как проводника «доброй силы» в связи с войной в Ираке. При этом он будет стремиться расширять свою популярность в качестве альтернативного образа по отношению к Соединенным Штатам. Пока авторитетные американские политики выступают в защиту принятых на основе консенсуса с Вашингтоном решений, китайцы продолжают свою политику «постепенного достижения желаемых результатов» и создания «гармоничного общества». При том, что США воспринимаются на международной арене как воинствующий агрессор, китайские политические лидеры ведут разговоры о мире. Пока американские дипломаты призывают к смене режимов, их китайские коллеги привлекают внимание общественности к уважению суверенитетов и сохранению многообразия цивилизаций. Тогда как американская внешняя политика прибегает к санкциям и изоляционистским мерам для достижения своих политических целей, китайские руководители предлагают помощь и развитие торговых связей без предварительных условий. Пока Америка награждает своими преференциями страны, вынужденные в силу обстоятельств стать их союзниками, Китай проявляет благожелатель-

ность и прислушивается к голосам государств во всех уголках мира. В целом же, проводя свою политику на международной арене, китайские дипломаты и государственные деятели обнаружили, что «80 процентов успеха, как в свое время отмечал Вуди Аллен, заключается просто в умении себя подать».

Демонстрация многосторонней мощи

Через шесть месяцев после распада Советского Союза тридцать четыре самых видных американских стратега, специализирующихся в области внешней политики, собрались в Стэнфордском университете, чтобы разработать «новые организационные принципы восприятия мира и действий на международной арене». Они надеялись на то, что им удастся заменить доктрину «холодной войны» Джорджа Кеннана, основывающуюся на политике сдерживания и устрашения, на новую философию, применимую ко всему миру в период после окончания «холодной войны». В сторону ушли такие старые концепции, как «наращивание военной мощи, баланс сил, проведение тайных операций и обеспечение режима секретности времен “холодной войны”». На их место была выдвинута новая масштабная идея: создание системы «коллективной безопасности», позволившей бы всем странам пользоваться выгодами от мирного строительства. В отличие от блоков, нацеленных, подобно НАТО, на единственного противника, система «коллективной безопасности» должна быть направлена на формирова-

ние климата доверия между нациями на основе принципов прозрачности и взаимного контроля.

Когда данная идея приобрела широкое распространение, на нее обратил пристальное внимание Янь Сюэтун. Он сообщил мне, что на него произвела впечатление «новизна выдвинутой концепции, не предусматривающей базирование военного сотрудничества на политике противостояния другим державам (в отличие от НАТО, созданного с конкретной целью противодействия России). А это означает, что уровень угроз понижается». Янь принялся активно рассуждать на тему того, сможет ли система «коллективной безопасности» обеспечить Китаю условия для проведения модернизации и развития своих вооруженных сил, не давая поводов для роста у их соседей подозрительности в отношении Пекина, что было бы прямо противоположным по отношению к идее, первоначально закладываемой авторами в основу своей концепции. На тот период он работал в качестве ведущего научного сотрудника Китайского института современных международных отношений — научно-исследовательского подразделения, относящегося к системе Министерства государственной безопасности, — где он руководил группой по «доводке» данной концепции. Их усилия реализовались в научной работе, со временем ставшей известной как «новая концепция безопасности».

В этом труде проводится разграничение между «традиционными» угрозами для безопасности (например, опасностью вторжения со стороны других стран) и «нетрадиционными» их формами (терроризм, раскол государств, разрушение окружающей среды, пандемии). Янь Сюэтун справедливо полагает, что военные союзы в будущем могут основываться на базе упомянутых «нетрадици-

онных угроз», объединяя государства против опасностей, выраженных относительно абстрактными понятиями, например, такими, как «терроризм», причем в большей степени, чем против «враждебных наций». Согласно «новой концепции безопасности», разработанной Янь Сюэтуном, существуют веские причины для того, чтобы Пекин отказался от своей настороженности в отношении многопрофильных международных организаций. Поэтому Китай решил добиваться выгод от процесса глобализации в мире, а также проводить подготовку по вступлению во Всемирную торговую организацию. Янь также утверждал, что в новых условиях Китай может пересматривать свои отношения с соседними государствами с учетом своего присутствия в этих организациях. Вместе с тем оставалось еще много времени до того, как теорию Янь Сюэтуна стали применять на практике.

Первый шаг был сделан в направлении соседних государств, расположенных к западу от Китая. Через четыре года после распада Советского Союза Китай поддержал подписание с Россией, Казахстаном, Киргизстаном и Таджикистаном «соглашение о коллективной безопасности», прозванное «Шанхайской пятеркой». Члены соглашения сразу приступили к переговорам по заключению договоров о демилитаризации общих границ длиной 4300 миль и постепенному развитию сотрудничества, в том числе в области безопасности и торговли. В 2001 году к соглашению присоединился Узбекистан, и данное объединение, находившееся на стадии формирования, было преобразовано в «шанхайскую организацию сотрудничества» (ШОС). В ее рамках уже создана «региональная антитеррористическая структура» в Узбекистане, учрежден «деловой совет» в Москве и постоянно функционирует секретариат

в Пекине. ШОС осуществляет мероприятия в плане развития экономических связей, укрепления доверия в районе границ и соблюдения мер правопорядка; были также проведены два совместных военных учения. Индия, Пакистан, Монголия и Иран также присоединились к ШОС в качестве наблюдателей. США обоснованно обеспокоены ходом развития данной структуры: если с течением времени наблюдатели присоединятся к организации в качестве полноправных участников, то ШОС сможет гордиться наличием в ее составе четырех государств с ядерным оружием, в том числе трех крупномасштабных экономик мира; здесь же сосредоточены огромные энергетические ресурсы.

Шанхайская организация сотрудничества является уникальной структурой. Само ее существование в определенной степени опровергает идею о том, что только западные страны способны создавать успешные многосторонние организации. Ее название происходит от имени китайского города. Ее программные цели соответствуют целям китайского государства. Хотя наблюдатели отмечают некоторые разночтения в подходах между Пекином и Москвой — Россия в большей степени фокусирует свое внимание на вопросах безопасности, а Китай пытается использовать возможности организации для получения доступа к месторождениям нефти и газа в Центральной Азии, — обе сверхдержавы—участницы ШОС едины в своем традиционном восприятии понятий суверенитета и авторитарных методов управления.

Одним из привлекательных моментов для стран — членов ШОС — России, Китая и центральноазиатских республик — является перспектива остановки любых новых демократических, так называемых «цветных революций»,

в частности, таких, как «революция роз» в Грузии, «оранжевая революция» на Украине, «революция тюльпанов» в Киргизии. Москва и Пекин вместе оказали энергичную политическую поддержку президенту Узбекистана Исламу Каримову во время подавления им продемократических демонстраций в Андижане в мае 2005 года, а Китай даже организовал подготовку «антиповстанческих» подразделений из числа полицейских формирований нескольких стран Центральной Азии.

С точки зрения политических и военных возможностей, ШОС уже продемонстрировала свой потенциал, что она может позиционировать себя как вероятного соперника НАТО в Центральной Азии. На саммите ШОС в казахстанской столице Астане в 2005 году руководители стран-членов подписали декларацию, призывающую США установить крайний срок для вывода своих вооруженных сил из региона Центральной Азии. На встрече ШОС в 2006 году, отметившей пятую годовщину ее создания, члены организации подписали серию соглашений по сотрудничеству в области энергетики. Кроме того, они бросили вызов Западу — демонстративно раскрыв свои объятия для иранского лидера Махмуда Ахмадинежада. В отдаленной перспективе на базе ШОС может быть создано «объединение в защиту суверенитетов», ориентированное на срыв попыток Запада вмешиваться в дела других стран под предлогом защиты прав человека или распространения демократии. Привлекательность такой философии «невмешательства» для режимов во многих странах третьего мира является очевидной.

Пекин вначале подозрительно относился к процессу региональной интеграции в Восточной Азии, поскольку опасался, что США будут использовать подобные груп-

пировки для окружения Китая. Но потом он осознал, что Соединенные Штаты предпочитают развивать отношения с каждым из своих союзников в Юго-Восточной Азии — Японией, Филиппинами, Кореей и Тайландом, а также с Австралией — в большей степени напрямую, чем в рамках коллективных договоренностей. Это предоставило ему возможность выдвинуться на роль лидера в процессе единения азиатских стран. В 1996 году Янь Сюэтун убедил Министерство иностранных дел представить «новую концепцию безопасности» для ее одобрения со стороны государств — членов Азиатско-тихоокеанского региона. Цянь Цичэнь, на тот момент занимавший должность министра иностранных дел Китая, также сделал официальное представление региональному Форуму АСЕАН — организации, политику которой определяют десять стран Юго-Восточной Азии. С того времени Китай все в большей степени стал обращать внимание на углубление отношений со своими соседями; его лидеры даже выражали намерение по созданию в Азии эквивалента Европейского Союза. В 2004 году Пекин призвал к образованию «свободной торговой зоны» между АСЕАН и Китаем и заявил о своей поддержке построения «сообщества восточно-азиатских стран» с единой валютой к 2020 году.

Янь Сюэтун полагал, что процесс региональной интеграции поставит конкурентов Китая и Азии — США и Японию — в невыгодное для них положение. Соединенные Штаты во все более возрастающей степени настороженно воспринимают региональную интеграцию, обоснованно рассматриваемую ими в качестве механизма, используемого Китаем для укрепления организаций, где для США места не найдется. Враждебность Америки также создает затруднительное положение для ее самого близ-

кого союзника в регионе — Японии. Янь Сюэтун в этой связи отмечает, что, стремясь сохранить свои особые отношения с Соединенными Штатами, Япония проводит политику, направленную против создания «сообщества восточноазиатских стран». Такая политика похожа на ту, которой придерживается Великобритания по отношению к Европейскому Союзу. Политика Японии, идущая вразрез с процессом регионального объединения стран Восточной Азии, может в конечном счете ослабить ее влияние в Восточной Азии. Янь Сюэтун утверждает, что Япония, подобно Великобритании в контексте европейской интеграции, будет всегда с неохотой относиться к партнерству, растрачивая в попытках замедлить процессы объединения ценный политический капитал, не стремясь при этом возглавить отдельные их направления, сулящие ей определенные выгоды.

Китайские либеральные интернационалисты во всех отношениях настолько же привержены «новой концепции безопасности», как и «неокоммунисты», но по другим причинам. Когда Цинь Яцин, яркий представитель либеральных националистов, в начале 2004 года был приглашен для изложения своих взглядов в Политбюро, он использовал столь редкий шанс для отстаивания своих позиций по вопросу участия Китая в многосторонних организациях. Но если Янь Сюэтун стремится найти механизм для проявления Китаем силы на международной арене, то Цинь Яцин рассматривает интеграцию в Восточной Азии в качестве пути, позволяющего Китаю снизить уровень силового соперничества в отношениях со своими соседями — почти таким же образом, каким Европейский Союз способствует отказу крупнейших европейских держав от воинственности в пользу гармонии.

Цинь Яцин сравнивает отношения Китая со своими соседями как отношения гиганта с карликами. В книге «Путешествие Гулливера» лилипуты связали великана Гулливера сотнями маленьких веревок. Цинь Яцин утверждает, что подобная ситуация, вероятно, случится и в Азии. Поэтому было бы целесообразнее, если бы Китай сам «связал» себя (дабы освободиться от подозрений в намерениях стать региональным «возмутителем спокойствия»), а не пребывал в ожидании того, что небольшие страны Азии возьмут на себя лидерство. Цинь рассматривает процесс интеграции стран Восточной Азии как наилучшую возможность для Китая проявить свою приверженность нормам и правилам. Они не просто выглядят как более миролюбивые по своему характеру, но и выражают намерение отказаться от шагов, воспринимаемых как враждебные среди соседей: «Как только осуществится присоединение (Китая) к процессу регионального сотрудничества и он больше не будет выглядеть вызывающей опасения силой в глазах АСЕАН, Китай кардинально изменит свое отношение к природе регионального сотрудничества с восточно-азиатскими государствами». Хотя на Китай, Японию и Южную Корею в целом приходится 90 процентов от общего экономического потенциала Восточной Азии, они позволяют десяти юго-восточным «карликам», вместе представляющим только остающиеся 10 процентов экономики региона, определять темпы региональной интеграции. По мнению Цинь Яцина, «карлики» успешно использовали позицию Китая в своих интересах. При этом он ссылается на итоги первого саммита стран Восточной Азии в 2005 году. Китай снял свои возражения против участия в саммите Индии и Австралии, хотя испытывал опасения, что эти две страны могут объединиться с Японией и в обо-

собленном порядке разрабатывать антикитайские меры в рамках организации АСЕАН. «Однако, — как утверждал Цинь Яцин, — если Китай противопоставит себя решениям АСЕАН, это будет воспринято не только как вызов данной организации, но вызовет недоверие к Пекину и нанесет вред развитию сотрудничества в регионе. Не желая ставить под угрозу эти процессы, Китай пошел на компромисс». Может быть, Цинь и преувеличивает степень воздействия региональной интеграции на изменение отношения Китая к своим интересам, однако переход страны на позиции азиатского единства определенно укрепил ее влияние в регионе и успокоил соседние государства.

Асимметричная сверхдержава

Хотя контр-адмирал Ян И проявил себя в первую очередь как влиятельный сторонник теории возрастающей «доброй силы» Китая, он в действительности стремился найти правовые оправдания для значительного усиления военно-промышленного потенциала своей страны. Он считает, что «Китай является великой державой». По его мнению, «нам нужно создать мощные вооруженные силы, соответствующие нашему международному статусу». В своей статье в «Глобал таймс» Ян И сетовал на увеличивающийся разрыв между совокупностью экономических параметров Китая, его интересами и способностью обеспечивать их защиту. Он опасается, что стремительное расширение зоны экономических интересов Китая, распространяющихся на производственные мощности, инвестиции в энергетический сектор и поставки сырья, а также на новые рыноч-

ные возможности, повсеместно возникающие в мире, опережает темпы развития современных вооружений, необходимых для их защиты. Каким образом, вопрошает Ян И, Китай собирается защищать своих граждан и активы за границей? Как Пекин сможет участвовать в ликвидации последствий катастроф, осуществлять антитеррористическую деятельность, предоставлять гуманитарную помощь или поддерживать операции ООН по обеспечению мира, если страна не располагает соответствующими военными возможностями? И кроме того, остается вечный вопрос китайской внешней политики: каким образом Китай мог бы защитить себя от США в случае войны за Тайвань?

В то же время, хотя Ян И использует каждую возможность, чтобы призвать к увеличению военных расходов, он не хочет, чтобы Пекин втянулся в гонку вооружений с Соединенными Штатами. В китайских политических кругах стереотипным стало мнение, согласно которому Советский Союз привело к краху желание победить в гонке вооружений. Поэтому, полагает Ян, вместо того чтобы пытаться сравняться с американской военной машиной в количестве самолетов и бомб, Китай должен обратиться к «асимметричной» стратегии поиска и использования слабых мест противника. «Асимметричные методы ведения войны» в течение длительного времени весьма популярны в западных военных кругах. Это понятие традиционно используется для описания ситуаций, когда террористы могут противостоять регулярным войскам и даже наносить им поражения почти таким же образом, как Давид победил Голиафа. Однако Китай воспринимает подобные взгляды в гораздо более широком контексте, далеко за рамками теории и практики терроризма. Это нашло свое отражение в разработанной китайскими интеллек-

туалами и военными руководителями стратегии разгрома «технологически превосходящего противника» (эвфемизм, используемый в Китае для обозначения США).

Ежегодно китайские военные расходы возрастают на более чем 10 процентов (американская разведка считает, что реальные цифры в 2—3 раза выше), подкрепляя стремление страны к обретению статуса великой державы. Однако модернизация военного сектора Китая, проявляющаяся в постройке кораблей и подводных лодок, закупках боевых самолетов четвертого поколения и нацеливании 900 баллистических ракет на Тайвань, не является попыткой скопировать американскую военную машину или сравняться с ней. Вместо этого все направлено на поиск наиболее экономичных путей нейтрализации военных преимуществ Соединенных Штатов. Уклоняясь от соперничества с США на его поле, Пекин хочет навязать американцам другого рода игру — ту, в которой Пекин может выиграть.

Например, вместо того чтобы решать вопрос Тайваня путем бесперспективного стремления к достижению своего превосходства в зоне тайваньского пролива, Пекин пытается создать ситуацию, когда США будут вынуждены значительно увеличить свои расходы в целях защиты острова в случае военного конфликта. Двадцать лет назад США приняли на вооружение чисто оборонительную стратегию, базирующуюся на создании своего рода щита вокруг острова. В результате модернизации вооруженных сил Китая эта оборонительная доктрина в настоящее время находится в неустойчивом состоянии. Сейчас Соединенные Штаты могут попасть в незавидную ситуацию, чреватую необходимостью атаковать континентальный Китай в целях защиты Тайваня. Китайская активность в космосе может

вызвать аналогичную ситуацию. Целью Пекина не является развязывание череды «звездных войн» против США. Вместо этого Пекин стремится подорвать военную доктрину Америки путем развития «средств боевого воздействия на (американские) спутники», в значительной мере обеспечивающие США разведывательной информацией. Подобно Одиссею, ослепившему циклопа факелом, а затем победившему его, дерзкий план Пекина заключается в намерении «ослепить» американские войска, прекратив поступление разведывательной информации со спутников. Пекин надеется таким образом сделать невозможным для США участие в конфликте вокруг Тайваня или Японии.

Самое примечательное в попытках Китая стать «асимметричной сверхдержавой» заключается в том, что расчет делается на средства, находящиеся за пределами классических военных возможностей. Более подробное объяснение такого подхода содержится в книге под названием «Неограниченные приемы ведения войны», неожиданно ворвавшейся в список бестселлеров Китая в 2001 году. Эта книга, написанная в соавторстве с двумя офицерами (полковниками) Народно-освободительной армии Китая, после выхода в свет первого издания в 1999 году привлекла внимание только специалистов. Однако после атаки Осамы бен Ладена на Всемирный торговый центр она воспринимается как провидческая. Так, в ней утверждается, что одержимость Америки накоплением военной техники является самой большой слабостью страны, так как это лишает ее политических лидеров способности трезво и многогранно оценивать военную стратегию, а также использовать экономические, правовые и политические рычаги воздействия на противника. В книге излагаются различные варианты стратегий, включающие «невоенные

приемы ведения войны». При этом утверждается, что «военные не имеют монополии на военные действия».

При этом предпочтение отдается «экономическим методам ведения войны». Ссылаясь на финансовый кризис в Азии в 1997 году, авторы с благоговейным трепетом упоминают об огромных возможностях международных финансистов подобных Джорджу Соросу в том, что касается подрыва экономических позиций так называемых «азиатских тигров»: «Экономическое процветание, на определенном этапе неизменно вызывавшее восхищение западного мира, сменилось безысходностью. Как если бы с дерева всего за одну ночь под дуновением осеннего ветра опали все листья». Если такие индивиды, как Сорос, могут вызывать столь серьезные потрясения лишь корысти ради, то насколько же огромный ущерб может нанести Соединенным Штатам такая великая страна, как Китай, со своими валютными запасами, достигающими триллионов долларов?

В качестве другой возможности рассматривается «супертерроризм». Одно из мест в книге действительно провидческое по своему характеру. В нем авторы за два года до реальных событий предсказывают атаки, подобные нападению Осамы бен Ладена на Всемирный торговый центр. Они обоснованно отмечают, что реакция Вашингтона на это принесет стране больший ущерб с точки зрения национальной безопасности, чем атаки сами по себе: «Зачастую это выглядит так, что противник, использующий обычные вооруженные силы и традиционные меры, становится похож на слона в посудной лавке. Он находится в недоумении и не знает, как реагировать на ситуацию, поэтому неспособен использовать мощь, имеющуюся в его распоряжении».

Наиболее интересным представляется тезис, согласно которому Китай может применять международные нормы и правила в качестве оружия. Утверждается, что граждане демократических стран все активнее призывают к тому, чтобы их правительства защищали международный правопорядок и особенно нормы, определяющие права человека и ведение войн. Таким образом, правительства в своих действиях ограничены регламентами региональных или мировых организаций, например, таких, как Европейский Союз, АСЕАН, Международный валютный фонд, Всемирный банк, ВТО или ООН. Авторы считают, что Китай должен следовать европейской модели применения международного законодательства для того, чтобы поставить США в безвыходное положение: «В мире имеются крупные державы с дальновидным подходом, уже начавшие привлекать возможности ведущих национальных, транснациональных и негосударственных организаций для усиления и все большего распространения своего собственного влияния». Они полагают, что Китай может превратить ООН и региональные организации в своего рода «усилитель» китайского влияния на мировые дела и тем самым препятствовать использованию США своей мощи в компаниях, подобных войне в Ираке.

Многие из этих «асимметричных стратегий» уже начинают обретать конкретную форму. Либеральный интернационалист Ши Иньхун следующим образом высказывается по этому поводу: «США добиваются усиления своих военных позиций в районе Тихого Океана путем развития системы военных баз на Гуаме, Окинаве и Гавайях. Китай относится к этому с неодобрением, однако и не принимает вызов. Он ведет «свою игру», используя инвестиции, торговлю, иммиграционные процессы и «дипломатию

**Формы и составляющие
неограниченных военных действий**

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ	НЕБОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПОДРЫВНОГО ХА- РАКТЕРА	ВРАЖДЕБНЫЕ ДЕЙСТВИЯ
Атомная война	Дипломатическая война	Финансовая война
Война с применением обычных вооруженных сил	Война в информационных сетях	Торговая война
Война с применением биохимического оружия	Разведывательная война	Война ресурсов
Экологическая война	Психологическая война	Война посредством манипуляций экономической помощи
Война в космосе	Война тактик	Война путем воздействия на системы управления
Электронная война	Война с использованием контрабанды	Война с использованием санкций
Партизанская война	Война с использованием наркотиков	Война с использованием средств массовой информации
Война с применением террористических методов	Виртуальная война (война на устрашение)	Идеологическая война

улыбок». США не имеют возможности воспрепятствовать этому. И они проигрывают в китайской игре. Они не могут остановить подъем Китая». Ши Иньхун имеет в виду попытки Китая изменить правила борьбы за лидерство в Вос-

точной Азии в обход США, не конфликтуя с ними напрямую. Это выглядит так, как будто, например, США имеют непобедимую команду по теннису и Китай предпочитает не тягаться с ними в этой игре, пытаясь убедить Восточную Азию в том, что настольный теннис, сулящий реальные надежды на победу, и является самой важной игрой. Умело используя свое политическое «обаяние», Китай вытесняет американцев из таких стран, как Южная Корея, но поскольку эти действия осуществляются под разговоры о многополярном мире и мирном сосуществовании, то они не вызывают тревогу у соседей Китая.

Куда держит курс Китай?

Китай похож на гигантскую машину времени, охватывающую столетия, проведенные в бесконечных размышлениях о преумножении своей мощи. Подобно Европе, у него имеется много характерных черт, присущих XXI веку. Лидеры страны проповедуют доктрину стабильности и социальной гармонии. Когда в Пекине говорят на тему укрепления военной мощи, то предпочитают делать это в смягченных, а не жестких тонах. Китайские дипломаты призывают к многосторонним, а не односторонним отношениям. Формируя объединения государств и расширяя свое влияние на новые регионы, пекинские стратеги больше рассчитывают на торговые отношения, чем на военные методы. Но Китай равным образом чувствует себя «как дома» и в силовой системе XX века, созданной США как бы для себя. Так, он инвестирует в модернизацию военной промышленности, защищает свой

суверенитет, с националистическим рвением проводит линию на воссоединение с Тайванем.

Вместе с тем в XX веке самая многочисленная нация в мире оказалась вопреки заявлениям ее руководителей о мирных намерениях в достаточно нелепом положении, так как повсеместно преобладал страх перед врагами, в число которых были занесены и маленький остров с населением в 20 миллионов человек, и самый мирный житель в мире («олицетворявший угрозу Далай Лама»), а также секта, известная в основном тем, что в ней проводятся занятия в духе «тайцзи» и практикуется вегетарианство («Фалунь Гун»). Навязчивыми утверждениями о необходимости принятия ответных мер в связи с возможным объявлением Тайванем своей независимости оправдывался рост военных расходов, выражавшихся в двузначных цифрах, и размещение семисот ракет. Частично из-за опасения того, что Тайвань может быть введен в заблуждение смягчением пекинской позиции, и было решено оставить риторику «мирного восхождения». В то же время Тайвань является только одним из «пяти ядоносных факторов», способных, как опасаются китайцы, привести к развалу их государства; к другим причисляют сепаратистов Тибета, Монголии, провинций, граничащих с Кореей, и из мусульманского анклава в Синьцзяне. Многие вопросы, вызывающие в настоящее время напряженность в отношениях между Китаем и Западом, — борьба за источники энергии, политика Китая в Африке, позиция по ядерной тематике применительно к таким странам, как Иран и Северная Корея, — могут быть определенным образом улажены путем взаимных уступок с обеих сторон. Однако, несмотря на все разговоры о многополярном мире, «доброй силе» и независимости, чрезмерная сосредоточен-

ность Китая на тайваньском вопросе препятствует ему реально воспринимать будущее в эпоху глобализации. Всякий раз, когда я слышу рассуждения китайских стратегов по поводу маленького острова (Тайвань), мне вспоминаются слова Майкла Корлеоне из «Крестного отца»: «Как только я подумаю, что уже вышел из игры, они опять возвращают меня в дело».

Для нации, фактически закрепившей за собой особые отношения к исторически длительным периодам времени, китайские интеллектуалы проявляют удивительную робость в оценках ближайшего будущего Китая. Когда им напрямую задается вопрос о том, на что будет похожа китайская «сверхдержава», они пытаются уклониться от ответа, торопливо излагая перечень актуальных внутренних проблем и утверждая, что на их решении будут сосредоточены все силы страны. Вместе с тем в своих более искренних суждениях китайские эксперты в области внешней политики склоняются к следующим двум возможным вариантам развития событий.

Так, либеральные интернационалисты вроде Чжэн Бицзяня или Цинь Яцина предпочитают говорить о путях воссоединения Китая с остальным миром, ссылаясь на то, что он постепенно воспринимает общие международные нормы и стремится вносить позитивный вклад в глобальный миропорядок. «Знаете ли вы, сколько раз председатель Мао ездил за границу в период своей бытности президентом?» — спросил меня один из них в ходе моего недавнего визита в Пекин. «Только два раза — в Москву в 1950 году и снова туда же в 1957 году. А знаете ли вы, сколько визитов за границу совершил Ху Цзиньтао только в этом году?» Подобные вопросы носят риторический характер, поскольку даже мой друг был сбит с толку голо-

вокругительным графиком зарубежных поездок Ху Цзиньтао. Только за последнюю неделю можно было заметить, как одетый с иголки китайский президент провел встречи с лидерами более чем десяти стран, включая Алжир, Бразилию, Канаду, Францию, Индию, Японию, Малайзию, Швейцарию и США. Голос Китая слышится повсюду — от Дарфура до Тегерана, от Каракаса до Гаваны, от Пхеньяна до Дели, от Хараре до Луанды. Ненасытная потребность страны в энергоресурсах и природном сырье, а также поиск новых рынков побуждает президента колесить по всему свету, словно заядлого путешественника, увлекшегося накоплением бонусов от авиакомпаний; в результате же все эти усилия трансформируются в столь необходимые Китаю ресурсы.

Поскольку, по мнению упомянутых китайских экспертов, Китай все более открывается миру, то он одновременно во все большей степени вовлекается и в решение глобальных мировых проблем. В последнее время Китай принимает активное участие в шестисторонних переговорах по вопросам ядерной программы Северной Кореи; совместно работает с Европейским Союзом, Россией и США по иранской теме; занимает конструктивную позицию на конференции в Ванкувере по проблемам изменения климата; четыре тысячи миротворцев были доставлены для участия в операциях ООН. Даже в отношении вопросов, по которым Китай расходится во мнениях с Западом — таких, например, как правомочность гуманитарных интервенций, — китайская позиция становится более терпимой. Когда Запад заявил о своем намерении вмешаться в дела Косово, Китай выступил против этого, утверждая, что подобные действия противоречат «принципу невмешательства во внутренние дела государств».

При голосовании по Ираку Китай воздержался. По вопросу Дарфура Китай после блокирования действий ООН в течение многих месяцев, как ни удивительно, проголосовал за мандат миротворческих сил. Это случилось, когда Китай стал председательствовать в Совете Безопасности. Многие в Китае говорят, что Пекин постепенно отходит от своей позиции по вопросам суверенитета, чтобы незаметно приблизиться к возможности вмешательства в дела других на базе отстаивания гуманитарных принципов.

С другой стороны, неокommунисты, такие как Янь Сюэтуン, открыто признают, что они используют новые теории для содействия реализации Китаем его устремлений, сформировавшихся еще в древние времена. Долгосрочная цель Яня — увидеть, как Китай возвращает себе статус великой державы и устанавливает мировой порядок согласно своему собственному видению. Наряду со многими китайскими учеными Янь Сюэтуン с маниакальным пристрастием изучает древние философские школы: «Недавно я перечитал все книги, написанные учеными древнего Китая, и обнаружил, что люди того времени необычайно разумны — их идеи значимы в гораздо большей степени, чем современные теории международных отношений».

Наибольший интерес для Яня представляет определение, данное древними китайскими учеными, двум вариантам миропорядка, обозначенным по-китайски терминами «Ван» и «Ба». Система «Ван» сформирована вокруг доминирующей сверхдержавы, но превосходство ее в большей степени базируется на милостивом правительстве, а не на методах принуждения или территориальной экспансии. Система же «Ба», напротив, является классиче-

ским примером «гегемонии»; в таких условиях наиболее сильные нации навязывают выгодный им порядок «периферийным» странам силовыми методами. Янь объясняет, как в древние времена Китай использовал обе эти системы: «В пределах китайской Азии мы придерживались системы «Ван». За ее границами во взаимоотношениях с «варварами» мы следовали линии «гегемонии». Это можно было сравнить с политикой, проводимой сегодня Соединенными Штатами. Они реализуют систему «Ван» в своих отношениях с клубом западных стран, и там не используется военная сила или практика «двойных стандартов». Однако на мировой арене в целом США апеллируют к военной мощи как «держава-гегемон» и постоянно применяют «двойные стандарты»».

Целью Янь Сюэтуна является воссоздание в Азии системы «Ван» на основе справедливости и соблюдения законных прав азиатских субъектов международного права. Для Китая проблема заключается в том, чтобы претворять в жизнь свои устремления без провоцирования военных конфликтов с Японией или Индией. Пояснения Янь Сюэтуна касаются центральных аспектов данной проблемы. «Причина, способная побудить другие страны принять наш подход, выражается в том, что мы будем его осуществлять путем рациональной внутренней политики, создавая образцовое общество, отвечающее чаяниям людей. Мы пока еще далеки от такого общества. В настоящее время наиболее привлекательные аспекты, ассоциирующиеся с Китаем, обусловлены его экономической мощью, но так не может длиться вечно. Фетишизация денег не обладает достаточно действенным стимулирующим эффектом. Людям нужны моральные ценности». При этом не высказывается, но подразумевается, что Китаю придется сменить

свою политическую систему, чтобы суметь стать «сверхдержавой». Янь Сюэтун вероятнее всего согласен с тем, что Китаю будет весьма трудно вписаться в мировые правовые нормы и правила без либерализации своей политической системы. Но воспримет ли, например, Япония даже при этих условиях систему «Ван», проводимую под руководством Китая? Янь Сюэтун убежден в том, что события будут развиваться следующим образом: «Япония не будет способствовать такого рода взаимоотношениям, однако с течением времени «китайский клуб» станет настолько мощным, что Япония захочет присоединиться к нему. Эта ситуация будет напоминать взаимоотношения Великобритании и Европейского Союза — партнеры по расчету». Согласно мнению Янь Сюэтун, когда Китай станет более мощным, он должен будет сделать выбор между двумя вариантами: «Он может примкнуть к западной системе «Ван». Но тогда ему придется изменить свою политическую систему. Запад ведет дискуссии на эту тему, но я не думаю, что они действительно верят в такую возможность. Другой выбор для Китая — создать свою собственную систему».

Трения между либеральными интернационалистами и неокommунистами в определенной мере можно рассматривать как современный вариант противостояния между течениями буржуазного и революционного толка в области внешней политики в эпоху Мао Цзэдуна. По прошествии последующих пяти лет Китай, несомненно, станет буржуазным государством. Пекин уже решил присоединиться с некоторыми оговорками к глобальной системе мировой экономики и ее институтам. Основной целью при этом является усиление своего влияния на них. Это позволило бы ограничить свободу действий США и создало условия

для мирного развития. Но в долгосрочной перспективе некоторые китайские ученые надеются на осуществление глобального переустройства мира согласно их представлениям. Задача состоит в том, чтобы избегать конфронтации в период проведения базовых реформ. Примерно так же, как реализуются планы в области внутренней политики, предполагается создавать и образцовые зоны «альтернативных возможностей»; в них будут преобладать китайские ценности и правила, в большей мере определяющие ход событий, чем западные нормы. Рассматривая ситуацию с этой точки зрения, можно аллегорически утверждать, что Шанхайская организация сотрудничества и Сообщество стран Восточной Азии воплощают в себе концепции «раскрашенных зебр», но уже в обратном порядке. Внешне они выглядят как организации многосторонней интеграции по западному образцу — например, как Европейский Союз. Однако в действительности они олицетворяют суть китайского подхода к мировому порядку, где государственный суверенитет определяется как главенствующая категория и права государств проводить свою политику, не подвергаясь влиянию со стороны внешних сил, ценятся выше, чем права живущих в них граждан.

ВЫВОДЫ

Китайский мир за Великой стеной

В последнее время часто дискутировали о том, «как следует относиться к подъему Китая»... Это вселяло в нас чувство понимания и владения ситуацией и позволяло действовать с позиции «отеческого, покровительственного» превосходства. При надлежащем руководстве и сохранении спокойствия с нашей стороны огромный китайский корабль может быть без инцидентов заведен в гавань и поставлен на якорь... Но разве не может быть так, что Китай не хочет интегрироваться в мировую политическую систему и структуру глобальной безопасности, в формировании которых он ранее не принимал участия? Вероятно, Китай, как и все прошедшие в прошлом динамичный путь развития государства, включая сами Соединенные Штаты, хотел бы изменить систему международных отношений в своих собственных интересах так, чтобы она соответствовала их новым возможностям...

*Роберт Кэган, «Вашингтон пост»
15 мая 2005 года*

На Западе активно обсуждается возможность оказания влияния на процесс подъема Китая. Каким же образом

можно «приспособить, подготовить к жизни в мировом сообществе или принудить» Китай постепенно стать похожим на западные страны? Как при этом сможем мы обеспечить безопасность в мире многосторонних институциональных организаций, демократии и правопорядка? Неизменные дискуссии по этим вопросам, проводимые дипломатами и государственными деятелями различного уровня, призваны успокоить общественность, убедить всех нас в том, что мы можем целенаправленно влиять на развитие Китая. Представляя ситуацию подобным образом, мы убеждаемся, что с помощью умелых и рассудительных действий можно содействовать строительству нового Китая в соответствии с нашими взглядами по этому вопросу. Но только немногие западные деятели понимают, что их озабоченность в отношении резкого подъема Китая воспринимается в Пекине в зеркальном отражении. Среди китайских ученых и государственных деятелей ведутся жаркие споры по поводу того, как надо реагировать на проявления упадка, наблюдающиеся на Западе; каким образом, задаются вопросом китайские эксперты, лучше всего скорректировать поведение западных держав в целях продвижения китайских интересов и ценностей в мире?

Эта полемика переросла в открытые дискуссии в 2006 году после публикации в одной из газет вызывающе дерзкой статьи Ван Ивэя — молодого ученого из Фуданьского университета. Поставленный им вопрос — «Как мы можем не допустить слишком быстрого упадка США?» — вызвал горячий отклик как у «неокоммунистов», так и у либеральных интернационалистов. Один из коллег Ван Ивэя по Фуданьскому университету — Шэнь Динли — сформулировал данную проблему еще более остро: «Задавали ли мы себе вопрос о том, что случится с миром, если Америка придет

в упадок? Способны ли Китай, Россия, Европейский Союз, Германия или Япония обеспечивать мир продукцией массового потребления, как это делает Америка, или создавать международные политические и экономические институты?» По твердому убеждению Шэнь Динли, Пекин еще не готов для исполнения первых ролей на мировой арене, поэтому его задача должна заключаться в том, чтобы «сформировать из Америки страну, более контролируемую и более готовую к сотрудничеству с остальным миром». Для достижения этой цели Китаю следует использовать сочетание мер, направленных как на взаимодействие, так и на сдерживание. Концепция, предусматривающая оказание на США влияния, способного превратить эту страну в «ответственную» державу, несомненно, является как бы зеркальным отражением американского подхода к самому Китаю.

Подобные дебаты показывают, что подъем Китая представляет собой не просто механический процесс, подлежащий «деликатному» контролю со стороны западных политических стратегов. Китай будет сам стараться активно влиять на Запад, даже когда тот будет пытаться манипулировать поведением Китая. Кроме того, феноменальные темпы экономического роста, воплотившиеся в усилении глобальных позиций Пекина, происходят в режиме, не поддающемся «деликатному» контролю, и, более того, приносят на своем шлейфе непредсказуемые последствия. В 2005 году моих друзей в Пекине сильно взволновала статья в журнале «Экономист»; заголовок ее — «Как Китай управляет мировой экономикой» — был вынесен на обложку издания. В статье утверждалось, что «в развитых странах в предстоящие годы уровень инфляции, основная процентная ставка, размеры заработной платы

и доходов, цены на нефть и даже внутренние цены будут во все более возрастающей степени определяться понятием «сделано в Китае»». Но всего через два последующих года масштабы экономического влияния Китая на мир уже не являются «свежей» новостью. Видимо, вскоре можно ожидать появление на обложках западных журналов названий, звучащих, как «Китай управляет мировой политикой». Я уже могу представить редакционные статьи, утверждающие, что мировая политика в целом ряде ее аспектов, в том числе касающихся борьбы с изменением климата и укреплении режима нераспространения ядерного оружия, соблюдения прав человека и борьбы с бедностью, будет определяться в Пекине. «Китайские идеи по устройству миропорядка», озвученные в этих статьях, произведут немалый эффект на наш внешнеполитический курс. Ситуация окажется схожей с той, которая сложилась в нашей экономике после «вторжения» дешевого экспорта из Китая.

Мир, устроенный по китайской схеме

Подъем Китая проявился прежде всего в том, что предсказываемая многими экспертами «универсальность либеральной демократии по западному образцу» попала под сомнение. Китайское государство, в котором проживает одна пятая населения всей планеты, словно «соскочило» со своего рода конвейерной ленты, несущей его в направлении политическо-экономической модели западного типа. Даже если остальная часть мира будет продолжать свое развитие, невзирая ни на какие изменения, обозна-

ченный поворот сам по себе ниспровергает предсказание Фрэнсиса Фукуямы о «конце истории».

Следующая фаза развития Китая может стать даже более впечатляющей. Первые тридцать лет осуществления программы реформирования КНР были в основном посвящены: вхождению Пекина в мировое сообщество; заимствованию и усвоению «ноу-хау» Запада в экономической и политической областях, а также в сфере внешней политики. То, что принесут следующие тридцать лет, будет определяться тем, как более уверенный в себе Китай сможет усилить свое влияние в мире и к чему приведут его попытки преобразовать мировой порядок. Для правительств в странах Африки, Центральной Азии, Латинской Америки и даже Ближнего Востока подъем Китая означает, что выбор более не ограничивается лишь двумя вариантами — ассимиляцией с Западом или изоляционизмом. Конечно, Китай не создаст «новый мировой порядок», соответствующий его представлениям. Но он может представить некую альтернативу и заинтересовать концепцией, не противоречащей попыткам Соединенных Штатов установить некоторый баланс сил, выражающийся в наличии благоприятных условий для демократических течений и на поддержку стремления европейских стран к плюрализму, допускающему терпимое отношение к надеждам исламистов на теократическое правление.

Идеи, возникающие в Китае по поводу глобализации, связаны между собой через вопрос о том, как будет осуществляться контроль. Китайские идеологи хотят смоделировать такой мир, где национальные правительства могли бы сами решать свою судьбу, не подчиняясь прихотям глобального капитала или американской внешней политики. Они считают, что Китай нуждается в инвести-

циях, технологиях и рыночных возможностях в остальных частях света, где его присутствие еще не столь заметно; вместе с тем не принимается система ценностей Запада. Их целью скорее является не отказ Китая от участия в мировых делах, а обеспечение вхождения страны в глобальный миропорядок на условиях, учитывающих национальные интересы. Другими словами, для них неприемлема ситуация, в которой Китай оказался бы под катком глобализации. «Капитализм на берегах Желтой реки», «Коллегиальная диктатура» и «Всеобъемлющая национальная мощь» — эти концепции заложены в основу новой китайской философии глобализации. Ориентированы они на восстановление возможностей национальных государств контролировать свою экономику, определять собственные принципы поведения и проведения самостоятельной внешней политики. Китайские лидеры шаг за шагом уже реализуют эти идеи в рамках строительства альтернативного мирового порядка — «Китайского мира за Великой стеной».

Притоки Желтой реки

Весной 2007 года президент Ху Цзиньтао с гордостью объявил о создании новой «специальной экономической зоны». В переполненном зале, где проходила пресс-конференция, журналисты, пишущие на темы бизнеса, и корпоративные лидеры просто засияли, когда Ху заявил, что условия благоприятные для экспортных субсидий, налоговых льгот, а также инвестиций в дорожное строительство, железные дороги и судостроение будут распростра-

няться на всю территорию новой промышленной зоны. Однако упомянутая «специальная экономическая зона» существенно отличается от предыдущих. Она будет располагаться ни на восточном побережье Китая, ни на его западных равнинах. Будущий аванпост китайского капитализма должен быть построен в сердце Африки, в районе медных рудников Замбии. Стоя рядом с президентом Ху Цзиньтао, замбийский лидер Леви Мванаваса объявил о том, что «на создание «специальной экономической зоны» в Чамбиши Китаем будет инвестировано в экономику Замбии 800 миллионов долларов США. Выделяемые средства обеспечат поддержку экономического развития Замбии в течение длительного времени». «Специальная экономическая зона» в этой африканской стране является только первой из пяти зон, которые Китай собирается построить в Африке. Подобным путем Пекин продвигает далеко за пределы своих рубежей методы строительства капитализма, уже апробированные на берегах Желтой реки.

Китай буквально трансплантирует свою модель развития на африканский континент. Он создает серию промышленных центров с особым режимом налогообложения, планируя связать их железными и автомобильными дорогами, а также судоходными линиями с остальным миром. Замбии предстоит стать основным африканским поставщиком металла в Китай и обеспечивать его потребности в меди, кобальте, олове и уране, а также алмазах. Вторая зона должна быть открыта на Маврикии и служить для Китая торговым центром, предоставляющим для более чем сорока направлений китайского бизнеса привилегированный доступ к торговым структурам двадцати одного члена Общего рынка стран Восточной и Южной Африки,

куда входят государства от Ливии до Зимбабве. Кроме того, будет обеспечен свободный доступ к Индийскому океану и рынкам Юго-Восточной Азии. Третья зона — центр судоходства — вероятнее всего разместится в столице Танзании Дар-эс-Саламе. В то же время Нигерия, Либерия и острова Зеленого Мыса активно конкурируют между собой за право размещения у себя оставшихся двух зон из африканского проекта Пекина.

Параллельно с созданием указанных зон Пекин рассчитывает приступить к строительству на африканском континенте сети новых автомобильных трасс и железнодорожных путей. Так, железная дорога под названием «Танзам», построенная Китаем в 70-х годах для связи Замбии с Танзанией, в настоящее время реконструируется, как, впрочем, и магистраль «Бенгуэла», соединяющая Замбию с богатой нефтью Анголой. Как отметил один южноафриканский политик: «Даже многочисленные бывшие колониальные державы не имеют в Африке обязательств по столь масштабному инвестированию в инфраструктуру африканского континента и вероятнее всего вообще не могут позволить себе подобные проекты». Многие бывшие колониальные державы вынуждены отойти в сторону под давлением китайских интересов в Африке. В ноябре 2006 года сорок восемь лидеров африканских стран собрались в Пекине на саммит, организованный президентом Ху Цзиньтао. На этом тщательно подготовленном саммите китайский президент сделал все, чтобы представить в невыгодном свете западные страны; так, он объявил, что китайская помощь африканскому континенту увеличится в два раза к 2009 году (на год раньше срока, которого добивались Боб Гелдоф и Боно от западных правительств в ходе встречи «Большой восьмерки»); для Африки будет создан инвестиционный

фонд, достигающий 5 миллиардов долларов; еще 5 миллиардов долларов будут направлены конкретным странам на обеспечение преференций и инвестиционных кредитов; будут отменены долги тридцати двух африканских стран и предоставлены стипендии тысячам студентов; планируется также строительство сети школ и больниц по всему континенту.

Более существенным, чем просто обращение к умам и сердцам африканцев, является то обстоятельство, что само китайское присутствие на континенте изменяет характер экономического развития стран Африки. Международный валютный фонд и Всемирный банк привыкли вгонять в трепет правительственных чиновников и избранных демократическим путем лидеров. Примечательно, что авторитетный эксперт по вопросам развития Джеффри Сакс охарактеризовал Международный валютный фонд как эрзац — правительство, чьи официальные представители, оказывающие влияние на принципиальные решения, постоянно находились при руководящих структурах семидесяти пяти развивающихся стран, «редко принимавших решения без консультаций с представителями МВФ; когда же лидеры этих стран поступали иным образом, они рисковали тем, что их отлучат от рынков капитала, возможностей пользоваться иностранной помощью, кроме того, ставилась под угрозу международная репутация их стран». В настоящее время представители МВФ добиваются права влиять на экономическую ситуацию даже в самых бедных странах Африки. Так, МВФ в течение ряда лет вел переговоры с правительством Анголы о достижении соглашения по обеспечению «прозрачности» финансовых операций, и буквально за несколько часов до подписания данного документа власти Луанды объявили о том, что они больше не заинтере-

сованы в средствах Фонда. Дело в том, что правительство Анголы уже получило льготный кредит от Китая на 2 миллиарда долларов. Подобные истории повторяются по всему африканскому континенту — от Алжира до Чада, от Эфиопии до Нигерии, от Судана до Уганды, от Замбии до Зимбабве.

С учетом изменения баланса экономических сил в мире сокращающийся объем средств МВФ кредитного назначения (в размере 35 миллиардов долларов) кажется чрезвычайно несолидным на фоне китайских активов в размере 1,3 триллиона долларов. В такой ситуации самые влиятельные мировые агентства, проявившие себя в сфере развития, включились в борьбу за укрепление своих позиций на фоне роста конкуренции со стороны Китая. Не приемля строго оговоренных позиций так называемого «Вашингтонского соглашения», многие африканские страны с воодушевлением перенимают опыт, наработанный при строительстве капитализма на берегах Желтой реки. В то время как статьи «Вашингтонского соглашения» направлены против государственного вмешательства в экономику — в поддержку приватизации, прав собственности и методов «шоковой терапии в экономике», капитализм Желтой реки стимулирует использование общественных средств для проведения инновационных преобразований, усиления защиты общественной собственности и проведения постепенных реформ в «специальных экономических зонах».

Темпы распространения китайской модели развития затрагивают не только Африку. В своих поисках путей воспроизведения экономических успехов Китая такие отличные друг от друга страны, как Бразилия, Россия и Вьетнам,

пытаются копировать активную индустриальную политику Пекина, предусматривающую использование общественных средств и привлечение иностранных инвестиций для создания капиталоемких отраслей промышленности. Эти страны уже отказались и от другого принципа «Вашингтонского соглашения» — программ приватизации, запущенных ими в действие в 90-х годах; были свернуты темпы, а иногда даже сменен вектор направленности. Подобно Китаю они сохраняют контроль за секторами экономики, по их мнению, являющиеся жизненно значимыми для их национальных интересов, сфера которых весьма обширна и включает энергетику, сельскохозяйственное производство и даже коммунальные услуги. Как и Китай, они верят в то, что эффективно управляемые государственные предприятия могут приносить значительную прибыль для их стран и заработанные таким образом средства могут быть направлены на решение политических и социальных задач. Поддерживая свои государственные предприятия, правительства также имеют возможность предотвращать усиление влияния со стороны политически независимых предпринимателей, потенциально способных поколебать экономические основы страны. Можно привести ряд причин, препятствующих реализации «Вашингтонского соглашения» — последствия финансовой неразберихи в России, Латинской Америке и Азии; экономическая свобода, реализуемая лишь нациями, обладающими огромными сырьевыми ресурсами при росте цен на продукцию; избрание лидеров популистского толка во многих странах мира. Однако не следует забывать, что ошеломляющие достижения Китая в области экономики являются органичной частью общей картины развития мира.

Весьма примечательным моментом является то, что распространение модели капитализма, символизируемой Желтой рекой, происходит гораздо дальше регионов, традиционно являющихся объектом китайских инвесторов. Успех китайской модели постепенных преобразований привел к буму по всему миру в сфере создания «специальных экономических зон». Согласно оценкам Всемирного банка, к 2007 году в ста двадцати странах мира насчитывалось более трех тысяч проектов, осуществляемых в условиях «специальных экономических зон». Большинство из них явно копирует опыт Китая. Китайская модель преобразований вызвала восхищение прежде всего в развивающихся странах мира. Делегации по изучению опыта Китая из различных государств — от Ирака до Египта, от Анголы до Замбии, от Казахстана до России, от Индии до Вьетнама, от Бразилии до Венесуэлы — посещают города и районы страны с целью изучения китайских достижений.

Такой же привлекательностью наряду с темпами подъема Китая обладает и система мер по сохранению контроля над отечественной экономической политикой. В отличие от «азиатских тигров» периода 80-х годов, полагавшихся на экономическую поддержку западных стран, Китай, напротив, сумел освободиться от вмешательства в его дела со стороны различного рода западных агентств по развитию и финансовых институтов. Китай успешно противостоял вербальному давлению Соединенных Штатов по поводу проведения ревальвации китайской валюты, достаточно ясно продемонстрировав, что он будет рассматривать данный вопрос, исходя из своих собственных интересов. Для развивающихся стран, сменивших колониальное правление на диктат со стороны МВФ и Всемирного банка, надежды

на реализацию их планов являются путеводной звездой. Один из нигерийских журналистов, в частности, писал по этому поводу следующее:

«Китайское правительство осознает, что идет на благо для его народа и соответствующим образом формирует свою экономическую стратегию. Причем она не заимствуется из концепции «Вашингтонского соглашения». Китай не позволяет представителям МВФ или Всемирного банка навязывать ему какие-либо программы реформ неолиберального толка... Китайская стратегия не предусматривает отказ от регулирования экономики в угоду превалирующим подходам неолиберального характера, свертывания социальных расходов, приватизации всего и вся и избавления от общественных ценностей, как то проповедуют финансовые институты Запада. В условиях Китая такие понятия, как «дотация/субсидия», не звучат как бранные слова».

В течение многих лет развивающиеся страны ощущали определенный дискомфорт в рамках философии «однополярного мира», реализуемой в контексте «Вашингтонского соглашения». Однако до недавнего времени у них не было апробированной альтернативы, допускающей соединение процесса плавных экономических реформ с сохранением государственного контроля за их ходом и поддержку социальных приоритетов, ставшую возможной благодаря проведению капиталистических преобразований согласно модели Желтой реки. Долгое время считалось, что глобализация принесет всемирный триумф рыночной экономике, но Китай демонстрирует всему миру, что государственный капитализм является одним из самых больших преимуществ его экономической системы.

Коллегиальная диктатура

Поскольку идеи свободного рынка распространились по всему миру, принципы либеральной демократии зачастую следуют в их кильватере. Только за последние тридцать лет более шестидесяти стран выбрали демократические принципы для своего развития. Американский ученый Самюэль Хантингтон назвал это явление «Третьей волной демократизации» (первая волна зародилась в начале XIX века, вторая возникла сразу после Второй мировой войны). Даже последние три года мы могли наблюдать массовые протесты с демократическими лозунгами, проходившие на улицах Грузии, Украины, Ливана и Киргизстана и вылившиеся в так называемые «цветные революции».

Однако власти в Пекине не считают прогресс либеральной демократии чем-то неизбежным и неотвратимым. Я как раз находился в Китае, когда происходили «оранжевая революция» на Украине и так называемая «революция тюльпанов» в Киргизстане. Представители принимающей китайской стороны с недоумением наблюдали за слабовольными попытками Москвы сдержать протесты местного населения и оказать содействие предпочтительным для нее кандидатам. В своей решимости не повторять то, что они оценивают как ошибки России, китайские власти создали отдельное подразделение для критического анализа деятельности в Китае иностранных неправительственных организаций. Одновременно один из ведущих государственных научно-исследовательских центров Китая направил своих экспертов в Узбекистан, Украину, Грузию и Беларусь для оценки роли продемократических

иностранных неправительственных организаций в этих странах и выработки соответствующих мер противодействия. Китайское правительство решило не допускать в своих пределах каких-либо «цветных революций», в связи с чем свертывает деятельность финансируемых из-за границы неправительственных организаций и направляет группы специалистов для обучения государственных структур в других странах Центральной Азии эффективным методам борьбы с массовыми беспорядками.

В настоящее время в среде сторонников западной демократии обсуждается в основном негативная реакция целого ряда правительств на распространение демократии в мире. Американская неправительственная организация «Фридом хаус» ввела в обращение термин «стагнация свободы» для привлечения внимания к тому факту, что число «свободных» стран в мире не увеличивается. Неправительственная организация «Национальный вклад в дело демократии» употребляет выражение «эффект охлаждения» для характеристики мер по противодействию демократии и наведению тем самым страха на целые группы сочувствующих и активистов в различных странах, а также значительно осложняет им получение и использование международной помощи и проявление солидарности при продвижении демократических ценностей. Ведущие обозреватели, пишущие на темы демократии, такие, как Томас Карозерс, характеризуют «отход» от демократии как меры, инициируемые автократическими правительствами по подавлению свободных средств массовой информации, институтов гражданского общества и движений, борющихся за соблюдение прав человека.

Само собой разумеется, что все сказанное не обусловлено только действиями Китая. «Программа содействия

демократии», проводимая администрацией президента Буша, увязшей в продвижении демократии и сменой режима в Ираке, подрывает развитие процесса демократизации законным путем и дает повод заинтересованным правительствам обрушиться с репрессивными мерами на правозащитников и демократических активистов. Президент России Путин возглавил наступление на средства массовой информации и политические свободы в своей стране и поддержал режимы на территориях бывшего Советского Союза, принявших аналогичную тактику. Многие недавние события, связанные с отходом от демократических принципов, такие, как военный переворот в Тайланде и Конго (Браззавиль), имеют мало отношения к политике Китая. Однако Китай несет определенную долю ответственности за наметившуюся тенденцию.

Даже если бы КНР не предпринимала никаких действий в мировом масштабе, сила китайского примера сама по себе представляет собой главный вызов всем поборникам демократии. Эффектный контраст между результатами, осуществляемыми Китаем курсом и последствиями распада Советского Союза, дал основания для широкого распространения мнения о том, что экономические реформы должны предшествовать реформам в политической области. Такого рода «миф о последовательности этапов» стал главным препятствием для сторонников демократического пути. В результате было ослаблено давление на многие страны, побуждавшее их к либерализации своих политических систем. Еще более дезориентировало то, что успех Китая в области экономики, безусловно, поставил под сомнение тезис о том, что демократия является залогом подъема государства. Даже агентства по оказанию помощи в демократических странах, например, такие, как Департамент

по международному развитию в Великобритании, открыто признают отсутствие явных свидетельств того, что демократия способствует экономическому подъему. И в случае, если недавно проведенные в Китае эксперименты с «коллегиальной диктатурой» и «общественными консультациями» докажут свою эффективность в повседневной жизни, то диктаторские режимы по всему миру воспрянут духом и поддержат модель, позволяющую государству с однопартийной системой выживать в эру глобализации и массовых потоков информации.

Многие спорят по поводу того, проводит Китай активную политику по распространению автократии по всему миру или он просто придерживается нейтрального, с моральной точки зрения, подхода, отвечающего в первую очередь его национальным интересам. Так или иначе, на пути установления политических и экономических связей с проблематичными режимами Китай проявил себя как крупнейший поборник автократии в мире. Активисты движения «По наблюдению за соблюдением прав человека» жалуются на то, что «увеличивающиеся в объемах китайские программы помощи зарубежным странам предоставляют диктаторским режимам новые возможности для выживания в отличие от предыдущих периодов, когда они в значительной степени зависели от сторонников прогресса в области прав человека». Китайская поддержка выходит далеко за рамки постоянно возрастающей, щедрой экономической помощи. Пекин предлагает дружеским режимам политическую поддержку в Совете Безопасности ООН, оказывает помощь в обучении антиповстанческих сил и даже предоставляет доступ к оборудованию для подслушивания и слежения за оппонентами.

В Зимбабве китайское правительство оказало поддержку президенту Мугабе в политической, военной и технической областях. Китайцы воспрепятствовали попыткам рассмотреть на заседании ООН проведенную президентом Зимбабве «операцию по очистке от отбросов», превратившуюся в массовое изгнание из своих домов семисот тысяч беднейших городских жителей. Пекин также предоставил Мугабе технологии по упрочению автократических методов правления, поставив ему оборудование для подавления радиосигналов, отслеживания сообщений по электронной почте и разгона демонстраций. После репрессий, проведенных правительством Узбекистана в отношении сотен протестующих демонстрантов в Андижане в 2005 году, президент страны Ислам Каримов удостоился приема в Пекине на высочайшем уровне, с расстиланием перед ним красного ковра; был также подписан нефтяной контракт на 600 миллионов долларов и сделаны предложения по подготовке полицейских сил специально для разгона массовых манифестаций.

Китай является самым крупным инвестором в Бирме, и его правительство поддерживает все более ужесточающий свою политику деспотический режим в Мьянме путем предоставления ему экономической помощи, осуществления инвестиций и передачи военных технологий. Китай обеспечивает низкопроцентные займы для бирманского правительства, а в июне 2006 года ссудил 200 миллионами долларов пять не названных правительственных министерств. Пекин также обеспечивает на 90 процентов вооружением бирманскую армию и предоставил Мьянме 1,6 миллиарда долларов в качестве военной помощи и финансирования проектов по технической модернизации. Китай направил в Мьянму группы своих советников, чтобы

убедить власти в необходимости проведения политических реформ в целях ослабления международного давления на страну. Согласно одному информированному источнику, «такие действия вероятнее всего рассчитаны на то, чтобы побудить к заимствованию целого ряда важных компонентов из китайской системы государственного устройства, и, возможно, направлены на принятие подхода ВСНП (Все-китайское собрание народных представителей) к вопросу о парламентской демократии». Китайские действия не просто предотвращают падение, они призваны также повлиять на позицию Индии в плане пересмотра ее прежней политики, направленной на изоляцию Мьянмы, так как Дели озабочены возможностью попадания Мьянмы в сферу китайского влияния.

Китай не собирается идти до конца в деле поддержки падающих режимов. Реагируя на давление с Запада, Пекин меняет свою тактику в отношении Судана, Зимбабве и Бирмы. Но это лишь тактические шаги, и они не влияют на фактическое положение дел, свидетельствуя только о том, что Китай никогда не будет поддерживать выборы на многопартийной основе и защищать права человека. Собственно, с какой стати им соблюдать права человека в других странах, если они отрицают такую возможность для своих граждан?

Всеобъемлющая мощь нации

«Должно быть, это подчас создает проблемы и раздражает, когда к вам обращаются по любому вопросу, апеллируют в каждом случае кризисной ситуации, когда от вас

всегда и повсюду ожидают незамедлительных действий». В таком ключе бывший британский премьер-министр Тони Блэр обратился к американскому народу в 1999 году, когда в Косово бушевал геноцид. Он адресовал свой призыв к действиям только той нации, которая могла остановить убийства в том регионе. «Акты геноцида никогда не могут рассматриваться только как внутреннее дело», — заявлял он, намечая в общих чертах свою «новую доктрину мирового сообщества», призванную уполномочить влиятельные государства защищать граждан других стран от массового нарушения прав человека. Вместе с тем, учитывая трудности, с которыми столкнулись США в Ираке и Афганистане, сегодняшние борцы за урегулирование глобальных вопросов мироустройства все в большей степени обращают свое внимание на Пекин. Совсем неудивительно, что Китай призывают к участию в решении проблем, связанных с соседними с ним странами, такими, как Северная Корея или Бирма, но кто же может рассчитывать на то, что Китай встанет в первые ряды активных участников дискуссий, касающихся изменения мирового климата, ядерной программы Ирана или земельной реформы в Зимбабве? К самому драматичному выводу можно прийти, анализируя причастность Пекина к бушующему в Дарфуре конфликту.

В июле 2007 года американский конькобежец и обладатель олимпийской золотой медали Джо Чик возглавил делегацию, пришедшую к посольству Китая в Вашингтоне. Он заявил, что отношения Пекина с Хартумом «дают Китаю благоприятную возможность предпринять эффективные действия, которые никто другой в мире не может осуществить, и проявить себя в полном смысле слова в качестве супердержавы, к статусу которой Китай так стре-

мится, и показать, что он может справиться с задачей, непосильной для западных стран». Пекин испытывает давление, побуждающее его воздействовать на суданское правительство. Ведь кроме того, что Китай поставляет Судану оружие, он закупает две трети объемов суданской нефти; 6 миллиардов долларов инвестированы им в промышленность страны. Еще более существенным представляется то обстоятельство, что Китай, активизирующий дипломатические усилия как по проблеме Дарфура, так и в Организации Объединенных Наций, борется с попытками введения против Судана санкций и выдачи мандата на действия миротворцев ООН (Совет Безопасности ООН смог только ввести визовые запреты и блокирование авиаров четырех деятелей не самого высокого уровня по причине их участия в конфликте, унесшего жизни четырехсот тысяч человек и породившего два миллиона беженцев).

Китай придерживается одностороннего подхода к проблеме Дарфура. Подвергаясь критике за так называемое «финансирование геноцида», Пекин пытается снять обвинения в неконструктивности своей политики в этом регионе: в 2007 году в Дарфуре был назначен его дипломатический представитель, поддержана идея об осуществлении миссии миротворческих сил ООН в район конфликта, предприняты попытки убедить суданское правительство начать переговоры с силами повстанцев. Однако в то же время Пекин продолжает упорствовать в отстаивании своей линии — «оказывать влияние, но не поддерживать интервенцию», — отказываясь принять санкции против режима и настаивая на том, чтобы миротворческие силы размещались только с согласия суданского правительства. Отношение Пекина к данному кризису выражается в том, что он стремится использовать многосторон-

ний подход в целях усиления собственной роли и сохранения позиций своего суданского союзника. При этом он настаивает на том, что любое решение по данным вопросам должно утверждаться Советом Безопасности ООН (где Китай имеет право вето), и пытается реализовать план по организации многосторонних переговоров. Такие действия напоминают подход Китая к ситуации вокруг Северной Кореи и Бирмы, где Пекин предлагает провести переговоры, преследуя при этом цель создания условий, позволивших бы ему самому определять степень дипломатических усилий, направленных на разрешение существующих проблем, но лишь только в той мере, которая позволяла бы успокоить Запад, но не поставила бы под угрозу автократические режимы, рассчитывающие на поддержку Китая.

Китайский подход к проблеме Дарфура свидетельствует о том, что не соответствующая духу времени философия «китайского мира за Великой стеной» может вызвать коренные изменения в геополитике. В начале XXI века правительства западных стран и их граждане, находясь под впечатлением от геноцида в Руанде, лагерей террористов в Афганистане и развития ядерной программы Ирана, стали осознавать необходимость интервенций в страны, нарушающие права человека и угрожающие международной безопасности. Однако Пекин твердо решил отстаивать старую идею о превалировании суверенитета, основанную на соблюдении суверенных прав государств. Ее основные положения включают отказ от вторжений в другие страны, от попыток свержения правящих режимов и прежде всего невмешательства во внутренние дела других государств. Взамен предложенной Тони Блэром доктрины «междуна-

родного сообщества» китайцы выдвинули концепцию «всеобъемлющей национальной мощи».

Китай старается расширять сферу реализации своих планов путем интегрирования в многополярную модель мира, интерес к которой возник у него сравнительно недавно. При поддержке Организации Объединенных Наций и путем создания новых региональных организаций Пекин не только изменяет баланс сил во многих частях света, но также подтверждает свою позицию, относясь с уважением к национальным суверенитетам. Европейский Союз и НАТО, созданные западными странами в соответствии с подходом, предусматривающим в большей степени объединение ресурсов и возможностей, а не защиту суверенитета, нашли достойного соперника в лице Сообщества стран Восточной Азии и Шанхайской организации сотрудничества, основанных при содействии Китая. Через эти организации Китай заверяет соседей в своих мирных намерениях и формирует новое сообщество по интересам без участия США. Бывший государственный деятель Соединенных Штатов Сьюзан Ширк провела параллель между практикуемой Китаем многосторонней дипломатией и политикой ее собственной страны после Второй мировой войны: «Соединенные Штаты... смогли убедить другие страны в том, что они не станут для них угрозой и, создавая глобальные институциональные организации с большим количеством участников, сами будут подчиняться руководящим органам этих организаций. Связывая себя обязательствами в плане соблюдения международных норм и правил, Соединенные Штаты преуспели в создании системы гегемонии. Может ли участие Китая в глобальных и региональных многосторонних объединениях привести к таким же результатам и предоставить

Пекину возможность прийти к власти, не вызывая согласованных действий со стороны других участников мирового сообщества по противодействию этому?»

Организация Объединенных Наций превращается в весьма эффективно функционирующий проводник взглядов Китая на мировые проблемы. В отличие от России, ведущей себя вызывающе — пользуясь своими возможностями открыто противодействовать планам США и Евросоюза, — Китай склоняется к выбору для себя позиции, характеризующейся «примиренческим» духом. Пекин готов пользоваться правом вето, когда он считает это необходимым, но он предпочитает прятаться за спины других и блокировать предложения, не вызывая упреков в свой адрес. В период, предшествующий войне в Ираке, Китай, хотя сам и выступал против военной акции, но предоставил другим — Франции, Германии и России — возглавить международный протест против подобных планов. В 2005 году, когда проходили дебаты по поводу увеличения числа членов Совета Безопасности ООН, Китай поддержал африканские страны в их требовании получить для себя место с правом вето, что способствовало эффективному устранению претензии Японии на получение статуса постоянного члена Совета Безопасности. Таким же образом Пекин намеревался содействовать Организации исламских государств в ее стремлении возглавить движение, направленное против недавно созданного Совета по правам человека. Такого рода скрытая дипломатия имела весьма серьезные последствия, проявившиеся в значительном снижении степени влияния США. Так, если в 1995 году Соединенные Штаты собрали в свою поддержку 50,6 процента голосов на Генеральной Ассамблее ООН, то к 2006 году этот показатель упал до весьма незначительных 23,6 процента. Что

касается вопроса о правах человек, то результаты были еще более драматичными: китайский рейтинг взлетел вверх с 43 процентов до 82 процентов, в то время как американский обрушился с 57 процентов до 22 процентов. Корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Джеймс Трауб, аккредитованный от ООН, обнаружил во многих отношениях символические изменения в деятельности ООН: «Изречение, утверждающее, что Совет Безопасности может функционировать постольку, поскольку это позволяют Соединенные Штаты, давно уже стало общим местом. Скоро, видимо, эта формулировка будет применена также и к Китаю». Видимо, Джеймс Трауб прав. Возможности Китая влиять на деятельность ООН постоянно возрастают, и вскоре мы, вероятно, будем выражать недовольство китайской позицией по важным политическим вопросам, а не сетовать на то, что «США поступили именно так, а не иначе».

Китайская модель

В 90-х годах писатель-сатирик Ван Шо вызвал раздражение китайских властей своим бестселлером «Пожалуйста, не называйте меня человеком». В нем он метафорически изобразил Олимпийские игры в Пекине как мероприятие, в рамках которого нации пытаются продемонстрировать возможности своих граждан переносить унижения, а не просто проявить свою спортивную доблесть. В этих фантастических соревнованиях — а в них Китай должен выиграть любой ценой — главный герой романа, в прошлом совершавший правонарушения вело-

рикша по имени Юаньбао, возглавляющий китайскую команду, добивается максимального количества баллов, принимая участие в целом ряде отвратительных соревнований, от питья мочи других соперников до заморозки их живьем в баках для рыбы. Ван Шо безжалостно высмеивает одну из наиболее выраженных навязчивых идей, владеющих его страной, — «сохранение лица». Заканчивает он свое повествование печальной сценой, в которой Юаньбао сдирает свое лицо, чтобы выиграть золотую медаль. Образ стоящего в луже крови антигероя, лишенного своего лица, — держащего в руке содранную кожу над головой в знак триумфа, — стал настолько шокирующим укором стране, погрязшей в мечтаниях о национальном величии, что произведение Ван Шо было в итоге запрещено в ходе государственной кампании против «духовного загрязнения». Страна, изображенная Ван Шо в его романе, привыкла рассматривать мировой порядок как данность, к которой следует приспособиться; получается, что единственная возможность избавиться от чувства унижения, привитого Китаю иностранцами, — это превзойти в нем всех, в том числе и самих себя.

На первый взгляд Пекин, занятый подготовкой к реальным Олимпийским играм 2008 года, возможно, не слишком отличается от образа, созданного Ван Шо в своем романе. Власти рассматривают этот спортивный форум как возможность Китая проявить себя в качестве глобальной супердержавы. Поколение униженных вымостило путь для новой элиты, слышавшей за свою жизнь только об успехах и росте престижа Китая. Что же касается других стран, то там активная реклама Китая приобрела повсеместный характер. Не без ее влияния случилось так, что почти половина лидеров 192 стран мира посетили Ки-

тай в 2006 году и воздали должное растущему гиганту. Однако, несмотря на все эти проявления доверия к китайскому государству, система взглядов Пекина по-прежнему имеет оборонительный характер. Подобно Олимпийскому комитету в изображении Ван Шо, современные китайские философы пытаются изменять правила глобальной конкуренции, чтобы подчеркнуть могущество Китая. Они вовсе не стремятся соревноваться с Западом на существующих условиях. Такого рода защитный подход имеет длительную историю.

Почти все приезжающие в Пекин посещают Храм Неба, чей похожий на декоративный фонарик силуэт возвышается подобно призраку над китайской столицей. Его вид напоминает столичным жителям туманный образ потустороннего мира. Строение с замысловатой структурой, — с конфигурацией, спроектированной в соответствии с космологическими принципами для более точного подражания образу небес, поднимается из нагромождений белого мрамора, словно из облаков, и достигает террасы на уровне Алтаря Неба. Именно здесь император, известный как Сын Неба, проводил обряды жертвоприношений и молился «Высшему правителю вселенной». Такой ежегодный церемониал, проводимый императором, отражал в символической форме принципы мирового порядка в древнем Китае и олицетворял концепцию Поднебесья, или по-китайски «тянь ся». Согласно этим принципам, император буквально находился в центре мирового порядка и его правление не могло иметь ограничений или запретов. Однако даже когда они, согласно установленному порядку, выставляли напоказ собственные непомерные амбиции в своем излюбленном храме, император династии Мин продолжал строительство еще более известного на-

ционального символа — Великой китайской стены. Сам факт открытия внешнего мира и его восприятие неразрывно связаны с необходимостью установления границ страны, способных защитить от влияния варваров, или иностранцев. Династия Мин, подобно любому правящему режиму в китайской истории, была одержима идеей о необходимости сохранения единого централизованного Китая, обособленного от соседей. Сами китайцы считают, что в этом навязчивом стремлении отгораживаться от других проявляется «менталитет Великой китайской стены». Эта озабоченность настолько глубоко проникла в общество, что слилась воедино с национальным образом страны, ее стилем жизни и даже с китайским иероглифическим письмом: поскольку все города Китая окружены стенами, то традиционный китайский дом с внутренним двориком по виду максимально соответствует форме стен, окружающих главное строение, а иероглиф для обозначения «страны» включает четыре соединенные между собой внешние черты, символизирующие стены.

Хотя рост обеспокоенности Китая состоянием средств защиты национального суверенитета и усиление государственной власти происходили в период, когда была актуальной опасность нашествий иностранных государств, подобного рода идеи в настоящее время проецируются и на остальной мир. Сегодня «менталитет Великой китайской стены» проявляется не в принятии мер, направленных на предотвращение нападений со стороны других государств, в первую очередь он подразумевает распространение китайской концепции суверенитета. Это не происходит согласно заранее разработанному генеральному плану. Китай настолько огромен, настолько прагматичен и настолько увлечен достижением поставленных целей,

что его политическому руководству приходится постоянно экспериментировать с новыми методами реализации своих планов. Пекин использует «специальные экономические зоны» для проверки различных вариантов рыночной философии. В настоящее время в стране проходит апробирование тысячи других идей — от учреждения общественных консультаций до создания региональных объединений. Так что неудивительно, что в этой «лаборатории по социальным экспериментам» возник новый взгляд на мир, способный со временем трансформироваться в узнаваемую повсюду «китайскую модель». Высвобождение самого Китая из-под влияния Запада само по себе явилось для остального мира примером развития путем, отличным от западного. В идеале «мир за китайской стеной» обеспечивает национальным государствам возможность торговать друг с другом на глобальном рынке, но с сохранением контроля над направлениями экономического развития, своей политической системой и внешней политикой. Но это уже является идеологическим вызовом как для американской философской концепции «плоского нивелированного мира», так и для европейской системы поддержки либеральной многополярности. В новых конкурентных условиях разработчики политического курса на Западе должны наиболее оптимальным образом приспособить свои идеи к современной ситуации, если они хотят развивать и защищать проповедуемые ими либеральные ценности.

XXI век будет не просто веком Китая. Дело не ограничится заменой ассортимента «Макдоналдса» на «мань-тоу» (китайское название булочек на пару) в качестве ведущего блюда в мире «быстрой кухни». Агентство Си-эн-эн будет подчиняться Си-си-ти-ви (Центральное ки-

тайское телевидение), а Голливуд будет управляться руководством «Китайской новой волны». Китай способен присоединиться к США и Европейскому Союзу в качестве мирового игрока, конкурируя с западным влиянием в Африке, Азии, на Ближнем Востоке, Латинской Америке и в странах бывшего Советского Союза, внедряя в эти регионы отличную от западной модель глобализации. Если Китай продолжит свой экономический рост, вполне возможно, что в будущем субъекты международного права, находящиеся вне Всемирной торговой организации, будут предъявлять жалобы по поводу как «Пекинского соглашения», так и «Вашингтонского соглашения». Всем им, вероятно, придется прислушиваться к содержанию и тону посланий президента Китая к ВСНП (парламент Китая) подобно тому, как это происходит в Америке в отношении докладов «о положении в стране», представляемых американским президентом конгрессу. Политическое соперничество между некими Си и Ли, вероятно, будет привлекать столь же большое внимание общественности, как противостояние между Сеголен Роайяль и Николя Саркози или Руди Джулиани и Хиллари Клинтон. Мировые средства массовой информации, возможно, будут с одержимостью следить за планами неокommunistов Китая в отношении Центральной Азии, как в настоящее время они комментируют проект американских неоконсерваторов по Ближнему Востоку. А когда Боно и Боб Гелдоф попытаются в следующий раз оказать помощь Африке, они скорее всего организуют свой мега-концерт на олимпийском стадионе «Ласточкино гнездо» в Пекине, а не в лондонском Гайд-парке.

Путь Китая к статусу супердержавы не будет гладким. Вполне вероятно, что пекинская доктрина государствен-

ного капитализма, открытых рыночных отношений и закрытой политической системы даст сбой на одном из этапов выбранного курса. Однако стоит иметь в виду то, что в Советском Союзе пришлось смениться трем поколениям, пока экономическая модель, недееспособная даже в теории, реально потерпела крах на практике. Тем не менее до самого последнего момента перед своим коллапсом Советский Союз олицетворял собой альтернативную модель устройства государства, бросившую вызов либеральной демократии западного типа. Подъем Китая уже изменил баланс сил в экономической и военной сферах и в настоящее время продолжает оказывать сильное влияние на формирование мировой политики, экономики и мироустройства в целом. Исследователи, утверждавшие, что КНР с ростом своего благосостояния станет более походить на страны западного мира, оказались не правы. Впервые с момента окончания «холодной войны» Европа и Америка столкнулись с грозной альтернативой — китайской моделью.

МЫСЛИТЕЛИ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

Цуй Чжиюань — профессор политологии и администрирования пекинского университета Цинхуа. Яркий представитель так называемых «новых левых». Он стал хорошо известен в китайских интеллектуальных кругах благодаря своим исследованиям по поиску альтернативных путей в отношении теории неолиберального капитализма. Его наиболее известными работами являются книга «Деревня Наньцзе» и статья, призывающая к «Второму освобождению мышления». Он родился в 1963 году, когда его отец работал в провинции Сычуань инженером в атомной промышленности. Цуй учился в Хунаньском университете, затем поступил в Китайскую академию общественных наук (КАОН) в Пекине — для получения ученой степени магистра. Свое обучение в Пекине он не окончил и в 1987 году уехал на учебу в Чикагский университет. Он вернулся в Китай в 2004 году в связи с престарелым возрастом своих родителей (он являлся их единственным сыном). «Места проведения интеллектуальных дебатов перемещались туда, где на тот момент кипела научная жизнь и где можно было бы публиковать свои работы, то есть прежде всего в Гонконг. Вы можете быть более

влиятельным экспертом за рубежами Китая просто по той причине, что не можете много сказать, находясь внутри страны. Но сегодня в Китае гораздо больше свободы, а Интернет позволяет миру быть разноликим. До тех пор пока вам не придет в голову написать, что Коммунистическая партия должна быть незамедлительно свергнута, вы можете писать все, что вам угодно».

Фан Нин — выдающийся исследователь в области политологии. Его наиболее известной книгой является чрезвычайно популярный трактат ультранационалистического содержания, написанный им в соавторстве с Ван Сяодуном под названием «Китайский путь в тени глобализации» в 1999 году. Фан Нин особенно гордится своей статьей «Социализм подразумевает гармонию», написанной в 1997 году; она была одним из первых произведений, проводящих параллель между социализмом и гармоничным устройством мира. Он утверждал, что его статья явилась одним из вдохновляющих факторов, приведших к появлению популярного в настоящее время политического призыва создать «Гармоничное общество» и «Гармоничный мир». В качестве заместителя директора Института политических исследований при Китайской академии общественных наук он выпустил множество работ по проблемам китайской политической теории и демократии в стране. Он активно сотрудничал с представителями китайского правительства по нескольким конкретным проектам, включая работу над «Белой книгой демократии» в 2005 году.

Гань Ян — академик, с явной симпатией относящийся к так называемым «новым левым». В настоящее время работает в качестве научного сотрудника в Центре азиат-

ских исследований в университете Гонконга. Он получил степень доктора философии в Чикагском университете после приезда в США на волне протестов против событий на площади Тяньаньмэнь. Его главными научными работами являются произведения «Мы создаем традиции» (1989 год) и «Размышления о либерализме» (1997 год). Гань Ян весьма остро затронул чувства многих приверженцев так называемых «новых правых», когда для характеристики «культурной революции» в Китае он предложил использовать явно провокационную формулировку — «созидательное разрушение».

Ху Аньган — «несносный ребенок» китайской экономической науки. Всем своим видом — с взлохмаченной головой, своим несколько шокирующим стилем поведения — он выводил из равновесия степенных китайских академиков, разделяваясь с политологией с таким же рвением, как нечто подобное проделывал британец Найджел Кеннеди с классической музыкой. Его доклад «О роли китайского государства», подготовленный в соавторстве с Ван Шаогуаном во время учебы в Йельском университете, стал широко известен и получил оценку как одно из наиболее ярких произведений по политической экономике Китая за последние два десятилетия. В нем приводились доводы в пользу усиления роли правительства в делах государства. Он является автором более сорока публикаций и постоянным консультантом центрального и провинциальных правительств Китая. В настоящее время он имеет статус профессора и занимает должность директора Центра исследований Китая на факультете Общественной политики и управления университета Цинхуа в Пекине. Ху познакомился с Ван Шаогуаном в период обучения в Йельском университете после своей доктор-

антуры. Позже он в качестве приглашенного профессора читал лекции в целом ряде университетов Запада. Как наиболее влиятельный экономист — сторонник течения «Новые левые», — он стал зачинателем исследований «Китайской национальной специфики». Он проявил интерес к этой теме и последовательно развивал ее в Китайской академии наук с 1985 года.

Пань Вэй — один из восходящих авторитетов в китайских академических кругах. Он — профессор Института международных исследований и директор Центра изучения Китая и мировых взаимоотношений — обе эти структуры относятся к системе Пекинского университета. В его работе «Консультативный принцип законодательных норм», получившей большое признание специалистов, содержится призыв следовать скорее Сингапурскому опыту, чем перенимать западные либерально-демократические ценности. Он получил докторскую степень в Калифорнийском университете в Беркли в 1996 году. Пань является одним из наиболее оригинальных китайских теоретиков по проблемам политических реформ и политического и экономического развития сельских районов Китая. Пань Вэй придерживается «консервативной» ориентации и отстаивает чисто китайскую модель политического и экономического развития страны.

Цинь Яцин — профессор и исполнительный вице-президент Университета международных отношений Китая. Он зарекомендовал себя как один из самых «миролюбивых» экспертов по вопросам международной политики в Китае. Цинь получил докторскую степень в Университете штата Миссури в 1994 году. Он играет объединительную роль в субсидируемой государством структуре — Университете меж-

дународных отношений Китая, созданном ветераном внешней политики, бывшим министром иностранных дел Чжоу Эньлаем для того, чтобы играть во внешней политике роль, подобную той, что играет во внутренних делах страны Высшая партийная школа Китая. Цинь также активно поддерживает деятельность Высшей школы международных отношений Китая. Он принимает участие в выработке китайским правительством решений по проблемам внешней политики, консультируя по ряду вопросов, в том числе по региональной интеграции государств Восточной Азии.

Ши Иньхун — профессор факультета международных отношений в Пекинском народном университете. Он является одним из наиболее интересных теоретиков, занимающихся проблемами общей стратегии развития Китая. Он также известен своими вызывающими разногласия предложениями по ослаблению напряженности в отношениях с Японией. Ши часто приглашают в качестве признанного эксперта для чтения лекций во многие американские университеты, в том числе в Гарвардский и Денверский университеты, а также в Университет Северной Каролины. В принципиальных вопросах общей стратегии Ши Иньхун ведет себя как «либеральный интернационалист», занимающий умеренные позиции в плане отношений с Соединенными Штатами и Японией.

Ван Хуэй — профессор Университета Цинхуа; с 1996-го по 2007 год — один из редакторов ведущего китайского философского журнала «Душу». Он является одним из самых ярких представителей движения «Новые левые». Эта не связанная формальными обязательствами группа в основном состоит из ученых, призывающих китайское правительство

уделять больше внимания ликвидации неравенства в обществе и борьбе с загрязнением окружающей среды. Ван родился в 1959 году в интеллигентной семье в провинции Цзянсу. После окончания средней школы в период «культурной революции» он в течение двадцати месяцев трудился рабочим на текстильной фабрике. Затем он поступил в университет Синду и только в 1985 году защитил докторскую диссертацию в Китайской академии общественных наук. В июне 1989 года Ван Хуэй принимал участие в демонстрациях на площади Тяньаньмэнь. В 1992 году он поступил в Гарвардский университет, а затем некоторое время учился в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе. Иногда Ван вспоминает: «Во время учебы в средней школе мы отправлялись каждую весну и осень в деревни, чтобы работать вместе с крестьянами, поэтому я хорошо знаком с сельскохозяйственными процессами».

Ван Шаогуан — один из самых творческих людей в движении «Новые левые». Он является профессором в Китайском университете в Гонконге и редактором журнала «Китайское обозрение». В течение более двух последних десятилетий он проживает за пределами Китая. В прошлом «хунвэйбин», в 1990 году он защитил докторскую диссертацию в Корнуэльском университете по теме «Культурная революция», а потом с 1990-го по 2000 год преподавал в Йельском университете. Затем он перебрался в Гонконг. В 1993 году в соавторстве с Ху Аньганом он работал над докладом «О роли китайского государства», вызвавшим широкие дискуссии внутри Китая, что в конечном счете привело к существенному реформированию налоговой системы страны. С тех пор оба автора составили целый ряд солидных аналитических обзоров китайской

политической экономики, оказавших действенный эффект на выработку политической линии правительства. В последнее время Ван активно сотрудничал с Пань Вэем и Гань Яном в исследовательском проекте по вопросу «Китайской модели общества».

Ван Сяодун — один из наиболее известных и заметных в Китае «ультранационалистов», часто выступающих на «передней линии» противостояния в ходе противоречивых дебатов, касающихся проблем американо-китайских или японо-китайских отношений, а также актуальных вопросов охраны окружающей среды в Китае. Книга под названием «Китайский путь в тени процесса глобализации», написанная им в соавторстве с Фан Нином в 1999 году, свидетельствует о появлении новой волны китайского национализма в эпоху глобализации. Хотя Ван и не входит в число лиц, определяющих основные направления китайской внешней политики, его работы получили широкое признание и нашли особый отклик среди «золотой молодежи» — детей высокопоставленных чиновников.

Янь Сюэтун — ведущий китайский представитель течения «Новые коммунисты». Он призывает к более решительному подходу к Тайваню, Японии и США. Являясь одним из самых известных ученых в области китайской внешней политики, он занимает пост директора Института международных исследований при Университете Цинхуа. Янь защитил свою докторскую диссертацию в Калифорнийском университете в Беркли в 1992 году. Он работал в качестве научного сотрудника, приглашаемого для чтения лекций в Китайском институте современных международных отношений в Пекине в 1982—1984 годы и 1992—2000 годы.

Ян Яо — один из немногих экономистов, анализирующих результаты выборов и влияния народной демократии на социальное благосостояние граждан. Он является профессором и одновременно занимает пост заместителя директора Китайского центра экономических исследований в Пекинском университете. Ян получил докторскую степень в Висконсин-Мэдисонском университете в 1996 году. Ян Яо дистанцируется как от сторонников «рыночного фундаментализма» в лице большинства своих коллег, отстаивающих интересы «новых правых», так и от «популистских тенденций», озвученных «новыми левыми». Он, в частности, считает, что «экономисты в Китае в гораздо большей степени придерживаются правых взглядов, чем их коллеги в Европе и Америке». «Я сторонник левых взглядов, — отмечает Ян Яо, — поскольку я защитил свою докторскую диссертацию в Висконсине, являющемся наиболее социально ориентированным штатом в Америке. В то время я не так сильно осознавал, что Висконсин оказал на меня такое большое влияние».

Ян И — поступил на службу в Китайские военно-морские силы в 1968 году и впоследствии занимал пост военно-морского атташе при посольстве Китая в Вашингтоне в период с 1995 по 2000 год. В настоящее время он занимает пост директора Института стратегических исследований при Университете национальной обороны, входящем в систему Народно-освободительной армии Китая (НОАК). Он возглавляет проводимые в университете исследования по проблемам китайской стратегии в международных делах и в области национальной безопасности. Ян зарекомендовал себя как достойный офицер и уважаемый ученый. Он является ведущим авторитетом стра-

ны в вопросах китайской политики безопасности. За последние несколько лет он опубликовал ряд тематических статей по вопросам национальной безопасности в журнале «Глобал таймс», привлечших значительное внимание как внутри страны, так и за рубежом.

Юй Кэпин — заместитель директора Центрального государственного бюро по сбору материалов и переводам. Эта организация занимает ведущее положение в стране в том, что касается анализа и распространения результатов экспериментов по развитию «народной» демократии, проведению выборов и опросов общественного мнения. Юй Кэпин упоминается в качестве неофициального консультанта президента Ху Цзиньтао. Ряд его работ, включенных в вышедшую в 2006 году книгу «Демократия — это хорошая вещь», вызвал полемику. Он защитил свою докторскую диссертацию в области политических наук в Пекинском университете в 1988 году. Юй является восходящей звездой среди ученых, работающих в сфере государственной (коммунистической) политологии. Несмотря на загруженность академической деятельностью, он также выступает в качестве ведущего эксперта новой, созданной по распоряжению правительства специальной комиссии по изучению теории марксизма — возобновленной области исследований, ставшей объектом пристального внимания со стороны многих наиболее признанных в Китае теоретиков по вопросам политики. Хотя Юй Кэпин занимает правительственные посты, его авторитет в целом высоко оценивается академическим сообществом страны, прежде всего за вклад в научные исследования. Вместе с Фан Нином и некоторыми другими учеными он представляет группу теоретиков, занимающихся вопросами китайского стиля развития демо-

кратии; деятельность ее вызывает наибольший интерес у специалистов.

Чжэн Бицзянь — наиболее заметный и в то же время спорный китайский мыслитель, специализирующийся в области международной политики и политических реформ. Он известен своими академическими достижениями и успехами в исполнении должностных обязанностей. Чжэн начинал свою карьеру в качестве преподавателя в Народном университете и со временем смог подняться до постов заместителя министра Департамента пропаганды и вице-президента Центральной партийной школы. Предполагается, что он также является близким советником президента Китая Ху Цзиньтао. В 70—80-х годах Чжэн выступал как влиятельный сторонник процесса реформ, много работал над партийными документами и проектами программных выступлений лидеров. Так, им были подготовлены «знаковые» выступления Дэн Сяопина для известной «южной поездки» китайского лидера, совершенной в 1992 году. Их послыл заключался в том, что Китай вновь возвращается на путь экономических преобразований после трагических событий на площади Тяньаньмэнь. В 2004 году Чжэн инициировал исследовательский проект, предусматривавший введение в обиход идеи «мирного подъема». И хотя ее вряд ли можно считать успешной как с точки зрения интеллектуального прорыва, так и политической программы действий, однако многие из выдвинутых Чжэном положений продолжают звучать и сегодня в среде идеологов, формирующих внешнюю политику страны. В настоящее время он занимает пост президента Форума китайских реформ, официозного исследовательского центра, вырабатывающего рекомендации, в том числе

и для правительства. Недавно Чжэн Бицзянь также присоединился к группе, работающей над проектом по «восстановлению китайской культуры».

Чжан Вэйин — один из самых известных экономистов Китая и ведущий представитель движения «Новые правые». Он занимает должность первого ассоциированного декана Школы управления Гуанхуа при Пекинском университете, а также директора Института изучения бизнеса и Электронного делового центра при Пекинском университете. В 2002 году центральным телевидением Китая (Си-си-ти-ви) Чжан был назван «Человеком года китайской экономики». Он принимает участие в работе ряда государственных и корпоративных структур. Чжану была присвоена докторская степень в Оксфордском университете; руководителем его докторантуры там являлся Нобелевский лауреат по экономике 1996 года Джеймс Мирлис. До своего поступления в Оксфорд в 1990 году он проводил исследования по теоретическим и политическим аспектам экономических реформ в Комиссии по институциональной деятельности государства, ныне упраздненной; первым в Китае выдвинул идею о «параллельном реформировании цен». Чжан является признанным авторитетом теории предпринимательства в Китае, пользуется большим уважением в академических, правительственных и деловых кругах страны. Он широко известен своими взглядами на процессы экономического развития страны и как лидер «неолиберального» течения в Китае. Вместе с тем позиции, занимаемые им, вызывают резкую критику со стороны современного Китая.

**Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.**

Научно-популярное издание

**Леонард Марк
О чем думают в Китае?**

**Редактор В.В. Комарденков
Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерная верстка: В.Е. Кудымов
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор Н.В. Дмитриева**

**Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 — научная и производственная литература**

**Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.009937.09.08 от 15.09.08 г.**

**ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru**

**Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru**

**ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1**

**Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Издательско-
полиграфическое предприятие «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78, 20-50-52
www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru**